В. И. Чуйков

ГВАРДЕЙЦЫ СТАЛИНГРАДА

ИДУТ НА ЗАПАД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Василий Иванович Чуйков командовал в годы Великой Отечественной войны 62-й армией, впоследствии преобразованную в 8-ю гвардейскую. У этой армии большая и интересная история.

Она была сформирована летом 1942 года и завоевала себе неувядаемую славу, защищая Сталинград. Читателям известна книга В. И. Чуйкова «Начало пути», рассказывающая о боевых действиях 62-й армии при обороне Сталинграда. В этой книге автор рассказывает о том, как в составе 3-го Украинского фронта 8-я гвардейская армия принимала активное участие в освобождении Украины, форсировала Днепр, громила вражеские группировки под Никополем и Запорожьем, освобождала Одессу.

В книге помещены фотографии Юрия Чернышева, корреспондента армейской газеты «На защиту Родины».

- Дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза
  - ○
  - ○ Сражение века
  - ○ Из Сталинграда на Северный Донец
  - ○ Битва за Донбасс
  - ○ Запорожская операция
  - ○ Трудный перевал
  - ○ Ингулецкий парадокс
  - ○ Освобождение Одессы
  - ○ Днестровский плацдарм
  - ○ Послесловие
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза В. И. Чуйков Гвардейцы Сталинграда идут на запад

Весной 1918 года Василий Иванович Чуйков вступил добровольцем в ряды Красной Армии, чтобы защищать завоевания рабочего класса. С апреля 1919 года Василий Иванович член Коммунистической партии. Сначала он командовал 40-м полком, затем 43-м на Восточном фронте. После сражений с Колчаком полк был переброшен на Западный фронт на разгром белопольской интервенции.

За участие в гражданской войне Чуйков награжден двумя боевыми орденами Красного Знамени. Об этом периоде своей жизни Василий Иванович рассказал в книге «Закалялась молодость в боях».

Начались годы учебы. Василий Иванович оканчивает Военную академию имени Фрунзе, затем академические курсы механизации и моторизации. В 1936–1937 годах он командовал механизированной бригадой, в 1938 году — стрелковым корпусом, а затем армейской группой.

В 1939–1940 годах был командующим армией, участвовал в освобождении Западной Белоруссии и в советско-финской войне. В 1940 году его направляют на военно-дипломатическую работу в Китай, где он становится главным военным советником.

Василий Иванович возвращается на Родину весной 1942 года и тут же отправляется на фронт. Он заместитель командующего резервной армии, затем командующий армейской группой войск. 12 сентября его назначают командующим 62-й армии.

Об обороне Сталинграда, о героическом подвиге солдат и командиров 62-й армии Чуйков написал книгу «Начало пути», которая известна широкому советскому и зарубежному читателю. В своей книге он ярко показал, как в солдате рождается тот психологический перелом, который сделал слова «Ни шагу назад», «Стоять насмерть» выражением душевной убежденности.

После завершения разгрома окруженных войск врага в Сталинграде, 62-я армия направляется в состав Юго-Западного фронта, на Северный (Северский) Донец. Перед ней ставится новая задача — подготовиться к битве за освобождение Донбасса…

Весной сорок третьего года 62-я армия за мужество, дисциплину и организованность солдат и офицеров в боях за Советскую Родину были преобразована в 8-ю гвардейскую.

Новый свой путь 8-я гвардейская начали с форсирования Северного Донца, с битвы за Донбасс, она участвовала в освобождении Запорожья, в ожесточенных сражениях на правобережной Украине, освобождала Днепропетровск, Никополь, Апостолово, Николаев, Одессу, вышла на Днестр.

Рассказу о боях за освобождение Украины и посвящена книга «Гвардейцы Сталинграда идут на запад».

В издательстве «Советская Россия» в 1973 году выйдет третья книга Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова о Великой Отечественной войне — «Конец третьего рейха». В ней рассказывается о завершающем этапе войны, о штурме укреплений на немецкой земле, о штурме Берлина. В разное время в печати появлялись главы из этой книги.

После окончания Великой Отечественной войны В. И. Чуйков командовал Группой советских войск в Германии, с 1953 года по 1960 год он командующий войсками Киевского военного округа. С 1960 по 1964 год — Главнокомандующий Сухопутными войсками Советского Союза.

С 1964 года В. И. Чуйков — начальник гражданской обороны СССР.

Василий Иванович — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС.

Сражение века

«…Гитлер сказал:

— Я не уйду с Волги!

Я громко ответил:

— Мой фюрер, оставить 6-ю армию в Сталинграде — преступление. Это означает гибель или пленение четверти миллиона человек. Вызволить их из этого котла будет уже невозможно, а потерять такую огромную армию — значит сломать хребет всему Восточному фронту.

Гитлер побледнел, но ничего не сказав и бросив на меня ледяной взгляд, нажал кнопку на своем столе. Когда в дверях появился адъютант — офицер СС, он сказал:

— Позовите фельдмаршала Кейтеля и генерала Иодля…»

Это строчки из послевоенных воспоминаний генерала Цейтилера, бывшего начальника гитлеровского генерального штаба сухопутных войск. Он рассказывает о той минуте, когда для Гитлера, наконец, настала пора задуматься всерьез об исходе войны, об исходе его вторжения в Советский Союз.

Цейтцлер продолжает:

«…Он был все еще бледен, но внешне держался торжественно и спокойно. Он сказал:

— Я должен принять очень важное решение. Прежде чем сделать это, я хочу услышать мнение. Эвакуировать или не эвакуировать Сталинград? Что скажете вы?»[1]

Если верить Цейтцлеру, Гитлер спрашивал мнение своего высшего генералитета. Цейтцлер утверждает, что Гитлер принял решение вопреки мнению многих генералов, тем самым перекладывая на него всю ответственность за последующее.

Решение известно…

Гитлер оставил 6-ю армию Паулюса в Сталинграде, запретив ей покидать город, покидать захваченные рубежи…

Я не знаю, правдиво ли передает Цейтцлер эту сцену, имело ли место на самом деле такое совещание. Может быть, так все это и было, может быть, и не так! Достоверно другое!

Оборона Сталинграда, удар наших войск по флангам группировки войск противника поставили перед гитлеровским режимом вопрос: «быть или не быть»? Дело сводилось отнюдь не к вопросу, оставлять или не оставлять Сталинград. Вопрос вставал шире: проиграна ли кампания года или проиграна война, остаются ли какие-либо шансы у немецкой армии на победу в Советской России или сегодня, сейчас они потерпели полное и бесповоротное поражение?

Мы не знаем, из каких рассуждений исходил Гитлер, принимая решение, к кому из советчиков он прислушивался, к кому не прислушался.

Но с того часа, как наши танковые клинья отсекли стальными клещами крупную группировку немецко-фашистских войск, гитлеровское командование оказалось сразу перед несколькими проблемами военного и политического характера.

Я не верю, чтобы в немецком генеральном штабе в то время, в сорок втором году, не нашлось бы генералов, которые могли бы трезво оценить сложившуюся обстановку. Наверное, были такие. Реалисту, военному человеку не составляло труда сообразить и рассчитать, что с того часа, как наши войска завершили окружение фашистских войск под Сталинградом, над гитлеровской Германией нависла угроза поражения.

Сегодня бывшие гитлеровские генералы пытаются изобразить дело так, что решение об оставлении армии Паулюса в Сталинграде принято единолично Гитлером, продиктовано лишь его соображениями престижного характера, чуть ли не капризом диктатора, преступлением… Безусловно, ответственность за бессмысленную гибель, за бессмысленное медленное умирание, за агонию трехсоттридцатитысячной армии несут фашистские правители Германии, но вместе с ними и генералы немецкой армии.

Это они толкнули немецких солдат на Восток, это они привели их на Волгу, в Сталинград, подставив под неизбежный и неотразимый удар возмездия…

* * *

Обратимся к некоторым документам.

«Правда» от 5 октября 1942 года: «С затаенным дыханием следит мир за гигантской битвой, развернувшейся на берегах Волги. Каждое сообщение мгновенно облетает весь свет. Газеты всех стран на первых страницах печатают телеграммы о положении в районе Сталинграда, о ходе небывалого в истории сражения. Мировая печать единодушно отмечает беспримерный героизм защитников города. Турецкая газета „Икдам“, высмеивая болтовню о непобедимости германской армии, пишет: „Один только Севастополь боролся больше, чем французская армия, один только Сталинград оказывает более упорное и сильное сопротивление, чем вся Европа“».

Фашистская газета «Берлинер берзенцейтунг» от 14 октября 1942 года так характеризовала бои в Сталинграде: «У тех, кто

переживет сражение, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется навсегда в памяти, как если бы он был выжжен каленым железом… Следы этой борьбы никогда не изгладятся… Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху».

В мае 1944 года президент США Рузвельт прислал грамоту Сталинграду, в которой писал: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии»[2].

Можно привести еще много документов, которые иногда и вопреки желанию их авторов давали и дают объективную оценку Сталинградской битвы. Все эти документы сходятся на одном: Сталинградская битва была решающим сражением, она положила начало коренному перелому в ходе второй мировой войны. Некоторые зарубежные историки и журналисты и после войны, сохраняя объективность, признавали за Сталинградской битвой ее первостепенное значение для мировой истории XX столетия.

Роберт Шервуд в своем двухтомном труде «Рузвельт и Гопкинс» писал, что завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы — которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне — Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения.

Сегодняшние фальсификаторы истории, в надежде, что время размыло человеческую память, стараются изобразить дело так, что Сталинградская битва была чуть ли не рядовым событием второй мировой войны, сражением, стоящим в общем ряду многих других сражений.

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, бывший командующий группой армий «Дон» и затем «Юг», мемуарам которого на Западе придается особое значение, в поисках «документальной основы» для искажения истории пишет: «Несмотря на то, что немцы потеряли в общем пять армий, все же нельзя говорить, что эта утрата уже имела решающее значение для исхода всей войны».

В этой концепции нет ничего нового, она целиком повторяет установки гитлеровской пропаганды в дни разгрома гитлеровских

войск под Сталинградом. Известен случай с военным инженером гитлеровской 6-й армии Зелле. Он в качестве курьера вылетел на самолете из Сталинградского котла. Вскоре же он был заключен Гитлером в концлагерь за «пропаганду, наносящую ущерб вермахту».

Эриха фон Манштейна в концлагерь Гитлер не послал бы за его так называемые исторические исследования.

Не отстают от гитлеровских генералов английские генералы, военные теоретики и историки в своих попытках принизить значение Сталинградской битвы и военное искусство, проявленное при этом советским командованием.

Вместе с тем фальсификаторы истории всячески преувеличивают роль вооруженных сил союзников на второстепенных театрах военных действий. Так, генерал-лейтенант З. Вестфаль, упоминая о высадке 8 ноября 1942 года союзных войск под командованием генерала Эйзенхаузра в Марокко и Алжире, говорит, что «именно теперь и началась борьба не на жизнь, а на смерть», что «вооруженные силы именно этим начали теперь активные, прямые военные действия против Германии»[3].

Тем, у кого так коротка память, я считаю необходимым напомнить, что немецкое наступление в Северной Африке началось 21 января 1942 года. Итало-немецкие войска под командованием Роммеля вытеснили англичан из Киренаики и достигли Эль-Аламейна в ста километрах от Александрии. Наступление велось без привлечения сколь-нибудь значительных резервов. Вся техника, все резервы были сосредоточены Гитлером на Восточном фронте, в России. Наступление Роммеля затормозилось. Он просил неоднократно у Гитлера резервов в июле — августе. Гитлер уже ничем не мог помочь Роммелю — шла битва на Волге. Не в пустынях Северной Африки, не на Среднем и Ближнем Востоке искал Гитлер победы — важнее театра военных действий чем в России для него не было во всю вторую мировую войну, важнее участка, чем под Сталинградом в 1942 году, для него не было на всем Восточном фронте.

Это можно было объяснить тем, что Гитлер связывал с победой на Волге далеко идущие цели. Нацистские правители и немецкое главное командование все еще рассчитывали на победоносное завершение развязанной ими войны против СССР. Кроме того, гитлеровское руководство считало, что после захвата Сталинграда ему удастся втянуть Турцию и Японию в войну против Советского Союза. Это могло дать Гитлеру возможность снять часть дивизий с Восточного фронта и, перебросив их в Северную Африку, развернуть и там широкие наступательные

операции. И вместе с тем, несмотря на столь напряженный момент для хода всей второй мировой войны, Сталинградская битва носила характер поединка Советских Вооруженных Сил с гитлеровской военной машиной, в состав которой входили войска и гитлеровских сателлитов.

Наши союзники не торопились выполнить свое слово о создании второго фронта в Европе в 1942 году.

Английская разведка информировала свое правительство: «Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение»[4].

На совместном заседании штабов в Вашингтоне английские генералы заявили: «Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 года»[5].

Выжидательная позиция наших союзников позволила гитлеровскому командованию без особого труда создать на юге нашей страны значительное превосходство в людской силе и технике.

К стенам Сталинграда подходил сильный враг, владеющий военным искусством, оснащенный военной техникой, накопивший богатый опыт в проведении сложнейших военных операций.

Казалось бы, все шло как шло и до этого. На узком участке фронта были сосредоточены превосходящие силы для нацеленного удара на Сталинград. Благоприятствовала и погода для маневра танковых и моторизованных войск, стояло сухое, ясное лето — степь лежала укатанной дорогой.

…В немецком генеральном штабе начертили на карте красивые разноцветные стрелы на рассечение советских армий. Удары нацеливались, как обычно, на стыки войсковых соединений, как на самые уязвимые в оперативном отношении места, в прорывы намечались переброски крупных танковых соединений, воздушные армады обеспечивали действия наземных войск, полевые штабы уточнили в деталях стратегические расчеты.

Но!

Советское Верховное Главнокомандование прежде всего правильно и точно раскрыло после харьковских событий весны 1942 года направление главного удара противника и своевременно сделало из этого выводы.

Исходя из реальной расстановки сил, Советское Верховное Главнокомандование приняло решение на этот раз не только остановить врага, но, остановив, перемолоть в оборонительных

боях его живую силу и технику. Разгадав замысел противника, наше Верховное Главнокомандование разработало план разгрома основной группировки противника в районе Сталинграда.

Сталинградское сражение распадается на два периода; в каждом из них решались отдельные составные части общего стратегического замысла Советского Верховного Главнокомандования по разгрому противника.

Оборонительный период длился с 17 июля до 18 ноября 1942 года. В этот период входили оборонительные бои на дальних и ближних подступах к Сталинграду и оборона города.

Под мощными, концентрированными ударами противника 62-я и 64-я армии медленно, оказывая ожесточенное сопротивление, отходили к Сталинграду. Противник как бы вдвигал их в пределы города. Ход боев сложился так, что на 62-ю армию высшим командованием была возложена задача оборонять город с запада, на 64-ю армию возлагалась задача оборонять южные подступы. Основная группировка врага нацелилась в грудь 62-й армии.

Второй период Сталинградского сражения начался 19 и 20 ноября мощным контрнаступлением Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. 62-я и 64-я армии получили приказ также о наступлении и уничтожении окруженного в Сталинграде противника.

Этот период закончился 2 февраля 1942 года уничтожением и пленением окруженной группировки противника в Сталинграде и под Сталинградом.

Именно в этом втором периоде в процессе мощного контрнаступления зародились и были созданы предпосылки для развития общего наступления советских войск на юге страны. В декабре 1942 года все южное крыло советско-германского фронта пришло в движение, гитлеровские войска начали откатываться на Курск, Харьков, Ворошиловград и Ростов-на-Дону. Разгром Сталинградской группировки создал благоприятные условия для изгнания врага с Северного Кавказа. Фашистские войска и здесь вынуждены были отступать на Ростов-Дон, на Новороссийск.

Вся Сталинградская операция, когда выявились контуры этого сражения, была проведена, как грандиозные Канны, она и превратилась в Канны двадцатого столетия.

Канны навечно вошли в классику военного искусства.

Не раз известнейшие полководцы всех времен пытались повторить искуснейший маневр Ганнибала в битве против римских легионов, превосходивших его войска почти вдвое по численности. Но Канны по своей классической завершенности оставались единственным сражением на протяжении всей

истории войн.

Я хотел бы напомнить главные моменты этой военной операции.

Римская армия, состоявшая из 80 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы, преградила дорогу карфагенским войскам. Под командованием Ганнибала в то время было 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы.

Римский полководец Варрон решил нанести сосредоточенный удар по центру противника, используя свое подавляющее численное превосходство. И не только численное превосходство спешил использовать Варрон. Самый принцип построения легионов и их боевая выучка позволяли ему действовать своими войсками как тараном. Римский легион мог вести сражение словно бронированная машина.

Передние ряды выставляли впереди себя щиты. Щитами прикрывались и фланги легиона. Второй ряд закрывал возможные просветы в первом ряду щитов. В одно мгновение щиты могли сдвинуться или раздвинуться. И лишь только они раздвигались, как между ними выставлялся лес копий и почти синхронно наносились удары мечами. Бил первый ряд, наносил удары и второй ряд, удары противника принимались на щит. Сдвинув щиты, закрывшись ими, как сплошным обводом из брони, римский легион давил на противника своей тяжестью, вынуждал его пятиться, расстроить ряды и опять, открывшись, наносил удары.

Для концентрированного удара Варрон увеличил боевой порядок римлян в глубину. Таранный удар утяжелился. Для отражения возможных ударов карфагенской конницы с флангов, Варрон выставил на свои фланги конницу.

Ганнибал противопоставил Варрону свой замысел, который требовал от войск, конечно, высокой выучки и решимости. Он решил нанести удар по римским боевым порядкам усиленными флангами, сжать, как в тисках, тяжелые, неповоротливые легионы и, сжав их, создав тесноту для римлян на поле боя, разрушить их строй.

Ганнибал поставил в центре своего боевого порядка 20 тысяч лучшей своей пехоты, построив ее в несколько шеренг в глубину. Усиленные в глубину фланги из тяжелой африканской пехоты подбирались так, чтобы выстоять при давлении римских легионов. Карфагенский боевой порядок имел форму дуги, обращенной своей выпуклой стороной к противнику. Сам Ганнибал стоял в центре, считая силу сопротивления центра основой успеха в задуманном плане сражения.

Римская пехота атаковала центр карфагенских войск. Под

ударами и давлением тяжелых легионов карфагенский центр начал пятиться и отступать. В то же время фланги карфагенской армии устойчиво держали фронт, ибо на них не приходилось столь же тяжкого давления, как на центр. Дуга карфагенских войск прогнулась, выгнулась в обратную сторону. Теперь карфагенские войска охватывали с флангов римские легионы, потерявшие свою ударную силу.

В этот момент карфагенская конница, используя свое численное превосходство над римской конницей, атаковала ее и вышла в тыл римским легионам. Тяжелая пехота Ганнибала начала давление на легионы с флангов. Римские легионы оказались не только окруженными, но и стиснутыми со всех сторон. Ломались их бронированные фронт и фланги, скована была их маневренность, начался полный разгром. Римляне потеряли до 70 тысяч человек, из 16 тысяч оставшихся в живых больше половины попали в плен, остальные были рассеяны. Потери Ганнибала не превышали 6 тысяч человек.

Отметим, что были уничтожены прошедшие классическую выучку римские легионы, имевшие богатый боевой опыт, боевое построение которых опиралось на законы геометрии.

В августе — октябре сорок второго года окончательно определились не только стратегические планы гитлеровского командования в излучине Дона, но и выявилось в ходе боев направление главного удара на Сталинград. 62-я и 64-я армии отжимались превосходящими силами противника к Сталинграду, в то же время ослабевало давление гитлеровцев на наши фланги, на севере и юге, ибо все их основные резервы сосредоточивались на направлении главного удара, удара на город. Наши войска получили возможность стабилизировать фронт на левом берегу Дона по линии Вешенская — Серафимович — Кременская — Трехостровская на северном фланге и по линии Бекетовка — Цаца — Малые Дербеты — озеро Сарпа на южном фланге. Дуга вполне отчетливо прогибалась в нашу сторону, немецкие фланги в то же время открылись для удара.

По своим масштабам, по введенным в действие войсковым соединениям и технике Сталинградское сражение, конечно же, не идет ни в какое сравнению ни с Каннами, ни с какими-либо другими сражениями давнего и недавнего прошлого. Но внешняя схема складывалась по классической схеме Канн.

Перед 62-й и 64-й армиями, которые вдавливались противником в Сталинград, Верховным Главнокомандованием была поставлена четкая и необычайная по своей ответственности задача: принять в пригородах и городе на себя всю силу концентрированного удара гитлеровских войск, втянуть

противника в изматывающие бои.

Будет ли остановлен враг в Сталинграде? Вот вопрос, который волновал тогда весь наш народ, весь мир. Гитлер с нетерпением ждал сообщения о падении Сталинграда.

А в армии у наших солдат, у командиров, в генералитете зрело между тем убеждение, что на этот раз враг будет остановлен, невзирая ни на что.

«Ни шагу назад!» Сколько раз и на каких только рубежах наших сражений против захватчиков ни произносились эти слова: командирами, политработниками, коммунистами, комсомольцами, беспартийными. Год тяжелых боев, ожесточенных сражений за свободу Родины родил своих героев, памятен он был и несчастьями. В Красной Армии высокого уважения заслужили защитники Одессы, герои Севастопольской обороны, ленинградцы, поразившие подвигом своим весь мир, позади уже были и первые победы над захватчиками в огромной битве сорок первого года под Москвой и в сражении под Ростовом-на-Дону.

Сейчас почти невозможно с предельной точностью определить, где, когда, в какую минуту совершился духовный, психологический перелом в наших войсках в летне-осенней кампании 1942 года. То ли на подступах к матушке-Волге, словно бы почувствовав ее за спиной, подумал советский человек: не хватит ли, не довольно ли пятиться? «За Волгой земли нет!» То ли, уже испив волжской водицы, черпнув ее «шеломом», остановился воин в раздумье: «Велика Россия! До Волги враг дошел. Куда же дальше?» А дальше астраханские черные земли, просторы казахских степей, река Урал, чьи воды сомкнулись когда-то над головой Чапаева, а там и до южных отрогов Урала, кузницы нашего оружия, рукой подать…

«Ни шагу назад!» Эти слова обрели реальный смысл, они стали действенны для каждого солдата, для каждого офицера. Это стало внутренней убежденностью каждого защитника Сталинграда.

Огромная работа была проделана после событий под Харьковом в войсках. Центральный Комитет партии, Советское правительство, Государственный Комитет Обороны потребовали от рядовых, от командиров, от генералов, от военачальников всех рангов неукоснительного выполнения воинского долга, укрепления дисциплины, исполнения воинской присяги. Была проделана огромная работа по улучшению партийно-политической учебы в войсках, широко вскрыта опасность, которой подвергалась страна.

Гитлеровское командование, гитлеровские офицеры и

солдаты тут же, на себе ощутили этот незримый духовный перелом в советских войсках.

Вот что пишет об этих боях первый адъютант армии Паулюса: «Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса… Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество… Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. **Ничего подобного мы никогда не видели**…»[6] (подчеркнуто мною. — *В. Ч.*).

Генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й немецкой армии Паулюсу отойти от берегов Волги, отойти от Сталинграда, высказав свое убеждение, что город взять не удастся.

Но гитлеровская военная машина, разогнавшись, неслась навстречу своей гибели.

Еще не раз военные историки будут возвращаться к изучению различных аспектов Сталинградской битвы, пытаясь вынести окончательное и полное суждение об этом грандиозном сражении. Мы, участники этой битвы, как-то должны помочь историкам, которым приходится работать, опираясь на документы и свидетельства очевидцев.

Недавно мне пришлось прочитать такие строчки в книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»: «Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических атак авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже»[7].

Речь идет об ударах по северным флангам гитлеровской группировки армий.

Я несколько дополнил бы здесь Георгия Константиновича Жукова. Диалектика учит нас рассматривать исторические явления не изолированно, а лишь в тесной взаимосвязи с окружающей действительностью. Безусловно, противоборствующей силой немецкому наступлению в районе Сталинграда было взаимодействие всех советских войск под Сталинградом, а также и на всем протяжении советско-германского фронта.

Каждое из войсковых объединений решало свои задачи и вместе с тем общую задачу — отстоять Сталинград.

Я склоняю голову перед мужеством солдат и офицеров 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, которые вступали в бой прямо с пятидесятикилометрового марша, не ожидая полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Отборные комсомольские части, наши десантники шли на штурм укрепленных вражеских позиций, обильно поливая родную землю своей кровью в то время, как армия Паулюса втягивалась в изматывающие ее уличные бои в Сталинграде.

Твердая рука и несгибаемая воля маршала Жукова помогли обеспечить эти атаки на вражеские позиции в сентябрьских боях.

И, склоняя голову перед героизмом гвардейцев, я должен сказать, что в те дни и часы вся страна поднялась на защиту Сталинграда. Тыл взаимодействовал с фронтом, фронт взаимодействовал с тылом, народ помогал всеми силами своей родной Красной Армии, посылая на защиту Отечества лучших своих сынов…

Бог победы — это полное и действенное взаимодействие всего народа, всех его Вооруженных Сил и в большом, и в малом, и в масштабе всего театра военных действий, и в масштабе отдельных фронтов, войск одного фронта, соединений одной армии, дивизий, полков, батальонов и рот. Именно этого рода взаимодействие рождает взаимодействие между стратегией и тактикой, между замыслом и его воплощением.

Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны приняли решительные меры, чтобы сорвать вражеский удар по Сталинграду, сорвать наступление захватчиков.

В июле был образован Сталинградский фронт. Командование фронта в срочном порядке получило подкрепления для организации обороны города. Командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы разъясняли бойцам, что выдержать удар на Волге, остановить его — значит обеспечить победу. Девизом защитников города стало: «Ни шагу назад!»

Активно в оборону города включились трудящиеся Сталинграда, и города и области. Более полутораста тысяч рабочих и колхозников строили оборонительные сооружения. Тысячи коммунистов и комсомольцев пришли добровольцами в войска.

В середине июля ЦК и ГКО дали Сталинградскому обкому партии указание увеличить выпуск военной продукции. Тракторный завод немедленно увеличил выпуск танков, которые прямо из заводских ворот шли на фронт.

Я, как бывший командующий 62-й армией, в свою очередь со всей ответственностью заявляю, что Сталинград мог быть взят противником лишь при одном условии: если бы все до одного

солдата были бы убиты. Ни один из защитников Сталинграда не перешел бы с правого берега на левый. Мы дали клятву партии и народу: «Стоять насмерть!» От этой клятвы нас могла освободить только смерть. Сие убеждение было продиктовано не только осознанием стратегической обстановки и необходимостью удержать город. Это было веление сердца. Оно отражало тот перелом в сознании советского солдата, который произошел в нашей армии у стен Сталинграда: отступать хватит!

На защитников Сталинграда, в том числе и на 62-ю армию, выпала задача в общем плане обороны Сталинграда отстоять город от прямых ударов, принять на себя всю тяжесть этих ударов, выстоять, перемолоть живую силу противника, его технику и тем самым дать возможность Верховному Главнокомандованию подготовить резервы для контрнаступления.

Однако в современной войне одного убеждения, одной решимости не отступать мало. Нужны к этому и военное мастерство, и хладнокровие, и выдержка, и организация материального обеспечения, которым заниматься было отнюдь нелегко, учитывая, что боеприпасы, технику и продовольствие надо было доставлять через Волгу под прицельным огнем вражеской артиллерии, под непрестанными бомбежками.

Стояли перед солдатами и командирами 62-й армии и чисто тактические задачи. В воздухе в то время господствовала немецкая авиация. Вражеская авиация буквально висела над нашими боевыми порядками, прижимала наши войска к земле, или, как говорили тогда, «колесами ездила по головам».

В гитлеровских войсках было отработано взаимодействие между наземными силами и авиацией. В то время как авиация штурмовала наши боевые порядки с воздуха, артиллерия и минометы противника окаймляли участки прорыва с флангов, немецкие танкисты врезались в наши позиции, подавляя огнем и гусеницами тяжелое оружие. Вслед за танками в наши боевые порядки, поливая все пространство автоматным огнем, врывалась пехота противника.

Нам нужно было нарушить, расстроить такое отработанное немцами взаимодействие в построении его боевых порядков. С техникой, которой мы были тогда оснащены, невозможно было расстроить этот боевой порядок, так как превосходство во всех родах войск было на стороне противника. Мы искали и нашли другой способ — ближний бой, стали сближаться на бросок гранаты. Наши позиции настолько сблизились, что немецкая авиация не могла различить, где наши позиции, а где немецкие. В этом нам помогали городские строения, особенно каменные дома

с подвалами: каждый дом, каждый подвал превращался в крепость с соответствующим гарнизоном.

Немецкая авиация, не различая наших передовых, наших боевых порядков, так как площади и улицы были пусты, била по нашим тылам, не затрагивая передний край, боясь бомбить своих.

Мы научили нашу пехоту пропускать танки противника через передний край и отрезать огнем его пехоту. Прорвавшиеся танки противника истреблялись бронебойщиками в глубине нашей обороны.

Подвалы и здания, как волнорезы, рассекали волны наступающих на отдельные потоки. В результате атака противника расстраивалась, а наш передний край приобретал упругость и устойчивость. Попытка противника взять город атакой с ходу встречалась организованным огнем и истреблением сотен и тысяч немецких захватчиков.

Штаб армии, наша разведка всех видов, всех родов войск внимательно следили за перегруппировкой немецких войск днем и ночью. Мы знали о всех маневрах противника, где он сосредоточивался и с какой целью. Зная, что немцы ночью не наступают, а только в светлое время, мы перед рассветом производили контрподготовку. Ночные удары нашей авиации, артиллерии, минометов и «катюш» накрывали изготовившиеся к наступлению войска; противник перед наступлением нес потери и, зная, что его замыслы нам известны, шел в наступление уже морально подавленным. Гитлеровские солдаты быстро физически и морально изматывались, теряли веру в успех.

Не имея превосходства в силах, мы не могли применять мощных контратак, но мы должны были действовать активно. Наша пассивность была бы на руку врагам. Отсюда и было принято решение контратаковать противника мелкими группами, но при сильной огневой поддержке. Так родилась сталинградская штурмовая группа, малая по численности, гибкая в бою и управлении, грозная своей неожиданностью. Действия этой штурмовой группы не терпели шаблона, они требовали грамотных и решительных командиров, грамотных и решительных солдат.

Для штурмовых действий со многим разнообразием объектов атаки нужен был сознательный, волевой, обученный и натренированный солдат, который часто один, без команды решал бы сложные вопросы в лабиринте улиц, домов, коридоров и комнат, на ступеньках лестничной клетки. Это были воспитанники партии и комсомола, наша молодежь сороковых годов, воспитанная и обученная Советской властью. Мы могли им довериться, зная, что они не дрогнут перед опасностью, решат

трудные задачи, встающие перед ними в бою. Опыт боев в Сталинграде еще раз показал, что нужно верить в ум и способность солдата, за эту веру солдат отплатит с лихвой.

Каждый солдат понял простую истину войны — истреблением противника можешь завоевать себе и другим людям жизнь. Это понимание и создало для противника «сталинградский ад», «волжскую мясорубку», «огнедышащий и все пожирающий вулкан».

Несмотря на все трудности, становилось очевидным, что враг города не возьмет, наступательные операции немцев на флангах успеха не имеют. Теперь уже не только очертания линии фронта на картах Генерального штаба подсказывали, как строить наше контрнаступление. Решение на окружение и уничтожение немецкой армии, увязнувшей в Сталинграде, рождалось моральными и тактическими обстоятельствами. Верховное Главнокомандование начало готовить наступление советских войск с задачей на окружение немецких войск в районе Сталинграда. Защитники Сталинграда дали Советскому командованию выиграть время, чтобы сосредоточить необходимые резервы.

* * *

«Правда» от 25 ноября 1942 года писала:

«В Народном Комиссариате Обороны Народный Комиссариат Обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством учредить специальные медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда…»

В ходатайстве, где упомянуты армии, защищавшие Сталинград, подчеркивается особая роль 62-й армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград…

Газета «Красная звезда» от 1 декабря 1942 года: «Стойкость 62-й армии, поразившая весь мир, дала возможность нашему командованию собрать силы, перейти в наступление и нанести немецко-фашистским полчищам тяжелое поражение. Враг еще держится в Сталинграде, еще гремят уличные бои, еще немецкие автоматчики шныряют, как хищные волки, среди разрушенных домов, еще лязг неприятельских танков слышен на сталинградских улицах, но доблестная 62-я армия уже очищает от гитлеровцев один дом за другим, метр за метром.

Слава 62-й армии переживет века. Пройдут годы. Зеленой травой зарастут развороченные снарядами поля сражений, новые

светлые здания вырастут в свободном Сталинграде, и ветеран-воин с гордостью скажет:

— Да, я сражался под знаменами доблестной 62-й!»

М. И. Калинин в своем обращении к защитникам Сталинграда говорил: «За этот срок вы перемололи много вражеских дивизий и техники. Но не только в этом выражаются ваши достижения. Мужество бойцов и умение командиров в отражении врага сделали то, что инициатива противника в значительной мере была парализована на остальных участках фронта. В этом — историческая заслуга защитников Сталинграда».

18 ноября закончился оборонительный период Сталинградского сражения.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов начали контрнаступление.

20 ноября начали наступление и войска Сталинградского фронта. Фланги советских войск пошли на сближение в районе Калач-Советский.

Днем 23 ноября 45-я танковая бригада подполковника П. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта вышла к населенному пункту Советский и здесь соединилась с 36-й мехбригадой подполковника М. И. Родионова из 4-го мехкорпуса Сталинградского фронта. Кольцо окружения фашистских войск в междуречье Дона и Волги сомкнулось. В окружение попали 6-я полевая и часть сил 4-й танковой армии в составе 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тысяч человек.

Канны XX столетия состоялись.

Спрашивается, когда же свершилось? Когда же события предопределили гибель армии Паулюса?

Уже в августе и сентябре на карте боев на дальних подступах к Сталинграду, приглядываясь к определившемуся главному направлению удара гитлеровских войск, можно было увидеть хотя бы вероятное развитие последующих событий. Немецкая армия сильно вклинивалась в расположение наших войск и неимоверно растянула свои коммуникации. Когда же враг вошел в Сталинград, сосредоточив на узком участке фронта свои ударные силы, когда стабилизировались фланги на севере и на юге от Сталинграда, каждый, кому знакомы основы военного искусства, не мог не видеть, что для немецких войск создается ситуация, похожая на Канны.

Гитлеровцы, конечно, что-то знали о сосредоточении сил Красной Армии в районе Сталинграда, но не имели ясного представления о мощи готовящегося нашего контрнаступления. Внезапным для них явилась организованность этого удара, его

эффективность, мастерство советского командования.

Трагедия армии Паулюса началась не в те дни, когда замкнулось за ним кольцо окружения, и не тогда, когда попытка Манштейна при помощи танковых клиньев Гота деблокировать окруженные части в Сталинграде окончилась провалом. Трагедия армии Паулюса под Сталинградом началась тогда, когда защитники Сталинграда отбили первый штурм города. Дуга наших войск вогнулась, и ее фланги зависли над флангами немецких войск… Генералы не выражали в тот час недовольства Гитлером, они спешили отсылать в его ставку победные реляции, вместо того чтобы призадуматься, чем же все это кончится.

* * *

Советское наступление велось в трудных природных условиях. Стояли жестокие морозы, лежал глубокий снег, метеорологические условия затрудняли действия авиации. Советское Верховное Главнокомандование не могло не считаться и с тем, что советский командный состав, советский генералитет, солдаты Красной Армии, особенно из новых пополнений, не имели опыта ведения сложных наступательных действий с вводом в прорывы крупных танковых соединений, в снабжении подвижного фронта. Итоги первых же крупных наступательных операций показали, что советский генералитет, советские командиры и солдаты способны быстро преодолеть все трудности, связанные с ведением сложных и крупных наступательных операций. Это позволило Ставке день ото дня ставить все более усложненные задачи. Боевой практический опыт приобретался в ходе операций.

В ходе наступательных боев выявилось превосходство советского военного искусства над гитлеровским военным искусством.

Удар был нанесен в тот момент, когда свершился психологический надлом у противника, на излете наступления врага, когда он еще не успел перейти к обороне.

Были разрешены проблемы прорыва укрепленного фронта и непрерывного нарастающего развития наступательных операций на большую глубину.

Огромное значение имел правильный выбор места для нанесения ударов.

Советское Верховное Главнокомандование сумело обеспечить взаимодействие фронтов и всех родов войск на огромном оперативном просторе.

Важным фактором в развитии оперативного искусства стало умелое и широкое использование крупных подвижных танковых и механизированных соединений.

В ходе контрнаступления под Сталинградом теория глубокой наступательной операции получила блестящее практическое воплощение.

Советские Вооруженные Силы осуществили огромное по масштабам окружение, перехватив стратегическую инициативу противника на ходу.

Результаты Сталинградского сражения сравнить не с чем. Армии фашистского блока потеряли с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года около четверти сил, действовавших на советско-германском фронте. До полутора миллионов солдат и офицеров противника было убито, ранено и взято в плен.

Канны XX столетия стали сражением века.

* * *

Разговор состоялся летом 1952 года. Я отдыхал в Сочи. В то время я был главнокомандующим Группой советских войск и председателем Советской Контрольной Комиссии в Германии.

Время было послеобеденное. Раздался телефонный звонок. Я поднял трубку. Незнакомый голос спросил:

— Это вы, товарищ Чуйков?

— Да, это я. С кем имею честь разговаривать?

С другого конца мне ответили:

— Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным.

От неожиданности я даже растерялся. Вскоре я услышал негромкий и спокойный голос со знакомым каждому грузинским акцентом. Сталин спросил:

— Как отдыхаете, товарищ Чуйков, как себя чувствуете?

— Отдыхаю хорошо, чувствую себя прекрасно, — ответил я.

— Вы могли бы приехать ко мне? — спросил Сталин.

— Как прикажете, товарищ Сталин! Я готов приехать в любую минуту.

— Сейчас за вами придет машина. Приезжайте! Только не понимайте это как приказ!

На сборы у меня ушло не более десяти минут. Подошла машина. Ехали мы недолго. Сталин встретил меня у подъезда. Я вышел из машины и, подойдя к Сталину, отрапортовал:

— Товарищ Сталин, по вашему приказанию прибыл!

Он мягко отвел мою руку от козырька и сказал:

— Зачем же так официально?! Давайте проще!

— Хорошо, товарищ Сталин. Но это у меня по привычке.

Сталин улыбался в усы.

— Если по привычке, то я тут ни при чем!

Мы прошли в большую комнату, в бильярдную. Сталин начал меня расспрашивать о положении в Германской Демократической Республике.

Ужин был собран на открытой веранде. Непринужденная обстановка за столом располагала к откровенности. Я спокойно отвечал на все вопросы, которые возникали у Сталина. Он вспомнил о Сталинградской битве и вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, как вы думаете, можно ли было нам в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там ее захлопнуть вместе с Паулюсом?

Мне приходилось думать о такой возможности в дни Сталинградского сражения. Мы не могли не принимать в расчет возможности прорыва войск Манштейна к Паулюсу, то есть возможности деблокировки окруженных частей. Скажем прямо, полной уверенности у нас, сталинградцев, что танковый клин Гота не протаранит фронт внешнего обвода нашего окружения, не было. Могла позже пробиться к Сталинграду и группа армий «Дон». Не исключено, что, деблокировав армию Паулюса, противник не дал бы нам возможности захлопнуть за ними дверь.

Одно мы тогда знали четко, что собственно окружение, полное окружение не так часто бывает и не так часто повторяется в военной истории. Мы отчетливо тогда понимали, что рисковать — выпустить из Сталинграда немецкую армию — мы не могли.

Могло ли случиться так, что, — прорвавшись в Сталинград, Манштейн мог влить окруженным силы и надежду на спасение, на выход вместе с деблокирующей группировкой из окружения? Это сковало бы еще надолго наши силы вокруг Сталинграда. Уничтожение такой крупной группировки отчаявшихся людей дело нелегкое и затяжное.

В духе этих размышлений я и ответил Сталину.

Сталин вздохнул и задумался. Тихо проговорил:

— Это было очень рискованно. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!

Он встал. Прошелся по веранде, остановился. Раскуривая трубку, вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, что такое окруженный противник?

Слишком уже нарочито простым показался мне вопрос. Я искал за ним какой-то скрытый смысл, но Сталин не ждал моего ответа. Он сам отвечал, развивая свою мысль:

— Если окружен трус и паникер, — он тут же бросит оружие, даже не удостоверившись, есть ли выход из окружения. Если окружен ожесточившийся враг, — он будет отбиваться до последнего. История войн знает очень мало примеров полного окружения противника. Многие полководцы пытались провести полное окружение противника. Почему же это не удавалось? Им это не удавалось потому же, почему Кутузову не удалось окружить Наполеона. Царь Александр требовал от Кутузова, чтобы он окружил, отрезал французские войска. Кутузов этого сделать не мог только потому, что бегство французов было стремительнее движения за ними Кутузова. Мне во время войны после Сталинграда не раз представлялись проекты окружения немецких войск. На меня, наверное, даже обижались, когда я отклонял такие проекты. Товарищи, предлагавшие операции по окружению противника, часто не принимали в расчет такие моменты. Первое. Немецкое командование после Сталинграда не желало ждать, когда мы ударим по флангам той или иной группировки, сведем кольцо окружения, и торопливо выводило войска из-под опасности окружения, очищая при этом нашу территорию. Второе. Памятуя о Сталинграде, немецкие солдаты не желали попадать в окружение. Если солдат не захочет попасть в окружение, он всегда сумеет вырваться из любого «котла» или заблаговременно отступить. Лишь только намечалось окружение, немецкие солдаты покидали позиции и отступали, опять же очищая нашу территорию. Это совпадало с нашей главной задачей изгнать врага с нашей земли.

Разговор наш закончился в первом часу ночи. Сталин проводил меня до выхода. Мы распрощались…

* * *

Теперь еще и еще раз возвращаясь в своих раздумьях к прошлому, я не могу не отметить, что нынешние западногерманские историки и такие авторы мемуаров, как Манштейн и другие, подобно ему скорбящие об утраченных победах, слишком легко отходят от истины, не принимая в расчет некоторых непреложных фактов. В Сталинградской операции была окружена 6-я армия Паулюса и части 4-й танковой. Они были полностью разгромлены и полностью уничтожены. Но в наступательных операциях Красной Армии, начавшихся с окружения 6-й армии, были полностью разгромлены пять армий противника, хотя они и не были окружены. Они были разбиты и уничтожены в полевых условиях, на оперативных просторах, где

они имели все возможности для широкого маневра, где они были обеспечены в достаточной степени и боеприпасами и техникой.

Так что дело не только в окружении.

Ну, а если бы все же Манштейну удалось бы деблокировать сталинградский «котел» и армия Паулюса устремилась бы в пробитую брешь в нашем кольце, изменило бы это сколь-нибудь обстановку на юге, изменило бы это судьбу 6-й армии? Нет. Этот факт вынуждены признать западногерманские теоретики военного искусства. Вот как на этот вопрос отвечает Ф. Меллентин: «Шестая армия была обречена, и теперь уже ничто не могло спасти Паулюса. Даже если бы каким-то чудом и удалось добиться от Гитлера согласия на попытку прорваться из окружения и измученные и полуголодные войска сумели бы разорвать кольцо русских, у них не было транспортных средств, чтобы отступить к Ростову по покрытой ледяной коркой степи. Армия погибла бы во время марша, подобно солдатам Наполеона в период отступления от Москвы к реке Березине»[8].

Да, Гитлер сознательно, в чисто тактических и оперативных целях оставлял армию Паулюса в окружении, рассчитывая, что его окруженная армия сдержит около себя несколько наших армий.

Гитлер возлагал особые надежды на свою авиацию. С помощью авиации он рассчитывал проложить к окруженной группировке «воздушный мост». С помощью авиации Гитлер планировал снабжать окруженных продовольствием, медикаментами и боеприпасами, вывозить из окружения раненых.

И опять же Гитлер не рассчитывал, что наше контрнаступление быстро расширится и далеко отодвинет от Сталинграда аэродромы, на которых базировалась транспортная авиация.

Начались воздушные бои над степными просторами. Снабжение по воздуху было сорвано нашими мужественными летчиками и зенитчиками.

А армия, находящаяся в окружении, требовала все больше и больше и внимания и усилий по ее снабжению… Так некоторый оперативный выигрыш Гитлера постепенно перерастал в огромное поражение уже стратегического характера.

Я приводил выдержку из описания начальником немецкого генерального штаба сухопутных войск генералом Цейтцлером его разговора с Гитлером по поводу деблокирования 6-й армии. Я не очень-то верю Цейтцлеру, похоже, что он сочинил этот разговор позже. Но я верю ему и верю другим немецким генералам, когда они говорят, что Гитлер был против того, чтобы 6-я армия пробивалась из окружения, вырываясь из Сталинграда. Со своей

точки зрения, он был прав. Уход этой армии из Сталинграда, гибель ее в городе или в приволжских и донских степях для него ничего не меняли. Он понял, что наступил час расплаты, и, сознательно оставляя Паулюса в Сталинграде, лишь откладывал этот час. Он выигрывал время, он вылезал из мешка на Кавказе, он задерживал наши крупные силы на Волге, он оттягивал катастрофу, всеми силами стараясь продлить агонию, а его генералы помогали ему.

Из Сталинграда на Северный Донец

1

Сталинградское сражение, в котором были разгромлены пять вражеских армий, закончилось. Красная Армия, развернув наступление от Воронежа и до Кавказских гор, взломала оборону противника, отбросила его на сотни километров на запад, создала предпосылки для новых наступательных операций.

В конце марта 1943 года фронт стабилизировался, установился по линии Севск — Рыльск — Белгород — Волчанск, по реке Северный Донец до Луганска, а далее на юг по реке Миус до Азовского моря. На Северном Кавказе противник закреплялся на Таманском полуострове.

Весенняя распутица сковала активные действия сторон, началась перегруппировка сил. Наступила оперативная пауза. Возобновление наступательных действий было началом летне-осенней кампании 1943 года.

Перед 62-й армией встали новые задачи. Ставка Верховного Главнокомандования передала 62-ю армию а состав войск Юго-Западного фронта с передислокацией ее из-под Сталинграда в район Купянска и Сватово на Северный Донец.

Наступил час прощания со сталинградской землей. Армия перед отправкой на Северный Донец была дислоцирована в селах, расположенных вдоль Ахтубы. Мы принимали пополнения в сильно поредевшие части, технические средства усиления, осваивали новую технику.

Незадолго до отъезда на Северный Донец мы попрощались с членом Военного совета Кузьмой Акимовичем, Гуровым, с которым мы все сроднились в дни обороны Сталинграда. Это был настоящий сталинградец, человек с крепкими нервами и ледяным спокойствием, мужественный человек.

Уходили от нас целиком некоторые соединения. Верховное Главнокомандование рассредоточивало сталинградцев по различным объединениям, чтобы шире распространить в армии их боевой опыт. К нам пришли на пополнение новые дивизии, новые воинские соединения.

Никогда не было так трудно расставаться ни с одним участком нашей земли, как со Сталинградом, хотя именно здесь на долю нашей армии выпали невероятные испытания. Сталинград для всех нас стал как бы второй родиной, тем незабываемым для каждого человека уголком земли, в котором

он родился второй раз…

Бойцы 62-й армии покидали Сталинград, город, за который они сражались около двухсот дней и ночей и в степях, и на полях, и на улицах, и в подвалах, в развалинах, в грудах кирпича. Это была изнурительная, смертельная борьба. В те дни и ночи мы не могли до конца объяснить самим себе, какую роль играла наша борьба в большом стратегическом замысле, в общем ходе войны. Мы лишь понимали, что чем большие вражеские силы мы оттянем на себя, перемолотим их, тем скорее придет наша общая победа.

Мы уходили из города, который только символично мог быть назван городом. Все было до основания разрушено, ни одного целого остова дома, ни одного заводского корпуса. Снежные бугры, снежные замети прикрывали обломки. Мы оставляли руины Сталинграда.

Над этим белым, мертвым, изрытым пространством ветер разгонял тошнотворный трупный запах.

Снимали первый слой снега, убирали трупы, а ниже второй слой снега и под ним опять трупы. Тысячи, сотни тысяч незваных пришельцев.

Уходя из города, мы думали, какие же нужны будут силы и средства, чтобы восстановить его в былой красе, чтобы вернуть к жизни опустевшие мертвые здания и улицы?

Даже Волга-матушка, вечно живая, вечно животворная, казалась под покровом льда и снега тоже мертвой, словно бы прикрытой белым саваном.

Мы уходили из города и прощались с теми, кто навсегда остался на этой земле, подарив нам жизнь своей смертью. Мы клялись прогнать врага с нашей земли, разгромить его логово в Берлине, клялись памятью наших погибших друзей, что будем сражаться до последней капли крови.

Я обхожу эшелоны, в которые грузится армия. Сосредоточены лица бойцов, на глазах ветеранов слезы.

Гудок паровоза. Без огней, без световых сигналов тронулся поезд.

Нелегким было передвижение эшелонов по железным дорогам. Враг, отступая, пытался все разрушить до основания. Взрывались мосты, полотно железной дороги, увозились на запад рельсы. Наши славные железнодорожники в невероятно сложных условиях умудрялись восстанавливать железнодорожные пути буквально по развороченным насыпям.

Направление — Купянск и Сватово. Украинские города, узлы железных и шоссейных дорог, только что освобожденные нашими войсками.

Военный совет армии разместился в двухосном старом

пассажирском вагоне. Его так же мотало, как и товарный. Но если бы только мотало. Это хоть было бы движение. В пути мы больше простаивали.

Мне вспомнился переезд 43-го стрелкового полка из Кургана в Великие Луки в 1920 году, в годы гражданской войны. Нас тогда везли по железной дороге около тридцати суток. Расстояние от Сталинграда до Сватово — Купянска в пять-шесть раз короче, чем от Кургана до Великих Лук. Однако перегон эшелонов занял больше недели.

Из окна вагона видны пристанционные постройки. Ни одной уцелевшей станции. Полуразрушенные, с зияющими провалами окон, кирпичные остовы вокзалов, пепелища. Вокзальчики сколочены из шпал, из досок от разбитых вагонов. На платформах безлюдье.

Мы с Николаем Ивановичем Крыловым — начальником штаба армии — не выдержали этой езды. На одной из станций выгрузили «виллис» и пустились на поиски штаба Юго-Западного фронта по пробитым в снегах дорогам. Тоже нелегкие дороги. Несколько раз пришлось останавливаться на ночлег в почти опустевших селениях в случайно уцелевших хатах. Мы имели возможность воочию убедиться, что такое мародерство гитлеровской армии. Отступая, гитлеровцы вывозили все, что можно было вывезти, а что нельзя было вывезти — сжигали и уничтожали.

Купянск и Сватово — место новой дислокации армии.

Никто еще тогда не ставил перед нами конкретных задач, но всем было ясно, что в самом скором времени нашей армии придется принять активное участие в боях за полное освобождение украинской земли от фашистско-немецких захватчиков, что армии, имеющей богатейший и непревзойденный опыт ведения оборонительных боев, придется осваивать тактику боев наступательных.

Что же к этому времени представляла собой 62-я армия?

Из дивизий, входивших в армию во время боев в Сталинграде, осталось после переформирования только три. Это были прославленные боевые соединения: 39-я гвардейская дивизия под командованием генерала С. С. Гурьева, 74-я гвардейская дивизия под командованием генерала В. П. Соколова и 79-я гвардейская дивизия под командованием генерала Н. Ф. Батюка. Остались с нами и некоторые армейские части.

Вместо дивизий, которые были переброшены в другие армии, в 62-ю армию влились новые дивизии: 27-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала В. С. Глебова, 88-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием

генерала В. Я. Владимирова, 82-я гвардейская дивизия под командованием генерала И. А. Макаренко. Эти дивизии участвовали в Сталинградской наступательной операции в составе других армий.

Армии были приданы также специальные части усиления. Так к нам влились два пушечных полка — 99-й, 671-й, три истребительных противотанковых полка — 536-й, 565-й и 184-й, а также 212-й танковый полк.

Новые дивизии и полки были полностью укомплектованы, имели отличные боевые традиции и опыт, приобретенный во время наступательных боев в Сталинградском сражении.

В 62-й армии воедино переплавлялись части, имеющие опыт боев оборонительных и наступательных, одна часть армии как бы дополняла другую, все тактические приемы обороны и наступления сосредоточивались в одном войсковом объединении.

Мы знакомились с боевыми товарищами, с которыми предстояло идти в новые бои, и прощались со старыми… Не успели мы проводить Кузьму Акимовича Гурова, как пришло расставание с Николаем Ивановичем Крыловым.

Он показал себя истинным большевиком-ленинцем, мужественным человеком и при обороне Одессы, и в Севастополе, и в Сталинграде. Его назначили командующим армией.

Весть об его уходе мгновенно облетела все отделы штаба, дивизии и полки. Николая Ивановича в армии знали очень многие, любили, относились к нему с высочайшим уважением. Конечно, все жалели, что он уходит, но вместе с тем и радовались признанию его воинского таланта. Отпустить его без проводов было немыслимо. Как сейчас, помню разбитое здание сельской школы в Кисловке, километрах в тридцати восточнее Купянска. В наскоро расчищенном зале сдвинули уцелевшие учительские столы и ученические парты. Накрыли стол. Провожала Николая Ивановича, можно сказать, вся сталинградская гвардия.

Бывают в жизни минуты, когда хочешь что-то сказать идущее из глубины души, но слов для этого не находится. Беден язык, что ли, или волнение глушит слова, и кажется их смысл притупленным, невыразительным. Так было и со мной в ту минуту.

Я понимал, что так надо, что решение о назначении моего друга командармом — правильное решение! Но что поделать с чувствами? Слезы душили меня. Мне хотелось продлить минуты расставания, дольше смотреть на него, слышать его голос, но я ушел после короткой прощальной речи. Мне надо было остаться одному. Николай Иванович меня понял. Перед самым отъездом он зашел ко мне в хату, и мы с ним простились…

Вслед за Крыловым ушел от нас начальник политотдела армии генерал-майор И. В. Васильев. Он тоже уходил с повышением — членом Военного совета армии. Можно было гордиться, что сталинградцы идут нарасхват, но казалось, что, когда они рядом с тобой, и опасности им не страшны. Волнение не напрасное. Товарища Васильева не уберегла судьба. Он был убит немецким снайпером.

Память о нем, как об организаторе партийно-политической работы в труднейшие времена сталинградской обороны, навсегда останется у сталинградцев. Он был крестным отцом многих сталинградцев, в боевой обстановке вступивших в партию. Его останки должны быть перенесены на Волгу и захоронены в земле, которую он стойко оборонял.

Вместо Н. И. Крылова начальником штаба армии был назначен генерал-майор В. Я. Владимиров. Он командовал 99-й стрелковой дивизией в 66-й армии. 66-я армия вела бои на северном фасе Сталинградского фронта, участвовала в наступлении группы армий с севера в сентябре, которым руководил как представитель Ставки маршал Г. К. Жуков. Позже дивизия получила почетное наименование 88-й гвардейской, под этим номером она и влилась в нашу армию. Командуя дивизией, В. Я. Владимиров прошел довольно быстро путь от полковника до генерала. Это был обстрелянный солдат, боевой командир. Он имел высшее военное образование, знал штабную оперативную работу. Но разница в масштабах руководства дивизией и армией, конечно, не могла не сказываться. Помогал В. Я. Владимирову отлично подготовленный Николаем Ивановичем Крыловым аппарат штаба армии, талантливые офицеры.

Члена Военного совета К. А. Гурова вскоре заменил полковник Ф. Ф. Чернышев, бывший комиссар 39-й гвардейской стрелковой дивизии, сталинградец, которого я хорошо знал и уважал за его спокойный характер и храбрость.

Мы готовились к грядущим боям, осваивали тактику наступательных боев. Тяжело в учении — легко в бою. Этот суворовский принцип известен всем. Особенно важна боевая выучка войск при наступлении. При прорыве обороны наступающий обычно несет очень большие потери. Военный совет армии много размышлял над тем, как, каким образом в предстоящих ожесточенных боях снизить возможные потери.

Самые большие надежды мы возлагали на артиллерию. Артиллерией армии командовал генерал Н. М. Пожарский. В Сталинграде он показал себя большим мастером организации артиллерийского огня и в обороне, и в наступлении.

Но наступление, к которому мы готовились на Северном

Донце, во многом отличалось от наступления, в котором участвовала 62-я армия в Сталинграде.

Перед артиллерией армии вырисовывались очень разнообразные задачи. Прежде всего наши артиллеристы должны были подготовиться к массированному огню по обороне противника. Это означало доставку огромного количества боеприпасов, синхронную работу артиллеристов с транспортными частями, организацию армейских артиллерийских складов в боевой обстановке, их маскировку, их расположение… Расположить армейские артиллерийские склады — это сложная наука. Надо рассчитать на большую глубину продвижение наших войск и возможности переброски снарядов от складов, выверить коммуникации и прочее.

Прорыв обороны противника возлагал на артиллеристов еще и иные задачи: сопровождение наступающей пехоты колесами, стрельбу прямой наводкой по танкам противника, по скоплению его пехоты, оперативное, своевременное отражение контратак противника во время наступления.

Учились артиллеристы, осваивая все компоненты боя, шло обучение стрелковых частей.

Нам предстояло форсировать под огнем противника Северный Донец и развернуть бои, взломав оборону, в которую входили составными частями и проволочные заграждения, и минные поля, и противотанковые рвы, и эскарпы по берегу реки, и траншеи, и огневые точки всех категорий.

Простейшее перечисление тех препятствий, которые нам предстояло преодолеть, уже говорит о том, сколь разностороннюю подготовку должны были иметь солдаты, младшие командиры и офицеры.

Вливались в армию и необстрелянные солдаты, и каждого приходилось учить окапываться, зарываться в землю, воспитывать уважение к лопате, к шанцевому инструменту, к каске, учить ползти по земле не поднимая головы, слившись с землей, сравнявшись с травой.

А как кинуть гранату? Это тоже своеобразное искусство. И дело не только в том, чтобы бросить гранату как можно дальше. Бросок должен быть точным. Точным по месту, точным по времени. Граната должна взорваться именно в тот момент, когда ее взрыв окажется наиболее эффективным…

Для офицеров устраивались штабные учения, по многу раз проводились игры на ящиках с песком, в которых точно копировался рельеф местности, где должно было развертываться наступление.

Пришел апрель. Под жаркими лучами солнца оголялись поля.

Проливные дожди смывали снег. Бурлили балки, разлились ручейки и речки, вышел из берегов Северный Донец. Украинская природа щедра и даже тороплива. Вчера гуляла по полям метель, сегодня томится над полями синеватое марево, на теплой земле зеленеет трава, и вот уже курчавятся редкие озими.

16 апреля 1943 года свершилось событие, сыгравшее значительную роль в истории армии. Ставка Верховного Главнокомандования в этот день дала директиву о преобразовании с 5 мая 62-й армии в 8-ю гвардейскую.

К началу сорок третьего года гвардейские части и гвардейские армии начинали играть большую роль в действиях фронтов, и порой перевес на том или ином участке фронта создавался вводом в бой именно гвардейских объединений.

Присвоение армии гвардейского звания несомненно возлагало на нас особенную ответственность.

Это приятное известие привез нам командующий фронтом генерал-полковник Р. Я. Малиновский. Он остановился на квартире командира танкового корпуса генерал-лейтенанта Е. Г. Пушкина. Крылов тогда еще был в армии.

Узнав о приезде командующего фронтом в расположение армии, мы поехали к нему на доклад. О директиве Ставки мы еще ничего не знали.

Малиновский и Пушкин обедали. Мы сейчас же были приглашены к столу. Хитро улыбаясь, Малиновский разлил водку по рюмкам, затем провозгласил тост за гвардейцев 8-й армии, за бывшую уже теперь 62-ю.

Ну что же! Шестьдесят вторая славно послужила Отчизне. Она была сформирована в сорок втором году, боевое крещение получила под Сталинградом. В нее влились некоторые части, уже побывавшие в бою, ее пополнили новички очередного призыва. По существу необстрелянной, не имея серьезного боевого опыта, она была брошена в июле месяце в донское и сталинградское пекло. Если сегодня, восстанавливая ее боевой путь, мы присмотримся к картам, на которых расчерчены схемы боев на дальних и ближних подступах к Сталинграду, то увидим, что 62-я армия несла главные тяготы по обороне и защите города. Черные стрелы рассекают карту. Под их ударами гнется, прогибается и рвется линия фронта. Веером разброшены наши отходящие войска. 62-я неуклонно склоняется к Сталинграду под давлением превосходящих сил противника, контратакуя, задерживая и сдерживая его напор. Она не бежит, она не отступает, она отходит, враг как бы вдавливает ее в Сталинград. В Сталинграде, выполняя веление Родины, она стала насмерть. Последний рубеж обороны не сдан ею.

Отныне начинается новая ее жизнь, жизнь гвардейской армии, подготовленной и предназначенной для наступления.

18 апреля 1943 года командующим фронтов и начальнику Главного Политического Управления Красной Армии была направлена директива Ставки за подписью И. Сталина и Г. Жукова.

Вот некоторые положения этой директивы:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает гвардейские соединения (гв. стр. корпуса, гв. армии), состоящие из наиболее опытных и устойчивых войск, держать, как правило, в резерве или во втором эшелоне и использовать их в наступательной операции для прорыва на направлении главного удара и в оборонительной операции для контрудара»[9].

Далее, развивая это положение, Ставка предписывала командующим фронтов вывести гвардейские соединения в резерв или во второй эшелон, сменив их на оборонительных рубежах другими частями.

В этой же директиве предписывалось, используя оперативную паузу, готовить гвардейские соединения «главным образом для наступления, для прорыва оборонительной полосы противника».

В директиве прямо указывалось на необходимость обратить особое внимание на тщательность отработки вопросов взаимодействия родов войск, ближнего боя, ночных действий, борьбы с танками противника.

Далее директива развертывала целую программу подготовки гвардейских соединений для наступательных операций. Программа эта была и краткой, и простой, и четкой.

Сейчас эта простота директивы может и смутить исследователя. Зачем нужна командующим фронтами такая упрощенная программа, да еще в форме директивы Ставки Верховного Главнокомандования?

Неужели командующие фронтами не понимали, как готовить гвардейские соединения к наступательным операциям?

Понимали. Знали, как готовить гвардейскую армию к прорыву. Но случалось и другое. Понимая и зная все это, на практике отходили от этой директивы, что и приводило в иных случаях к ненужным сложностям, в иных случаях к неуспеху намеченных операций.

В мае все дивизии, входящие в состав армии, получили правительственные награды: гвардейские знамена и ордена. Мне как командующему этими дивизиями в Сталинградском сражении и членам Военного совета армии выпала высокая честь вручить эти знамена дивизиям.

39-й гвардейской дивизии мы вручали гвардейское знамя в

Сталинграде во время ожесточенных боев. Для этого было специально выбрано место, где можно было бы найти временный затишок от вражеского огня. Знамя вручалось под крутым берегом Волги, на самой окаемке берега. Этот момент запечатлен на картине художника Лукомского «Клятва».

79-й гвардейской дивизии Военный совет вручил гвардейское знамя в селе Шевченково, расположенном, неподалеку от Купянска в районе дислокации нашей армии.

Стоял яркий солнечный день. На яблонях, на вишнях, на черешнях, в садах набухали почки, березы выкинули мелкие клейкие листки, в кустарнике по берегу Северного Донца разливались донские соловьи.

Занятная птица! Стоит появиться в кустах кошке — уйдет. А в прифронтовой полосе в считанные минуты затишья ударит в кустах и тут же раскатом и с тоской прогремит: «Ключик! Где мой ключик?!»

В поле, за околицей села, командир дивизии Н. Ф. Батюк выстроил свою дивизию в полном составе. 79-я гвардейская! В Сталинграде она была известна как 284-я стрелковая Краснознаменная дивизия. Она сражалась у Мамаева кургана, не раз под немилосердным огнем противника ее солдаты штурмовали Мамаев курган, выбивая с него немецких захватчиков. В самые трудные дни 284-я стрелковая дивизия была опорой для защитников города, за ее плечами 150 сталинградских дней и ночей непрерывных, каждодневных боев, без единой минуты отдыха или просто фронтового затишья. Это одна из тех стальных дивизий, которая перемолола вражескую силу, обеспечивая возможность для наших войск подготовить контрнаступление. Четырежды орденоносная дивизия — такой славно законченный поход от Волги до Берлина этой дивизии.

Развернулось алое знамя с портретом Ильича. По полю прокатилось многократное «ура!»

Во время торжественного марша завыли сирены воздушной тревоги, на горизонте показались три самолета противника. Но ни один боец прославленной дивизии не дрогнул. Над землей завязался воздушный бой. Наши истребители встретили врага, повернули его назад и прогнали. Да, изменилась обстановка! Это уже не Сталинград, где безраздельно господствовала в воздухе немецкая авиация. Наш праздник был надежно прикрыт с воздуха.

После торжественной части под открытым небом состоялся общий обед, с тостами, с речами, с музыкой, с выступлениями участников художественной самодеятельности.

2

Время шло…

Армия готовилась к предстоящим сражениям. Оперативная пауза затягивалась несмотря на то, что в воздухе уже накапливалась тревога, как перед большой очистительной грозой.

В начале мая над расположением наших войск развернулись ожесточенные воздушные бои.

Нам еще не приходилось видеть в воздухе столько наших самолетов.

Волна за волной уходили с тыловых аэродромов наши бомбардировщики и штурмовики. В глубине расположения войск противника раздавались глухие взрывы. Затем появлялись фашистские истребители, но их перехватывали наши.

И скорость, и маневренность наших истребителей заметно увеличились, «мессершмит» терял свое превосходство. Черными факелами пятнала нашу землю вражеская воздушная армада. Горят! А это не только потери в технике. Редеют на глазах ряды геринговских воздушных асов. В плен попадают безусые мальчишки. Петушатся, но нет в них той убежденности и в своем мнимом превосходстве, и уверенности в своей победе, как у тех летчиков, что помнили еще небо Испании, что бомбили Варшаву, высаживали десант в Роттердаме. Нет, этих ждали не реляции о подвигах и не рыцарские кресты.

Короткая схватка в воздухе, черный шлейф за хвостом и глухой взрыв при падении на землю. А наши бомбардировщики и штурмовики новыми и новыми волнами прорывались к тыловым аэродромам противника в районах Красноград, Днепропетровска, Чаплино, Запорожья, Красноармейского, обрушивались на железнодорожные станции, на крупные железнодорожные узлы.

В те дни солдатская разведка доносила, что воздушные бои развернулись на всем протяжении Южного, нашего — Юго-Западного, Воронежского, Центрального, Брянского, Западного и Калининского фронтов. Нетрудно было догадаться, в чем тут дело. Наше Верховное Главнокомандование этими массированными авиационными ударами препятствовало свободной переброске противником воинских частей с одного участка на другой, создавая помехи для сосредоточения крупных ударных формирований.

Если каждую значительную операцию рассматривать в диалектической взаимосвязи, то эти майские воздушные сражения справедливо будет считать провозвестниками нашей победы на Курской дуге.

Теперь мы знаем, что гитлеровский воздушный флот в майских боях, в особенности на юге, над Краснодаром и в Донбассе, понес невосполнимые потери и окончательно утратил свое превосходство в воздухе. Воздушное прикрытие подготавливаемого решающего наступления сорок третьего года было разрушено.

* * *

Командующий фронтом, генерал армии Р. Я. Малиновский ориентировал нас в мае на серьезные оборонительные бои. Малиновский привез мне карту, на ней была нанесена операторами штаба фронта линия, по которой мы должны были подготовить оборонительные рубежи, прочно и глубоко закопавшись в землю. Линия шла по реке Оскол на участке: Двуречная, Купянск, Сеньково, Горохватка фронтом на запад и юго-запад.

Приказав нам развернуть армию для обороны сравнительно узкого участка, Р. Я. Малиновский требовал также, чтобы мы были готовы, если противник перейдет в наступление, нанести сильный контрудар в направлениях Купянск — Волчанск, Купянск — Чугуев вдоль правого берега реки Оскол на город Изюм и по возможным переправам через Северный Донец.

Оборона не соответствовала настроению солдат, младших и старших командиров. Нетерпелось помериться с противником силами в наступлении, громить его боевые порядки на оперативном просторе.

Чем были вызваны столь осторожные распоряжения фронта, мы, конечно, не знали. На уровне командования армии общие стратегические планы целой кампании не обсуждались. Но, глядя на установившуюся линию фронта, можно было сразу определить, что наш курский выступ — Курская дуга — вдавшаяся в сторону противника, будет ареной жесточайших боев. Мы не знали тогда доподлинно, какими планами встречает третью военную весну гитлеровское командование. Ставке могли быть известны эти планы. Возможно, предполагал я, что Гитлер готовит на Курской дуге генеральное наступление 1943 года и на нас падет задача оборонять фланги нашего фронта.

Однако, передавая установки на оборону, Родион Яковлевич Малиновский нацеливал командование армии и на наступление. Он отлично понимал, что, какие бы мы ни получили директивы на оборону, мы все равно будем готовиться к наступлению и отрабатывать на учениях все элементы взаимодействия войсковых

частей для широкого маневрирования в наступательных операциях.

Я присматривался, как в новой обстановке можно было бы использовать сталинградский опыт.

Итак, перед нами была поставлена задача — закрепиться на левом берегу реки Оскол. При первом же взгляде на карту решение построить оборону по левому берегу, имея впереди водный рубеж, напрашивалось само собой. Но на месте открывались иные возможности, с многообещающими перспективами.

Западный, то есть правый, берег реки был выше левого и господствовал над местностью. Это и предопределило возможность для нас представить командованию фронта свой встречный план.

Учитывая опыт сталинградцев, которые вели оборону, имея сзади себя водный рубеж, мы предложили укрепиться на западном берегу реки Оскол, более высоком, чем восточный, зарыться в землю, оставляя себе развязанными руки для контрудара в любой благоприятный момент, не будучи зависимыми от переправы и от действия авиации противника при переправе.

Малиновский сам приехал на рекогносцировку. Почти целый день мы ездили на его «оппель-адмирале» по западному берегу, на месте уточняя все детали организации обороны. В результате этой рекогносцировки на месте было принято решение, в котором предлагалось: одну стрелковую дивизию выдвинуть в район Шевченково и занять круговую оборону, включив в нее населенные пункты: Мостовая, Верхне-Зареченская, Петрополье, Колесниковка, Михайловка, Ивановка, а также создать предмостные укрепления на западном берегу реки Оскол у Двуречной на два полка, у Купянска — на дивизию, у Сенькова — на два полка, у Горохватки — на два полка.

Это решение обеспечивало активность обороны, возможность маневра для армейских соединений на северо-запад, на запад и юго-запад, своевременную поддержку войскам, обороняющим Северный Донец от Волчанска и до Изюма.

Было и еще одно преимущество в таком построении обороны. Дислокация войск в этом варианте более походила на подготовленное наступление, чем на оборону, что больше отвечало настроению войск в тот момент.

Мы заняли новые позиции, нисколько не меняя распорядка жизни в армии. По-прежнему шла работа ко укреплению оборонительных рубежей, шли учения в войсках, отработка взаимодействия в наступательных операциях и в обороне.

Командиры дивизий обменивались опытом, шли командно-штабные учения.

На партийных и комсомольских собраниях подводились итоги политической работы в боевой обстановке, обсуждался опыт прошлых боев, разъяснялись новые задачи, продиктованные временем и изменением общей обстановки на фронтах Отечественной войны.

Именно на партийных и комсомольских собраниях со всей остротой чувствовалась перемена настроения в войсках. Мы получили задачу на оборону, ставили ее на обсуждение, но обсуждение выливалось фактически в разговор о возможностях нашего наступления.

18 мая командующие фронтами и армиями получили новую директиву Ставки за подписью И. Сталина. Эта директива требовала упорядочить структуру армий. Полностью восстанавливалось деление армий на корпуса.

В этой директиве, в частности, указывалось:

«Система управления войсками должна соответствовать организационной структуре войск, и нет никаких оснований нарушать установленный порядок управления и старшему начальнику подменять ниже стоящего начальника.

…Нередко командующие армиями, несмотря на наличие у них командиров корпусов, стремятся лично руководить действиями дивизий, бригад, входящих в состав этих корпусов, отстраняя по существу командира корпуса от организации боя и управления своими соединениями в бою.

Не всегда командующие армиями учитывают важность иметь хорошо сколоченные и спаянные корпуса и раздергивают войска, входящие в состав корпуса, по частям еще до начала боя или в ходе его.

В результате этих неправильных действий корпусную инстанцию, призванную облегчать управление войсками, превращают в лишнюю надстройку.

…Состав войск корпуса желательно иметь постоянным. Замену входящих в состав корпуса дивизий допускать лишь в исключительных случаях с тем, чтобы создать основу для боевого сколачивания корпусов и закрепления их боевых традиций»[10].

Восстановление и укрепление корпусной системы влекли дальнейшее оснащение армии боевой техникой — артиллерией, танками, саперами и главным образом средствами управления.

Менялось все. Настроение в армии, структура, выучка командиров, менялась и боевая техника. Промышленность, перебазированная на Урал и в Сибирь, наращивала свои мощности. К нам шли новые танки, которые уже прекрасно

зарекомендовали себя в бою. Наши самолеты не уступали теперь немецким.

Ранняя украинская весна преломила к лету. Реки во шли в свои берега, подсохли дороги. Фронт молчал, все еще не приходил в движение. По всему фронту шли бои местного значения. Доходили до нас, однако, сведения, что в Брянских и Белорусских лесах усилили свою активность партизанские соединения, нанося ощутимые удары по коммуникациям противника. И все…

И вместе с тем наступление носилось в воздухе. Все как бы замерло в предчувствии. Мы использовали каждую свободную минуту, чтобы готовиться к нему. Я старался проконсультироваться и с командирами высоких рангов о методе наступательных операций, перенять у них опыт вождения войск во время маневренного наступления, старался выведать у них все, что им удалось узнать о поведении противника во время нашего наступления. Очень были для меня полезны встречи с генералом армии Николаем Федоровичем Ватутиным. Николай Федорович подробно рассказывал мне о прорыве немецкого фронта на Дону в ноябре 1942 года, о продвижении наших войск от Дона до Северного Донца. Его рассказы были крайне интересны. Он никогда не преуменьшал в своих рассказах силы противника, не переоценивал и наши успехи, с полной беспощадностью вскрывая недостатки, мешающие нашей армии.

Встречался я и с Василием Ивановичем Кузнецовым, командующим 63-й армией. Я его знал как разумного и волевого командира еще до войны по совместной службе в Белорусском военном округе.

В Сталинградской битве он показал себя выдающимся военачальником. 63-я армия в процессе наступательных боев на Дону была преобразована в 1-ю гвардейскую и решительно действовала на самых ответственных оперативных направлениях.

В. И. Кузнецов, П. С. Рыбалко и Ф. М. Харитонов обратили мое внимание на одно немаловажное обстоятельство. После Сталинграда немцы стали панически бояться окружения, особенно они боялись появления у них в тылу наших танков.

Павел Семенович Рыбалко приоткрыл мне и причины нашего отступления весной из Харькова. Его войска ворвались в город с ходу, на плечах растерянного противника. Овладели Харьковом, сами не ожидая такого успеха. Если бы эта операция заранее планировалась с уверенностью в ее осуществимость, если бы вовремя были подтянуты тылы, а войска были бы обеспечены горючим и боеприпасами, немцы не овладели бы вновь Харьковом.

Именно там, на Северном Донце, я столкнулся впервые с довольно странной вещью, которая заставила меня задуматься над психологией противника. Я изучал обстановку на участке фронта, который должна была оборонять 8-я гвардейская армия или на котором она должна была наступать. Наша армейская разведка в обычном порядке доставила «языка». Военнопленный показал, что он из 6-й полевой армии. Наши разведчики сначала не поверили ему. Эта армия прекратила свое существование в Сталинграде. Немец разговорился и объяснил, что Гитлер особым распоряжением создал вновь 6-ю армию, назвав ее армией мстителей. Командовал этой армией генерал-полковник Холлидт, стремившийся в какой-то степени заменить в немецких войсках Паулюса.

Мы попытались расспросить немецкого солдата, за что же он собирается мстить. За Сталинград? Одно слово «Сталинград» вызвало у него массу эмоций. Он рассказал нам, что в немецкой армии опасно произносить это слово. Не потому опасно, что кто-либо скрывает историю разгрома немецкой армии в Сталинграде. Нет! В Германии был даже по этому поводу объявлен национальный трехдневный траур. Но Сталинград стал синонимом поражения. Словом «Сталинград» обозначается теперь любая угроза поражения.

Мстить за Сталинград? Мстить ли? Солдат нам рассказал, что в армии большинство солдат уже не верит в победу. Не верят в победу, как он утверждал, и многие офицеры. Вся надежда на Гитлера, а отнюдь не на генералов. Гитлер обещал чудо, и те, кто еще верил, что война не окончится поражением, верили фанатически в чудо, а не в военную силу армии. Отсюда и увлечение среди солдат мистикой, вера в миссию Гитлера, вера, что мщение придет откуда-то со стороны, от сверхъестественной силы.

Что-то подобное мы слышали от пленных немецких солдат и до этого. И не только от солдат, но и от офицеров. Реалисты этой силой называли сверхмощное, секретное оружие, которое изготавливается в большой тайне. После войны все подобного рода тайны перестали быть тайными. Теперь известно, что кроме снарядов «ФАУ» никакого секретного оружия у немцев не существовало.

3

Ставка нацеливала советские войска на создание мощной обороны, дабы избежать каких-либо случайностей на юге страны,

14 мая командующий Юго-Западным фронтом получил указание за подписью заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-полковника Антонова, строжайше предписывающее укреплять оборонительные линии[11].

К этому времени наше Верховное Главнокомандование, конечно, установило, что главный удар гитлеровских войск последует в районе Курска, но, зная о мобильности немецких военных частей, учитывая их возможности производить в стремительном темпе перегруппировки для изменения направления удара, Верховный Главнокомандующий требовал, чтобы Красная Армия была готова к отражению удара на любом участке фронта.

Напряжение между тем в оперативной паузе нарастало. И мы все это отчетливо чувствовали.

Так, в 23 часа 50 минут 13 мая Военным советом фронта была принята по телефону директива Ставки. Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

«1. Временно прекратить действия авиации по аэродромам и коммуникациям противника.

О возобновлении этих действий будут даны специальные указания.

В случае наступления противника — использование ВВС по усмотрению командующих фронтами.

2. Принять меры к быстрейшему накапливанию запасов горючего для авиации, с тем чтобы довести их, с учетом подвоза из тыла, до 20 заправок и в кратчайший срок привести материальную часть в порядок»[12].

20 мая в три часа тридцать минут последовало предупреждение из Ставки о том, что немцы намечают начать наступление на нашем фронте в период 19–26 мая.

Ставка приказывала не ослаблять бдительности и боевой готовности войск; авиацию держать в полной готовности. Разведкой и захватом пленных вскрывать группировку противника и его действительные намерения.

Прошел май. На исходе июнь. Мы по-прежнему занимались укреплением оборонительных рубежей, проводили учения в войсках и ждали… Фронт оставался недвижим. Шла местами перестрелка, совершались незначительные операции. В войсках накапливались силы для удара. Нарастало нетерпение у солдат, с нетерпением нарастала и ярость.

Мне не раз в те дни приходилось беседовать с солдатами.

— Товарищ командующий, — спрашивали у меня. — Когда же наступать?

Установка командования оставалась прежней — оборона.

— О каком наступлении речь? — отвечал я вопросом на вопрос. — Перед нами поставлена задача отразить возможное наступление врага.

— Оно возможно… — отвечали мне. — Но состоится ли оно? А если да, то мы перехватим его на ударе. У солдат твердое намерение прогнать врага! Хватит!

Многое в то время нашему Верховному Главнокомандованию надо было предугадать на основе тщательного изучения положения дел у противника. Наше Верховное Главнокомандование, наш Генеральный штаб правильно разгадали замысел противника. Курская дуга!

Гитлеровских генералов соблазнила кажущаяся легкость концентрированными ударами с юга и с севера срезать образовавшийся к весне 1943 года выступ на линии фронта между Орлом и Белгородом, овладеть Курском и, стиснув с двух сторон наши войска, обороняющие Курск, уничтожить их, создать глубокий прорыв в наши тылы. Так Гитлер собирался «при наличии ограниченных средств» добиться «больших результатов».

Возможности были у него, конечно, относительно ограниченны, но для удара в районе Белгорода и в направлении на Поныри он сконцентрировал огромные силы. Пожалуй, в таких масштабах немецкая армия никогда не начинала наступления на сравнительно небольшом участке фронта. Но мы тоже имели теперь возможность противопоставить и значительные силы, и материальные средства, и возросшее мастерство наших войск, и воодушевление войск осязаемой победой.

Гитлер, конечно, понимал, так же как понимали и его генералы, что это их последняя попытка взять реванш за поражение под Сталинградом и опять захватить стратегическую инициативу. Поэтому он и подбрасывал в готовое разгореться пламя все новые и новые войска, новую технику, знаменитые танки «тигр», «пантера», а также самоходные орудия «фердинанд». Все самое лучшее, что могла в то время дать фронту немецкая военная промышленность.

Обе стороны готовились к решительному сражению на Курской дуге.

Обе стороны, конечно, знали о сосредоточении сил и средств для этого сражения. Обе стороны усиленно закапывались в землю и готовили исходные позиции для наступления.

Стоял вопрос: кто начнет наступать?! Время работало на нас, а оборона врага на нашей земле не могла быть длительной.

Наше Верховное Главнокомандование учло преимущество активной обороны с переходом в контрнаступление и решило принять удар противника на подготовленных рубежах,

обескровить и обессилить наступающую группировку противника, чтобы затем перейти в решительное контрнаступление.

И вот в ночь с 4 на 5 июля фронт загрохотал. Но! Первой заговорила артиллерия не наступающих, а обороняющихся.

Еще дочитывали в отдельных немецких частях приказ Гитлера, как всегда, составленный в восторженно-мистическом тоне: «С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну… Мощный удар, который будет нанесен советским армиям, должен потрясти их до основания…»

Немецкие войска выходили на исходные рубежи для атаки, накапливались поблизости от передовой линии танковые соединения, на аэродромах летчики прогревали моторы. Некоторые солдаты досыпали последний час перед наступлением.

Удар планировался в 3 часа утра 5 июля. В 2 часа 20 минут войска Центрального и в 3 часа Воронежского фронтов обрушили шквал артиллерийского огня на исходные позиции противника.

Что это? Артиллерийский налет разведывательного назначения? Бьют пять минут, десять… Следует залп за залпом реактивных минометов, рвутся тяжелые снаряды гаубичной артиллерии. Боевые порядки редеют, они смяты, немецкое командование торопливо и в панике отводит с исходных рубежей танки. Огонь — головы нельзя оторвать от земли. Проходит пятнадцать минут, двадцать, огонь не ослабевает. Казалось, разверзлось небо, люди глохнут, не оторвав головы от земли. Разлетаются на куски танки, взлетают в воздух укрепления, подавлены выставленные на позиции артиллерийские батареи, прервана связь между штабами, потерявшие рассудок люди бродят между траншеями.

Проходит двадцать минут, двадцать пять минут. В дело вступает авиация. Над полем боя нарастающий гул авиационных моторов. Самолеты пикируют на позиции, расстреливают на бреющем полете сосредоточившиеся для броска соединения пехоты. Проходит еще десять минут. Артиллерийский огонь не прекращается. Можно подумать, что через несколько минут советские войска перейдут в наступление…

В глубине фронта, в немецких армейских штабах, в штабах дивизий мечутся дежурные адъютанты, непрестанно звонят телефоны полевой связи. Командиры полков запрашивали: что делать, не отменяется ли наступление?

Позволительно спросить сегодня гитлеровских генералов, командовавших в те дни войсками под Орлом и под Белгородом: что их побудило на полтора — два часа позже запланированного срока все же начать наступление? Разве для них,

профессиональных военных, не очевиден был исход наступления, начавшегося с такого артиллерийского налета противника, изготовившегося к обороне? Потеряна внезапность, нарушены боевые порядки наступающих, впереди глубоко развитые рубежи обороны, войска, расположенные в глубину на несколько эшелонов. На что можно было рассчитывать? На маневрирование резервами? Снимать с других участков фронта дополнительные силы? Весь подготовленный удар иссяк на первых же километрах прорыва, развернулись воздушные бои, которых не знала до того дня вторая мировая война. Господство в воздухе было немцами утеряно. А с резервами… С резервами получилось совсем скверно…

План Ставки Верховного Главнокомандования предусматривал, как только развернется Курская битва, переход в наступление нескольких соседствующих фронтов, чтобы гитлеровское командование не могло усилить войска на Курском направлении.

Юго-Западный фронт должен был начать наступление на Барвенково; Южный фронт — из района Матвеев Курган прямо на запад, на Сталино и далее на Мелитополь; Брянский фронт — на Орел, Западный фронт — на Карачев.

В такой обстановке немецкое командование лишалось всякой возможности маневрировать резервами.

Битва за Донбасс

5 и 6 июля шли ожесточенные бои южнее и севернее Курска. Гитлеровцы вводили в бой все новые и новые части. Местами ценой изнуряющих потерь немецким войскам удалось вклиниться в нашу оборону, но нигде наступающие немецкие танки не прорвали второго оборонительного пояса.

7 июля меня и командующего соседней 1-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Кузнецова вызвали в штаб фронта. Мы поняли, что настал и наш час.

Нас немедленно принял командующий фронтом Родион Яковлевич Малиновский. Он раскрыл перед нами замысел Ставки Верховного Главнокомандования — воспользовавшись тем, что под Курском в бои втянуты основные силы гитлеровской армии, начать наступление на Донбасс силами Юго-Западного фронта, имея задачу или опрокинуть противника, или на крайний случай сковать его силы, не дать ему возможности маневрировать войсками и усилить части, наступающие на Курск.

Задача для 1-й и 8-й гвардейских армий формулировалась таким образом: форсировать Северный (Северский) Донец, прорвать оборону противника в районе города Изюм и, развивая наступление в общем направлении через Барвенково на Красноармейск, совместно с войсками Южного фронта, наступающего от реки Миус на Сталино, (Донецк) разгромить донбасскую группировку противника и выйти на Днепр.

Задача эта формулировалась пока что в общих чертах. Она скорее выглядела задачей на сковывание сил противника, ибо средств на обеспечение такого широкого и глубокого наступления придано не было. Она могла выглядеть как конечная цель серии наступательных операций на всю летне-осеннюю кампанию.

Вместе с тем, я должен отметить, что этот стратегический план имел под собой достаточные основания.

Войска Юго-Западного фронта фактически нависали над немецкими войсками в Донбассе. Если бы Юго-Западный фронт мог быть к тому времени обеспечен необходимыми средствами для мощного наступления, то представлялось соблазнительным одним общим ударом из района города Изюм в направление на Барвенково, Запорожье, Мелитополь рассечь и разгромить всю южную группу немецких войск при активной поддержке Южного фронта, которым в то время командовал Ф. И. Толбухин.

Рассматривая и обдумывая этот план, мы тогда еще не очень-то реально представляли себе масштаб его осуществления. Каждому было ясно, что начался необратимый процесс разгрома

гитлеровской армии, но определить, сколь сильна ее сопротивляемость, мы пока не имели практической возможности.

1-я и 8-я гвардейские армии наступали каждая в составе трех корпусов, или девяти дивизий. Каждой из армий в качестве средств усиления придавались по одной артиллерийской дивизии прорыва, по одному смешанному корпусу авиации и по 2–3 танковых полка или полка самоходных орудий.

8-й гвардейской армии придавался 33-й стрелковый корпус в составе 50, 230 и 243-й стрелковых дивизий и 253-й отдельной стрелковой бригады.

Во втором эшелоне фронта были поставлены 1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова и 23-й танковый корпус под командованием генерала Е. Г. Пушкина.

Эти корпуса сосредоточивались настолько скрытно, что я, как командующий армией, узнал об их участии в наступлении совершенно случайно. При разработке плана у командующего фронтом о них не было сказано ни слова. За два-три дня до наступления мне доложили, что в нашем тылу в лесочке обнаружены какие-то танкисты. Оказалось, что это танки корпуса Руссиянова. Я немедленно соединился по телефону с Родионом Яковлевичем Малиновским и спросил его, что делают у меня в тылу танкисты Руссиянова. Малиновский только тогда мне объявил, что 1-й гвардейский механизированный корпус предназначается для развития успеха 8-й гвардейской армии и подготавливается для ввода в прорыв.

Итак, планы намечены, диспозиция разработана, остались считанные дни и часы до перехода 8-й гвардейской армии в наступление. Покрыв себя неувядаемой славой в боях оборонительных, она теперь должна была не уронить ни славы, ни чести в боях наступательных.

В таком широком наступлении я участвовал впервые. И в последние часы перед наступлением еще и еще раз просматривал в деталях весь план операции, инструктировал командиров соединений.

Казалось, все было правильно, все было предусмотрено. Отлично были подготовлены к предстоящей операции войска и фронта и армии. Тогда я еще не имел опыта прорыва линий немецкой обороны и не увидел недоработок в замысле наступления. Они были заложены в определившихся направлениях прорыва фронта. Командующий фронтом приказал вести наступление 1-й и 8-й гвардейским армиям на трех изолированных друг от друга участках, расположенных один от другого на расстоянии не менее чем на 15–20 километров.

33-му стрелковому корпусу предстояло наносить удар и

прорвать оборону противника в направлении на Пришиб, Сидорово, с ближайшей задачей в районе этих населенных пунктов форсировать Северный Донец и к исходу дня овладеть рубежом Адамовка — Хрестище — Соболевка — Райгородок. 29-й гвардейский стрелковый корпус нашей армии, а также 6-й гвардейский корпус 1-й гвардейской армии нацеливались на прорыв обороны противника на участке Еремовка, Синичино, южная окраина города Изюма, с выходом на рубеж: Мал. Камышеваха — Перемога — Красный Яр.

4-й гвардейский стрелковый корпус 1-й гвардейской армии должен был прорвать оборону противника на реке Северный Донец на участке Петровское, Червоный Шахтер и развивать наступление в общем направлении Великая Камышеваха, ст. Лозовая.

Имеется переписка между командованием Юго-Западного фронта и Ставкой, из которой видно, что Верховное Главнокомандование указывало на некоторую расплывчатость в оперативных разработках фронта, на его тенденцию к распылению сил при наступательных операциях.

Так, 15 июня 1943 года, когда наше Верховное Главнокомандование ожидало начала крупного наступления гитлеровских войск и нацеливало штабы фронтов на подготовку к оборонительным боям, командование Юго-Западного фронта подготовило оперативную директиву командующим 1, 3, 8-й гвардейскими и 6, 12, 57-й армиями, в которой подробнейшим образом расписывались все действия вышеуказанных армий, указывались границы обороны, проводились разграничительные линии, предусматривался посуточный ввод войск в оборонительные бои[13]. Эта оперативная директива предусматривала крайне сложные передвижения войск на глазах противника, запутывала задачи подготовки армий к наступлению.

Такого же рода директивы были разосланы и командирам 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 2-го танкового корпуса, 23-го танкового и 1-го гвардейского механизированного корпусов[14].

Ставка Верховного Главнокомандования, изучив оперативные директивы Юго-Западного фронта, вынуждена была указать командованию фронта на существенный недостаток в разработанных планах, выразившийся в распылении сил[15].

Наконец все было готово для наступления.

Оставалось лишь уточнить разведывательные данные о противнике и как можно полнее представить себе расположение его артиллерийских позиций и огневых точек. Обычно эти данные выясняются разведкой боем. Однако, пытаясь сохранить в тайне

подготовку наступления, чтобы достичь внезапности удара, мы не могли на этот раз активизировать разведку боем, да и вести разведку боем с форсированием реки Северный Донец было весьма сложно. Начальник разведки армии полковник М. З. Герман предложил создать единую карту оборонительных укреплений противника на основе всех, даже самых мелких данных, накопившихся к этому моменту в армейских частях.

Полковник М. З. Герман разослал по войскам от дивизии до роты офицеров разведки. С офицерами штаба капитаном Червоиваненко и капитаном Муравьевым он объехал все штабы дивизий и полков.

Сначала был составлен предварительный вариант карты. Карта была размножена и разослана для уточнения и дополнений в оперативный отдел, начальнику артиллерии, в штабы корпусов и дивизий, а также нашим летчикам.

Летчики, имея на руках карты с отметками разведки армии, получили возможность не только откорректировать ее, но и провести аэрофотосъемку в тех местах, где не сумела разобраться наземная разведка.

Мы выдвинули к передовой линии рекогносцировочные группы, выбросили вперед наблюдательные пункты. Наблюдение за оборонительной линией противника велось и днем и ночью. Местами разведчики завязывали активную перестрелку с противником, чтобы выявить его огневые точки.

В армейской разведке тщательно были изучены все разведсводки, протоколы допроса пленных, учетные карточки на части противника; было проанализировано все, что касалось не только количества войск противника, их вооружения, но также и их морального состояния.

Дважды или трижды уточнялась карта, наконец все было готово. Я пригласил на совещание командующих и начальников родов войск, начальников отделов штаба, выслушал их доклады о готовности к наступлению, о противнике, объехал с ними участки, выбранные для наступления, изучая правый берег и передний край противника. Что я имел на руках перед тем, как принять решение о ходе наступательных операций?

Прежде всего я опирался на справку, составленную начальником разведки армии полковником М. З. Германом.

Все данные разведки, собранные от передовых частей и соединений, ранее находившихся на переднем крае, и от фронтовой разведки подтвердились впоследствии полностью во время боевых действий.

Оборонительный рубеж по берегу Северного Донца противник начал сооружать со второй половины марта, и к

началу нашего наступления немцами было подготовлено две позиции, по две траншеи в каждой.

Траншеи в свою очередь были оборудованы под брустверными блиндажами с различными по прочности покрытиями.

Часть огневых точек располагалась под подбитыми в зимних боях танками, станковые пулеметы в дзотах и на открытых площадках. Имелось несколько бронированных огневых точек с цепями, которыми немецкие пулеметчики приковывались к броневым колпакам. Пехота была снабжена броневыми щитами. Многие огневые точки обеспечивали косоприцельный огонь вдоль зеркала воды.

Траншеи были связаны развитой сетью ходов сообщения и прикрывались с фронта противотанковыми и противопехотными минными полями.

Средняя плотность фортификационного оборудования на километр местности составляла: дзотов — 4, открытых пулеметных площадок — 13, траншей и ходов сообщения — около 2000 погонных метров, противопехотных препятствий — около полутора тысяч погонных метров, блиндажей и землянок — 9.

В глубине, на командных высотах, в населенных пунктах и опушках лесов имелись опорные пункты и узлы сопротивления, приспособленные к круговой обороне и находящиеся между собой в огневой связи.

Правый берег Северного Донца на участке, намечавшемся для форсирования, господствовал над левым берегом, что значительно затрудняло наблюдение с нашей стороны. Мы должны были так подготовить наблюдательные пункты, чтобы во время форсирования реки не потерять управления боем. Наши саперы излазили весь берег в поисках удобных позиций для наблюдательных пунктов, откуда можно было бы просматривать местность в глубине обороны противника во время боя…

К началу наступления, к началу форсирования Северного Донца систему обороны противника изучили мы неплохо. Мы установили так же, что в полосе действий Юго-Западного фронта противник противопоставляет нам и Южному фронту 1-ю танковую и 6-ю армии из группы армий «Юг».

Считаю необходимым обратить внимание читателя на то, что в печати частенько, перечисляя те или иные войсковые соединения немецкой армии, забывают дать одно разъяснение. Как же так, спросит недоумевающий читатель, незнакомый со структурой немецкой армии и исходящий в своих сравнениях из структуры Красной Армии военных лет, как же так — двум

фронтам противостояли всего лишь несколько немецких армий, а потребовалось и время, и жертвы, чтобы сбить их с позиций, прорвать их оборону и погнать с нашей земли? Чем это объяснить? Объясняется это различным насыщением армейских единиц. Так, 6-я полевая армия Паулюса подходила к Сталинграду, имея в своем составе около 20 дивизий, в том числе три танковых и две моторизованных, в то время как 62-я армия, защищавшая город, имела лишь восемь стрелковых дивизий и три бригады неполного состава. Немецкий корпус доходил, как правило, до шести пехотных дивизий, что равнялось нашим двум корпусам, да и то по формальному признаку. Численность укомплектованной немецкой дивизии была намного выше численности нашей полностью укомплектованной дивизии.

Перед Военным советом армии встала задача разработать план первой наступательной операции, которая должна была начаться форсированием водной преграды.

Мы обратили внимание на Военном совете прежде всего на подготовку форсирования Северного Донца, на обеспечение десантных переправ. Представлялось при этом необходимым всю операцию разделить на два этапа. На первом этапе надо было передвинуть армию к исходным рубежам для атаки, подготовить переправочные средства, произвести тщательную разведку, рекогносцировку, пристрелять цели, привязать боевые порядки артиллерии к местности и т. п. На втором этапе должны были начаться форсирование и прорыв оборонительной полосы корпусами первой линии. Мы подсчитали возможности армейской артиллерии. Нам удалось сосредоточить для стрельбы прямой наводкой до 19 орудий на один километр фронта и 75–90 стволов — с закрытых позиций.

Исходя из установок Военного совета армии, штаб армии разработал подробный план операции, разбив ее на подготовительный этап в шесть суток и на этап форсирования Северного Донца и прорыва обороны противника — в двое суток. Третий этап планировался на трое суток. На третьем этапе перед армией ставилась задача выйти главными силами на рубеж Красноармейская, Константиновка и окружить донбасскую группировку противника в районе Сталино (Донецк).

Противник до сих пор мог считать, что войска Юго-Западного фронта готовятся к активной обороне, и только. Слово «наступление» в оперативных документах, в радиопереговорах, в устных указаниях командиров всех подразделений не употреблялось. Оборона, оборона… Это давало нам возможность подготовить наступление и с расчетом на фактор внезапности. Передвижений крупных воинских подразделений из глубокого

тыла в это время не предусматривалось. Предстояла только передислокация сил в оперативных целях, незаметное сосредоточение частей на исходных рубежах для атаки. В районе дислокации 8-й гвардейской армии природные условия были благоприятны для скрытых передвижений. Наш, левый берег Северного Донца, его поймы были покрыты густым лесом. Леса эти рассекались грунтовыми дорогами. В ночное время мы имели возможность совершать незаметные для врага перегруппировки.

В старых районах расквартирования оставались войска вторых эшелонов и тыловые части. Перед ними была поставлена задача имитировать подготовку крупных войсковых соединении к обороне.

И вот мелочь, совсем как будто бы незначительный фронтовой эпизод…

Два наших бойца ночью пошли купаться. Заблудились и вышли к берегу Северного Донца. Полезли в воду и были схвачены разведкой противника.

Обстановка была крайне напряженной. Враг опасался нашего наступления. Два наших солдата были находкой. Можно себе представить, что обрушилось на них на допросе у следователей абвера или гестапо. Мне докладывали, что одного из них нашли с переломанными костями, другого… Словом, допрос был коротким и жестоким.

В отчете разведывательной группы немецкого батальона, захваченном нами в первые часы наступления, говорилось:

«Закончив допрос пленных и узнав от них о подготовке наступления русских, мы тут же сообщили в штабы батальонов и рот нашего полка о данных допроса. Тут же была объявлена боевая тревога. А через несколько минут началась артиллерийская подготовка русских».

Нам удалось установить, что наши бойцы и под пытками не указали точный час начала нашего наступления. Предупреждение немецкому командованию, как мы видим, поступило за несколько минут до начала артиллерийской подготовки. И все же это было предупреждением. Противник получил ориентировку.

В 4 часа 50 минут 17 июля началась авиационная и артиллерийская подготовка на участках 1-й гвардейской и 8-й гвардейской армий. Артиллерийская подготовка длилась 1 час 30 минут.

Она расчленялась на различные периоды и по времени строилась таким образом: пятиминутный огневой налет по целям на переднем крае и в глубине обороны, тридцать восемь минут прицельно-методический огонь по дотам, дзотам, по уничтожению живой силы противника в узлах сопротивления,

артиллерийских и минометных батарей, оживших во время артиллерийской подготовки. Затем вновь двухминутный повторный огневой налет по целям на переднем крае и в ближайшей глубине. И снова двадцать три минуты прицельного методического огня по дотам, дзотам, блиндажам и живой силе противника, по его артиллерийским и минометным батареям.

Для наступательной операции при 8-й гвардейской армии были созданы две артиллерийских группы: армейская группа прорыва и армейская группа артиллерии дальнего действия. В задачи группы артиллерии дальнего действия входило не только уничтожение и подавление артиллерийских и минометных батарей противника, но воспрещение подхода резервов противника для организации контратак. 29-й гвардейский и 33-й стрелковый корпуса на главном направлении удара на один километр фронта сосредоточили около 105 единиц орудий и минометов.

Тогда такая насыщенность артиллерийскими средствами могла показаться достаточной. Нам до этого приходилось вести и оборону, и совершать контрудары со значительно меньшей артиллерией. Однако опыт крупных наступательных операций с прорывом сильных оборонительных рубежей противника показал, что такая насыщенность артиллерийскими средствами недостаточна для нанесения решающего удара. Но в те дни основные силы и резервы были сосредоточены в районе Курской дуги. Недостаток в насыщенности стволами командование фронта пыталось возместить длительностью артподготовки. Но при длительной артиллерийской подготовке терялись последние элементы внезапности. Противник по сосредоточению огня точно определял направление главного удара и получал возможность перегруппировать силы во втором эшелоне для контрудара. Кроме того, мы не имели достаточного количества снарядов и мин для повторения артиллерийской подготовки или сосредоточения массированного огня. Известно, что длительная артиллерийская подготовка часто применялась в первой мировой войне, особенно для прорывов фронта. Но тогда наступающие войска не располагали подвижными средствами, танками и бронированными автомобилями и бронетранспортерами. Длительная артиллерийская подготовка не приводила и в первую мировую войну к прорыву оборонительных линий, а достигала только тактических вмятин.

Наш удар поддержала авиация. Не могу сказать, чтобы эта поддержка оказалась решающей. Бомбардировщики и штурмовики подвергли обработке оборонительные рубежи противника, помогли нам во время переправы, но господства в

воздухе получить не могли.

В начале артиллерийской подготовки на наблюдательный пункт армии прибыли командующий фронтом Р. Я. Малиновский и член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов.

На правом южном берегу поднялись черные столбы земли и пыли, поползли клубы черного, копотного дыма.

Солнце еще не всходило. Светлела, разгоралась над степью знойная июльская заря, с ее яркими оранжевыми красками. Били слепящими залпами гвардейские минометы. Над рекой, над камышом, над кустарником, по берегам потянулась густым туманом и окутала все непроницаемая дымовая завеса.

Из зарослей, из прибрежных лесов по-пластунски или бегом, пригибаясь к земле, спускались к воде передовые батальоны пехоты. Под дымовой защитой отчалили одна за другой весельные лодки.

Ветер минутами срывал дымовую завесу с реки. На том берегу оживали огневые точки. Но они тут же гасились прицельным артиллерийским огнем.

Первые лодки причалили к противоположному берегу. Гвардейцы коротким броском достигли первого ряда траншей, завязался жестокий рукопашный бой. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, а от нашего берега отчаливала новая партия весельных лодок.

К 8 часам утра наши батальоны захватили первую и вторую траншеи, закрепились там. Под их прикрытием мы подвели к берегу понтонные парки и приступили к наводке переправы для артиллерии и танков.

Переправившиеся войска получили приказ продвигаться вперед, расширяя плацдарм на вражеском берегу. Но результаты атак на удалении от берега не были столь успешными, как переправа. Нарастало сопротивление противника, действующего теперь вдали от линии, на которую могла воздействовать наша артиллерия. На темпах наступления сказывался и недостаток в боеприпасах. Активизировала свои действия вражеская авиация, нанося удары по нашей переправе. Поминутно над рекой вспыхивали ожесточенные воздушные бои. Нашим истребителям не всегда удавалось отогнать пикирующие бомбардировщики.

План операции начал нарушаться по срокам.

К наступлению темноты 17 июля части 8-й гвардейской армии закрепились на правом берегу реки Северный Донец.

В первом эшелоне шел 29-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Якова Степановича Фоканова. Его дивизии вклинились в оборону противника на полосе протяженностью в 15 километров, протаранив ее в

глубину на 3–5 километров.

82-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Ивана Алексеевича Макаренко овладела восточной окраиной большого поселка Каменка, южной окраиной села Шевченко, северной окраиной Сухой Каменки.

74-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Василия Павловича Соколова, действуя плечом к плечу с 82-й гвардейской стрелковой дивизией, продвинулась к северной окраине Сухой Каменки и охватила северную окраину населенного пункта Тихоцкое.

27-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Виктора Сергеевича Глебова овладела высотой с отметкой 199,4 и населенным пунктом Студенок.

Корпусу генерала Фоканова противостояла 333-я пехотная дивизия противника. Под ударами гвардейцев она оставила первые линии траншей и с большими потерями откатилась от берега реки на вторые позиции. Укрепления из железобетона, гофрированного железа, бронеколпаки дали ей возможность устоять против нашего удара на второй позиции, потому что этот удар не был достаточно поддержан нашей артиллерией.

33-й стрелковый корпус генерала Алексея Ивановича Семенова, развернув 230, 50 и 243-ю стрелковые дивизии, к концу дня овладел поселком Банновское и лесом южнее поселка, поселком Пришиб и, переправившись частью сил через Северный Донец, завязал бои за Сидорово.

Наши армейские танковые части и части 1-го гвардейского механизированного корпуса в бой введены не были. Они запоздали с переправой, рубеж ввода их в бой не был захвачен войсками первого эшелона армии.

Надвинулась короткая июльская ночь. Тревожная ночь. Местами еще не утихли бои. Начали ночную обработку позиций противника наши ночные бомбардировщики. Штабы корпусов и дивизий готовились к новому бою на рассвете.

Для меня лично это были трудные часы. Первое наступление нашей армии после сталинградских боев. Ни одна из поставленных задач не решена. Конечно, ставить задачи, расчерчивая карту стрелами, легче, чем вести бой, да еще к тому же с сильным и опытным противником.

Было над чем задуматься. Что случилось? Почему к середине дня наши атаки повсеместно захлебнулись, несмотря на то, что враг нес больше потери?

Из допроса пленных начинала слегка приоткрываться загадка столь сильного и активного сопротивления врага.

Пленные немецкие офицеры на допросах показывали, что им

было известно о готовящемся наступлении нашего фронта примерно с 12 июля, то есть за пять дней до его начала. Известны были приблизительно и направления ударов прорыва.

Внезапности не получилось, хотя, казалось, были соблюдены все меры предосторожности. Работа наземной агентуры, авиаразведка, аэрофотосъемка, радиоперехват… Век техники.

Противник создал на участках прорыва глубокоэшелонированную оборону. Подбросил новые части. Наутро, как стало ясно из показаний немецких офицеров, нас ожидали крупные силы противника. К частям, расположенным на нашем участке фронта, подходили на подмогу соединения двух танковых дивизий—17-й и СС «Викинг».

Этой же ночью нам передали через командование фронта, что гитлеровское наступление на Курской дуге потерпело полный провал, что наступление войск Западного, Брянского и Центрального фронтов успешно развивается, что наши войска взломали оборону противника, что в прорыв вводятся значительные силы. Враг, отчаянно обороняясь, начал отступление…

Получить полную информацию о битве на Курской дуге было трудно. В те дни мы не могли получить и достоверного представления о масштабах выигранного нами сражения. Теперь, зная весь ход операций наших фронтов в июле месяце сорок третьего года, после оборонительных сражений на Курской дуге, можно сказать с уверенностью: в ожидании удара на нашем участке фронта, командующий группой армий «Юг» Манштейн не мог перебросить на Курское направление и под Харьков резервы из Донбаса.

Нашим наступлением в Донбассе мы ослабляли немецкий фронт под Курском и под Харьковом. Стало быть, уже одно то, что противник из-за удара на нашем участке фронта вынужден был распылять свои силы, оправдывало наши действия. Вместе с тем, когда фронт в одном месте тронулся и враг понес значительное поражение от наших соседей, надо было наступать, чтобы лишить его возможности маневрировать войсками.

Мы досадовали, что не удается расширить наступление в то время, как самый факт наступления нашего Юго-Западного фронта и захват нами оперативной инициативы у противника были уже немалым успехом в стратегическом замысле огромного масштаба.

Ночью я принял решение с утра 18 июля ввести в бой второй эшелон армии: 28-й гвардейский стрелковый корпус, его 79-ю и 88-ю дивизии и танковую группу М. Г. Вайнруба в составе двух танковых и самоходно-артиллерийского полков. Танки и

самоходные орудия группы М. Г. Вайнруба были переправлены на правый берег Северного Донца.

Всю ночь напряженно работали переправы. Надо было пропустить не только войска, но и перевезти массу грузов, артиллерию, танки, боеприпасы, кухни. Но и ночью не прекращались удары авиации противника по переправам. Фашистские летчики освещали переправы световыми бомбами. По этой активности можно было судить не только о том, что противник встревожен нашим наступлением, но и о том, что на нашем участке фронта наращиваются авиационные силы противника.

К рассвету начали поступать в штаб армии сообщения авиаразведки о движении гитлеровских войск к нашему участку фронта. По дорогам двигались немецкие танки, артиллерия, самоходные орудия. Наши самолеты, вылетавшие на бомбежку этих движущихся колонн, встречали мощное воздушное прикрытие. Эти данные авиаразведки совпадали с показаниями пленных немецких офицеров. Мы установили, что командующий группой армий «Юг» Эрих фон Манштейн перебросил 24-й танковый корпус из-под Харькова и ввел в бой против нашей армии 17-ю танковую дивизию. Вслед за 24-м танковым корпусом из Белгорода и Харькова перебрасывалась в Донбасс срочным порядком 3-я танковая дивизия 2-го танкового корпуса СС со средствами усиления.

В районе Макеевки на защиту Донбасса от ударов Южного фронта немецким командованием были также сосредоточены танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова», переброшенные из района Белгород — Харьков.

В разные времена по-разному человек воспринимает те или иные известия. Прямо скажу, когда меня ознакомили с донесениями наших летчиков о широком передвижении немецких войск, о подходе к противнику на помощь крупных резервов, мне стало не по себе. Наши силы в наступлении таяли, противостоящие нам на правом берегу Северного Донца силы противника возрастали. Мы отчетливо осознавали, что такое дивизии 24-го танкового корпуса, какой они обладают маневренностью, как значительна их огневая мощь.

Становилось очевидным, что мы втягиваемся в ожесточенные и затяжные бои, что Гитлер идет на все, лишь бы удержать Донбасс. Он держался из последних сил за донецкий коксующийся уголек.

Тяжелое впечатление от донесений наших летчиков проходило по мере того, как мы расчерчивали карту соответственно их донесениям.

Спасая Донбасс, Гитлер и Манштейн оголяли свой фронт под Харьковом, там, где на них надвигались силы наших фронтов: Воронежского и резервного Степного.

Гитлер и Манштейн недооценили возможности наших войск после тяжких оборонительных боев на Курской дуге перейти в широкое, обеспеченное всеми средствами наступление.

В те часы, когда против армии Юго-Западного фронта появились немецкие танковые дивизии, переброшенные из-под Харькова, мы понимали, что это облегчит наступление Воронежского и Степного фронтов — Н, Ф. Ватутина и И. С. Конева. Об этом мне говорил Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Наступление войск Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева задержалось. Оно началось лишь 3 августа, когда удары Юго-Западного фронта уже начали ослабевать, когда мы убедились, что развить наступление нашему фронту не удастся.

Для нас наступление Воронежского и Степного фронтов как бы затянулось, но для немцев оно началось в какой-то мере внезапно. Они еще не успели вновь укрепить ослабленный фронт. Уже развернулось наше наступление под Харьковом, когда немецкое командование в спешном порядке вынуждено было перебрасывать из Донбасса на белгородско-харьковское направление (переброска шла с 3 по 9 августа) пять танковых дивизий — 3-ю и 7-ю, дивизии СС «Викинг», «Райх», «Мертвая голова» и управления 24-го и 47-го танковых корпусов.

Да, нам предстоял трудный день, занимался он в тревоге. Сталинградцам предстояло новое и трудное испытание: опять неравные бои.

Прежде всего значительно усилилось воздействие авиации противника. Группы «юнкерсов» по 20–30 самолетов под прикрытием истребителей непрестанно бомбили переправы. Некоторые наши части, получив приказ переправиться на южный, правый берег Северного Донца, выполняли его с запозданием.

Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса поднимались несколько раз в атаки, но их встречал массированный огонь противника. Повсеместно противник вводил в бой танки. Заметно усилилась его артиллерия. Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса смогли продвинуться лишь на 1–2 километра, неся большие потери. По нашим предварительным данным этот участок фронта оборонялся 333-й пехотной дивизией противника. Но еще 17 июля она понесла большие потери. Значит, 333-я дивизия получила очень сильное подкрепление.

Решительно и напористо действовал в этот день 33-й стрелковый корпус. Его части овладели Богородичном, балкой

Висла, населенным пунктом Сидорово. Возросшее сопротивление в течение дня 387-й немецкой пехотной дивизии утвердило нас в предположении, что и эта дивизия противника получила усиление.

Активной бомбежкой противник помешал 28-му гвардейскому стрелковому корпусу переправиться. 79-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Н. Ф. Батюка удалось переправиться и сосредоточиться в районе Банновское — Пришиб.

88-я гвардейская стрелковая дивизия (командир дивизии генерал-майор Г. И. Вехин) успела лишь сосредоточиться для переправы. Танковая группа М. Г. Вайнруба переправилась слишком поздно, и я задержал ее ввод в действие.

К вечеру бои начали затухать. Армия испытывала недостаток в боеприпасах. Штаб армии получил сообщения о нарастающих перебросках войск противника из-под Харькова.

Генерал-фельдмаршал Манштейн об этих боях пишет так: «На участке 1-й танковой армии противнику удалось форсировать Донец юго-восточнее Изюма в полосе до 30 километров. Но благодаря вводу в бой обеих дивизий 24-го танкового корпуса, подошедших из Харькова, мы приостановили дальнейшее продвижение противника южнее реки…»

Наступила вторая ночь…

Ставка Верховного Главнокомандования требовала наступления. Мы в армейских звеньях ощущали, что наступление идет медленно, противник подбрасывает новые силы. В то же время нельзя было ослабить давление хотя бы на одно мгновение. Севернее шли напряженнейшие сражения войск Западного, Брянского, Центрального фронтов. Они ломали тщательно продуманную и построенную по всем правилам фортификационного искусства оборону противника. Поэтому и на 19 июля штаб армии снова ставил задачи войскам на наступление.

Приказ есть приказ, но главное во всех сражениях решалось солдатом. Если солдат был внутренне убежден, что те или иные действия, предписываемые ему командованием, правильны, если они соответствовали велению его сердца, то он мужественно действовал в труднейших условиях.

Я должен сказать о большой роли политработников, партийных и комсомольских организаций армии.

Агитировать солдата, чтобы он бил врага, не нужно было, тем более сталинградца, гвардейца. Ненависть к врагу достигла в то время огромного накала. На политработников ложилась задача — разъяснить смысл и значение тех боев, которые развернулись по

берегам реки Северный Донец на нашем участке фронта. Надо было разъяснить в частях, что наши удары по противнику оттягивают крупные немецкие силы от Харькова, где развивается главное наступление других фронтов, что каждый километр отвоеванной здесь земли оборачивается километрами продвижения наших войск на направлении главного удара.

19 июля с утра бои приобрели встречный характер. Противник непрерывно переходил в контратаки, поддерживаемые десятками танков. В 10 часов противник бросил в контратаку против правого фланга 82-й гвардейской стрелковой дивизии со стороны Каменка пехотный полк в сопровождении 48 танков, а со стороны Сухая Каменка — полк пехоты с 50 танками. Враг пытался расчленить дивизию и уничтожить ее, прижав к берегу Северного Донца.

Сначала последовал хотя и короткий, но мощный артиллерийский удар по позициям нашей дивизии. Затем над нею зависли немецкие бомбардировщики и в боевые порядки устремились танковые клинья. Впереди шли мощные тяжелые танки «тигр». За ними следовали легкие танки и самоходные орудия. Под прикрытием этих броневых щитов поднялась в рост немецкая пехота. Гитлеровцы шли пьяные, поливая направо и налево огнем из автоматов. Сотня танков двигалась на позиции одной нашей дивизии. Бывали времена, и не так давно, когда таким вот ударом гитлеровцы прошивали насквозь более значительные силы обороны.

Однако все это было в прошлом, и только немецкая настойчивость и упрямство искали возврата к прошлому.

Они шли на сталинградцев. Гвардейцы поднялись навстречу и ринулись на сближение. Им нужно было сближение, чтобы нейтрализовать удары авиации. Залегли, встречая танки в наскоро вырытых неглубоких окопах.

Танки рвались вперед, к основному рубежу обороны через мелкие траншеи. А им вслед из траншей в боковую броню летели гранаты, бутылки с горючей смесью, били противотанковые ружья. Строй сломался, клин притупился. Передовые танки достигли траншей основной линии нашей обороны. Их встретил орудийный огонь. Артиллеристы били прямой наводкой. Ближний бой, навязанный нашими гвардейцами, лишал авиацию противника возможности сбрасывать бомбы и выходить на обстрел наших боевых порядков.

Автоматчики и пулеметчики открыли огонь по немецкой пехоте и отсекли ее от танков. Танки развернулись, чтобы выручить свою пехоту. Но они имели дело с гвардейцами, которые не боялись ни огня, ни железа. Опять перед танками

пустое, казалось бы, вымершее поле. Танки подтянули за собой пехоту. Двинулись вперед. Но все эти маневры происходили под нашим артиллерийским огнем. Тянулся над полем боя черный чад. Горели немецкие танки…

Гвардейцы пропустили их мимо еще раз и опять открыли отсечный огонь по пехоте.

Да, никакая ярость, никакая ненависть к врагу не смогли бы заменить сталинградской выучки, хладнокровия и выдержки.

Два полка немецкой пехоты, поддержанные сотней танков, смяли и потеснили лишь батальон стрелковой дивизии. И захлебнулись… Устилая поле трупами, отхлынули назад. На поле осталось 16 подбитых и сожженных танков.

Не менее ожесточенные бои разгорелись в полосе 79-й гвардейской стрелковой дивизии. 20 июля дивизия овладела поселком Голая Долина. Однако развить наступление не смогла. Подошли и были с ходу введены в бой противником части 17-й танковой дивизии, усиленные штурмовыми орудиями. Перед гвардейцами встала задача остановить бронированный клин врага, перемолоть его живую силу и технику. Это сражение не ошеломляло масштабами введенных сил, оно, конечно, было местного значения, но оно было ожесточеннейшим. Голая Долина в войсках получила другое название — «Мертвая Долина».

Завязались ожесточенные бои в поселке. По нескольку раз одни и те же строения переходили из рук в руки. Домов в поселке не осталось. Под ударами танков рушились глинобитные стены, что не смогли сгореть в огне пожаров. Переходили из рук в руки подвалы, печные остовы, груды кирпича.

В уличных боях сталинградцы не имели себе равных. Горела техника, горели солдаты, но противник как бы сам шел на собственное уничтожение.

Последний удар в тот день по частям 79-й гвардейской дивизии в поселке Голая Долина последовал вечером. В атаку ринулась мотопехота противника и до шестидесяти танков. Они потеснили гвардейцев, но выбить полностью из поселка не смогли. Гвардейцы обосновались на высоте с отметкой 199,5 и на северной окраине поселка.

Земля в поселке, казалось, была перепахана. И если мы сегодня посмотрим на карту или проедем к поселку Голая Долина, то на месте, где когда-то стояло цветущее село, найдем лишь поле. Поселок Голая Долина со времени тех боев перестал существовать. Вырос поблизости новый поселок, отстроенный заново, и называется он теперь Долина.

Ожесточенные бои шли и за вторую позицию противника. Эта линия проходила через Сухую Каменку, Тихоцкое, Голую Долину,

балку Вислу, Сидорово. Сюда были брошены резервы пехотных дивизий 333-й и 387-й, а также танковые части. 20 июля наша разведка отметила появление на этом участке подразделений танковой дивизии СС «Мертвая голова».

Фашистское командование явно спешило усилить те участки фронта, где наше наступление создавало угрозу прорыва на всю тактическую глубину и выхода наших подвижных резервов на оперативный простор.

И 20 июля, и 21 июля Голая Долина оставалась полем ожесточенного сражения.

В садах поселка и в зарослях ручья Голая Долина засели и окопались наши бронебойщики и стрелки 220-го гвардейского полка. Они отбивали одну танковую атаку за другой, отсекая от вражеских танков пехоту.

Вспоминается мне история с сержантом Александром Ивановичем Чижиковым, одним из тех героев, о которых не написано громких реляций, но благодаря которым враг был изгнан с нашей земли.

Сержант Чижиков командовал расчетом противотанкового орудия. Его расчет подбил три танка противника. Орудие было отлично замаскировано, но гитлеровцы открыли по нему прицельный огонь из минометов. Это насторожило сержанта. В минуту короткой паузы между атаками противника он внимательно осмотрел окрестности и вдруг заметил на крыше сарая странно торчащую проволоку, которая никак не могла быть связана ни с кровлей, ни со строением. Чижиков доложил об этом своему командиру старшему лейтенанту С. Титову. Они вдвоем кустарником и высокой травой подползли к сараю. Конец проволоки оказался антенной полевой рации.

Что бы это могло быть? Неужели радист-лазутчик? Осторожно открыли дверь в сарай, держа наготове автоматы. В сарае груда прошлогодней соломы, в беспорядке разбросана всякая рухлядь. Ни души. Они осмотрели завал и в рассохшейся бочке нашли немецкую рацию, соединенную с антенной.

Можно было предположить, что здесь размещалась рация, когда немцы владели поселком, и, отступая, не успели прихватить ее с собой. Но могло быть и иначе… Старший лейтенант Титов оставил Чижикова в засаде. Чижиков, изготовившись к бою, с двумя ручными гранатами и автоматом затаился в темном углу.

В населенном пункте и на его окраинах шел, не умолкая, ожесточенный бой. Стены сарая содрогались от взрывов. Чижиков терпеливо ждал, придет ли к рации радист. Не отсюда ли корректируется огонь и по его батарее? Такой разведчик в иных

случаях опаснее танковой роты противника. Прошло около двух часов…

И вдруг солома зашевелилась. Кто-то внутри соломенной кучи завозился, высунулась рука, и перед Чижиковым возникла человеческая фигура. Чижиков замер. Человек лет тридцати, в красноармейской форме с кавалерийскими петлицами, в синих шароварах. Поблизости, это Чижиков точно знал, не было наших кавалерийских частей. Незнакомец, оглядевшись, направился к бочке с рацией. Чижиков скомандовал:

— Руки вверх!

Незнакомец резко обернулся и, выхватив из-за голенища нож, кинулся на Чижикова. Чижиков отступил в сторону и ударил незнакомца автоматом по голове. Тот сунулся головой в солому. Чижиков обезоружил незнакомца, связал ему руки и ноги, вызвал Титова и двух солдат-артиллеристов на подмогу. Допросили «кавалериста». Сначала он попытался отмолчаться, потом начал сочинять истории, что отстал от кавалерийской части. Пришлось, наконец, ему сознаться, что был заслан в расположение наших войск с задачей вести наблюдение за передвижением наших частей и корректировать огонь немецкой артиллерии.

Изменник оказался жителем этих мест, той самой Голой Долины, за которую шли бои.

В сорок первом году он сдался в плен. Трусость, растерянность, паника? Нет, этот изменник не был трусом! Он сдался в плен, вступил в армию изменника Власова и с оружием в руках пошел против своей Родины. Это не трус. Трус не забрался бы в расположение наших войск, чтобы передавать агентурные сведения немецким хозяевам.

Этот предатель действительно был опаснее целой танковой роты противника.

Впервые пришлось мне столкнуться с власовцами именно здесь, на Северном Донце. Сопротивлялись они упорно, отчаянно. Я не назвал бы это мужеством, это была вынужденная ожесточенность висельников. Они обязаны были отработать хлеб у немцев, и им, в случае если бы они дрогнули и отступили, грозила расправа от рук гестаповцев. Нам они в плен сдаваться не могли, страшась возмездия за измену.

Наступило 21 июля. Это был самый тяжелый день для воинов 79-й гвардейской дивизии и в особенности для 220-го гвардейского стрелкового полка. Противник с раннего утра стремился во что бы то ни стало вернуть поселок Голая Долина.

Ничего нового в организации контратаки противник не применил. Короткий артиллерийский налет, за ним налет авиации и танковый клин. Под прикрытием танков наступала

пехота.

Первая контратака со стороны села Долгенькое была погашена артиллерийским огнем. Как факелы вспыхнули четыре танка противника. С укрытых позиций пулеметный огонь гвардейцев заставил немецких стрелков и автоматчиков залечь. Фланкирующим огнем автоматчики расстреливались на земле. Противник отступил.

Затем гитлеровцы предприняли контратаку с другой стороны, пытаясь отыскать в нашей обороне слабое место. На этот раз удар последовал из Хрестищ. На наши позиции в селе Голая Долина устремились танки, поддержанные штурмовой авиацией противника и самоходными штурмовыми орудиями. Атака была жестокой и развивалась в благоприятной для немцев обстановке. Вражеская авиация внесла беспорядок на наших переправах, были порушены понтоны. Саперы под бомбежкой чинили разрушения. Прервался подвоз боеприпасов. Да и от переправы доставить боеприпасы в Голую Долину было не так-то просто. Подъездные пути бомбила авиация противника и простреливалась его артиллерией.

Противник понес тяжелые потери, но из-за недостатка в боеприпасах погибали и наши артиллеристы-бронебойщики. Более половины орудий и орудийных расчетов вышло из строя.

В расчете у противотанкового орудия сержанта Александра Ивановича Чижикова осталось три человека. Сам Чижиков был ранен в руку осколком снаряда. Санинструктор Н. К. Редькина перевязала ему рану, попыталась отправить его в медсанбат, но Чижиков категорически отказался.

Через два часа атака противника повторилась. Опять шли немецкие танки, за ними пехота. Расчет Чижикова сразу подбил два танка. Соседние батареи подбили пять танков. Танки остановились, немецкая пехота залегла.

Стояла июльская жара. Противник же не унимался. Все новые и новые подразделения кидал он в пекло. Раскалились орудийные стволы, раскалились стволы пулеметов и автоматов. Гвардейцы навязывали танкистам противника ближний бой. В ход шли противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Догорали последние строения в поселке, горели сады, горела степь за околицей. Черным дымом и смрадом заволокло поле боя так, что к концу дня в Голой Долине ни мы, ни противник не могли применить авиации.

Мы видели немецких солдат в наступлении, когда они, упоенные надеждой на победу, надеждой разгромить Красную Армию и овладеть жизненным пространством, рвались к Сталинграду. Это было время их уверенности в своем

превосходстве, время головокружения от временных успехов, когда еще мало кто в немецкой армии осознавал, что успехи у них действительно временные. Я видел агонию трехсоттридцатитысячной армии в Сталинграде, немецких солдат, которые были преданы гитлеровским командованием и генералитетом, преданы и обмануты. Они сражались в окружении, как затравленные звери. Кое-кто из немецких мемуаристов и историков пытается сегодня изобразить их как сражавшихся мужественно до последнего патрона.

Да, немцы не капитулировали, но сражаться… Сражаться им особенно не приходилось.

Под ударами наших войск в конце января так называемая «сталинградская крепость» рассыпалась.

Но я понимал и солдат 6-й армии, находившейся в агонии. Они боялись возмездия. Что же здесь, на Северном Донце, под сокрушительными ударами наших войск заставляло немецкого солдата проливать кровь, отдавать жизнь ни за что, когда каждому здравомыслящему становилось ясно, что война проиграна, что рассчитывать после Сталинградской битвы и поражения на Курской дуге уже не на что?

Наступает вечер. В который уже раз немецкие офицеры поднимают своих солдат в контратаку, бросая с ходу в бой прибывающие из-под Харькова резервы. Бросают в бой на позиции, которые занимает 8-я гвардейская, бывшая 62-я, известная каждому немецкому офицеру и солдату армия. Нет надежды. Победа уже не манит, пора уходить с чужой земли, а их поднимают и кидают в жерло огромной мясорубки. Каждая контратака — это сотни и даже тысячи убитых только на одном участке возле Голой Долины. Стало быть, еще не сбита спесь немецкой армии, приобретенная ею в годы предшествовавших побед, во время походов по Европе. Еще бить и бить нам врага, пока он осознает, что все его надежды рухнули…

Наши войска не отошли ни на одном участке фронта.

Наступил вечер. Наступила недолгая, как и летняя ночь, передышка. Мне сообщили из штаба армии, что опять весь день наша авиация наблюдала переброску крупных немецких соединений из-под Харькова.

Наутро ожидались новые ожесточенные контратаки.

Я поехал по войскам ознакомиться с обстановкой по всей линии фронта 8-й гвардейской армии. Задачи наутро ставил при личной встрече с командирами корпусов и дивизий. Задачи для всех были одинаковы. Держаться, не отступать под ударами вводившихся в бой резервов противника. В 29-й гвардейский стрелковый корпус генерала Я. С. Фоканова поехать не успел,

приказ передал через начальника штаба генерала В. Я. Владимирова. На поле боя встретил командующего бронетанковыми и механизированными войсками армии полковника М. Г. Вайнруба. Он пригласил меня к себе на КП перекусить и отдохнуть.

Заскочили в какой-то двор, обнесенный кирпичной стеной. Похоже, что это были остатки монастырской стены. Вышли из машин, и вдруг артиллерийский налет противника. Пришлось залечь за стенами и пролежать минут пять-десять, пока противник не перенес огонь на другие цели. Во время обстрела наши шоферы укрыли машины.

Заходим в первый попавшийся дом. На столе появляются консервы, хлеб, фляжки. Темнеет. Огня не зажигаем, ужинаем в сумерках, но на фронте кусок хлеба и стопку водки еще никто мимо рта не проносил.

За дверью топот. Вернулись шоферы. Они с адъютантами поймали в соседнем доме немца. Рассказ в такой обстановке выглядит комично. Они наперебой, друг друга поправляя и уточняя, рассказывают:

— Входим… Большая комната, горница или светелка. Даже камин у стены. Наверное, бывший поповский дом. Камин затопить недолго. На огне можно разогреть консервы. Положили дров, огонь не горит. Весь дым обратно идет. Неужели, думаем, трубу сшибло снарядом? Поглядели, стоит труба. Не должно быть такого, чтобы дым обратно шел. Плеснули на поленья бензинчику. Бензин вспыхнул, поленья загорелись, а дым в комнату валит. Мы еще бензину. Слышим в каминной трубе словно бы шорох. И шорох не шорох, возня! Кто-то протискивается сквозь дымоход. Заглянули, а там, батюшки мои, торчат ноги в ботинках с обмотками. И ботинки и обмотки не наши, немецкие. Схватили за ботинки и потянули вниз. Вытянули — немец. Худой, весь в саже, как трубочист. От страха и переживаний, что чуть было живьем не сгорел, у него зуб на зуб не попадает…

Пленный годится. Я дал указание отправить его к нашим разведчикам. Снимаемся с Вайнрубом с этого пристрелянного немецкой артиллерией места.

По пути в поселок Пришиб встретились с командующим воздушной армией В. А. Судец. Пока договаривались о взаимодействии, к кургану, где мы расположились, подали телефонную связь со штабами армии и фронта. Провел необходимые переговоры, ехать к себе было поздно. Решили заночевать на кургане. Улеглись спать рядом с Владимиром Александровичем на моей бурке. Ночь теплая, сон крепкий до

самой зорьки.

Проснулись от залпа наших «катюш». Пора! Шоферы убирают постели, а Владимир Александрович обращает мое внимание на человека, с которым мы спали рядом, не приметив его в темноте. Немец! Каюм Калимулин, мой шофер, подходит к нему, расталкивает. Бесполезно. Немец мертв.

Да, куда ни ткнись, всюду следы страшного побоища…

С восходом солнца бой опять разгорелся по всему фронту. И опять центром самых ожесточенных контратак противника становится Голая Долина. Но на этот раз противник не торопится штурмовать наши позиции. Видимо, ночью подошли к фронту из-под Харькова новые значительные артиллерийские резервы. Он обрушивает на поселок Голая Долина и на наши позиции ураганный артиллерийский и минометный огонь. К поселку прорываются сквозь строй наших истребителей немецкие самолеты. Они бомбят наши боевые порядки и по 30–40 самолетов заходят на бомбежку наших переправ.

Положение становится сложным. В середине дня подразделения 220-го гвардейского стрелкового полка, оборонявшие поселок Голая Долина, подверглись атаке сразу с трех сторон: с юго-востока, с юга и с запада. Пришлось начать отход на Богородичное во второй эшелон дивизии.

Из этого боя не вышли и сержант Александр Иванович Чижиков, и старший лейтенант С. Титов. Сталинградцы С. Титов и А. И. Чижиков похоронены в братской могиле в поселке Голая Долина…

Вокруг поселка Голая Долина было сожжено 30 танков противника, поле было устлано сотнями немецких трупов. Дорого им обошлись контратаки.

Но мы тоже понесли тяжелые потери. Много полегло тех, кто выдержал даже и сталинградский ад. Потеряли мы и славного боевого товарища, командира дивизии, генерала Николая Филипповича Батюка.

Вот оно, переменчивое фронтовое счастье… Все выдержал, все прошел. Мужественно отстаивал вместе со своими солдатами Мамаев курган в Сталинграде. Какие бои! Казалось, что самое трудное позади. Но только казалось…

Похоронили генерала Николая Филипповича Батюка, на донецкой земле, возле памятника Артему на Северном Донце.

Мы, ветераны 62-й армии, вспоминая своего боевого товарища, не раз высказывали пожелания перенести его прах в Сталинград на Мамаев курган, к памятнику защитникам Сталинграда, к общей могиле сталинградцев. Наши желания сбылись. Батюк спит вечным сном среди своих бойцов на

Мамаевом кургане…

Бои не прекращались ни на один час. Мы с трудом расширяли плацдарм, отражая контратаки противника, но уже было очевидно, что наступление наше захлебнулось.

1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова в бой не вводился. Я был склонен считать это решение командующего фронтом Р. Я. Малиновского правильным, оправданным оперативно-тактическими соображениями. Противодействие противника, подбросившего значительные резервы, не дали возможности 8-й гвардейской армии создать условия для ввода в прорыв механизированных соединений. Как мне стало известно, Р. Я. Малиновский на участке наступления 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова ввел в бой по существу за первую позицию противника 23-й танковый корпус генерала Пушкина. Но наступление этого корпуса, как и всей 1-й гвардейской армии, быстро захлебнулось. Надо было подкрепить 1-м гвардейским механизированным корпусом 23-й танковый корпус генерала Пушкина, введенный в бой в зоне действия 1-й гвардейской армии Кузнецова, или, наоборот, ввести в бой оба корпуса на участке наступления 8-й гвардейской армии, не распыляя силы на широком фронте.

Силы и средства 8-й гвардейской армии были на исходе, особенно ощущался недостаток в боеприпасах из-за расстроенных вражеской авиацией переправ. Командующий фронтом с одобрения представителя Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевского приказал 8-й гвардейской армии временно прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах. Первый этап сражений за плацдарм на западном берегу реки Северный Донец закончился.

Можно было подвести и некоторые итоги, проанализировать, что помешало по-настоящему развить успех, что достигнуто за эти несколько дней упорных боев.

8-я гвардейская армия перешла к обороне на захваченном ею плацдарме шириной по фронту до 30 километров и глубиной до 8 километров. Передний край проходил от села Шевченко через Колесово, северной окраиной Сухой Каменки на Тихоцкий, Пасека, по дороге, идущей от Пасека на Голая Долина до ее восточной окраины, садами Голой Долины, балкой Висла, на поселок Сидорово. Переправы в это время работали у Студенок, Богородичного, Банновского и Пришиб.

Частная задача по созданию плацдарма на правом берегу реки Северный Донец, который мог быть в дальнейшем использован для наступления без потери сил и времени на

форсирование водного рубежа, была решена.

Наше наступление началось, как уже говорилось, 17 июля, когда определился исход немецкого наступления на Курск в зоне действия наших Центрального и Воронежского фронтов, когда развивалось наступление Брянского и Западного фронтов, начатое 12 июля.

В ходе боев нам стало известно из опроса военнопленных, из данных фронтовой разведки, что из-под Харькова противник с 17 по 23 июля перебросил для защиты Донбасса пять танковых и одну пехотную дивизии. Шесть дивизий, снятых с Белгородско-Харьковского направления перед наступлением Воронежского и Степного фронтов, разрядили обстановку и под Белгородом и под Харьковом.

Теперь мы располагаем и признанием Манштейна, который сетует на то, что попал в ловушку, расставленную советским командованием, предпринявшим наступление силами Юго-Западного и Южного фронтов на Донбасс. Он пишет:

«После того как операция „Цитадель“ по приказу Гитлера 17 июля была окончательно прекращена также и группой армий „Юг“, командование группы (т. е. сам Манштейн) решило снять временно с этого фланга крупные танковые силы, чтобы с помощью этих частей восстановить положение в Донбассе. Мы надеялись в ходе операции „Цитадель“ разбить противника настолько, чтобы рассчитывать на этом фронте на определенную передышку. Однако эта надежда оказалась потом роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем мы ожидали».

Все это, конечно, могло быть занесено в актив нашему Юго-Западному фронту.

Командующий фронтом Родион Яковлевич Малиновский вскоре поставил перед 8-й гвардейской армией частную задачу: сковать силы противника в Донбассе и пресечь маневр противника. Командование армией разработало план частной операции в деталях.

Мы начали атаки на противника 3 августа. Этот срок был приурочен к переходу войск Воронежского и Степного фронтов в решительное наступление против Белгородско-Харьковской группировки, когда была восстановлена линия фронта после июльских боев.

5 августа, когда 8-я армия вела бои на правобережном плацдарме Северного Донца, войска Брянского фронта освободили Орел, а войска Степного фронта освободили город Белгород.

Впервые в истории Великой Отечественной войны столица

нашей Родины — Москва салютовала нашим войскам, отмечая начало победоносного наступления Красной Армии. Отныне уже ни разу и ни на одном участке фронта вплоть до своего конца гитлеровские войска не смогли ни подготовить, ни развернуть стратегического наступления. Все их контратаки и контрудары носили лишь местный характер.

И 5, и 6, и 7 августа войска 8-й гвардейской армии вели изнурительные бои, не ослабляя давления на позиции противника, не давая ему передышки и возможности снять с этого участка фронта хотя бы одно соединение для переброски под Белгород и Харьков.

10 августа армия приступила к сдаче позиций 6-й и 12-й армиям, 12 августа мы ушли в районы расположения второго эшелона фронта, на северный берег реки Северный Донец.

Р. Я. Малиновский поставил меня в известность, что фронт готовится к новому наступлению, уже с плацдарма на правом берегу Северного Донца. Удар на этот раз наносился силами 6-й и 12-й армий, на том же участке фронта, где наступала 8-я гвардейская армия. В 6-й и 12-й армиях силы сосредоточились внушительные.

Сосредоточивалось на участке прорыва до 120 артиллерийских стволов на один километр фронта.

Сроки подготовки наступления были сжатыми.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский разрешил мне присутствовать при организации наступления и взаимодействия 6-й и 12-й армий. Я имел возможность как бы со стороны наблюдать за всеми этапами наступления этих армий.

Мне интересно было посмотреть развивающееся наступление и для приобретения личного опыта. Во втором эшелоне 6-й и 12-й армий стояли: 1-й гвардейский механизированный корпус, имевший в своем составе 165 танков (в ходе подготовки к наступлению его состав доводился до 200 танков); 23-й танковый корпус в составе 220 танков и 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала В. К. Баранова. Все эти силы предстояло ввести, как только наметился бы успех двух армий. 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса планировалось бросить в прорыв в первый же день наступления, как только войска 6-й и 12-й армий достигли бы линии Викино — Долгенькое — Краснополье.

Спору нет, операция была спланирована грамотно. Танковый, механизированный и кавалерийский корпуса, развивая наступление, имели все возможности создать для противника критическую ситуацию и совместно с войсками Южного фронта

окружить и уничтожить части 1-й танковой и 6-й полевой армии противника в Донбассе.

Очевидец событий, выступающий в мемуарном жанре, использует боевые и оперативные документы, как канву, заполняя ее фактами, которые остались у него в памяти. Иной раз эти факты не зафиксированы в документах. И это понятно. Не всегда и не все документы исполнялись так, как они были написаны. Что-то не успевали сделать, где-то в дороге задерживались те или иные части, что-то в документе было написано на основе неточной информации, какое-то указание просто-напросто не могло быть выполнено. Историку труднее. Ему приходится иметь дело с документами, и он не вправе от них отступить.

По документам — по директивам Ставки, по переписке со Ставкой командования Юго-Западного фронта, по письмам в Ставку Василевского — никак нельзя полностью установить, что же мешало успешному наступлению.

Документы говорят также о том, что страна в 1943 году, благодаря героическому труду советских рабочих, обеспечила фронт в достаточной степени боевой техникой всех видов.

Наша военная промышленность в 1943 году выпустила около 35 тысяч самолетов, около 24 тысяч танков и самоходных орудий, в том числе 16,5 тысячи тяжелых и средних, около 130 тысяч орудий всех калибров и видов. В 1943 году производство боеприпасов возросло на 25,5 процента по сравнению с 1942 годом, К концу сорок третьего года выпуск боеприпасов превзошел на 18 процентов их расход на фронте.

Но так все это выглядит при изучении документации историками. А на практике получалось и по-иному. Учитывая первоочередность и особую важность снабжения Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов, Ставка направляла вооружение прежде всего туда и в достатке, иначе решающая битва сорок третьего года не была бы выиграна.

Но что это такое в смысле доставки? Это не десятки, это сотни тысяч тонн грузов, которые надо было пропустить по разрушенным железнодорожным путям, по наведенным наспех мостам и переправам, мобилизуя потрепанный вагонный парк, проталкивая грузы на железнодорожных путях сквозь заторы на путях, загруженных сверх всякой меры и никак не приспособленных для такого масштаба переброски. Не сомневаюсь, что если бы наши тылы справились со снабжением Юго-Западного фронта, мы не испытывали бы нужду в боеприпасах. Но они физически справиться с такой задачей не могли. Грузы к нам начинали свое движение по тем же путям, по которым шел подвоз к Центральному, Степному и Воронежскому

фронтам.

Итак, на одном километре фронта сосредоточено до 120 орудийных стволов. Эта цифра фигурирует в документах Ставки Верховного Главнокомандования… Мне помнится другая цифра: 130–140 артиллерийских стволов на один километр фронта прорыва. С таким количеством стволов можно было бы превратить в прах вражеские укрепления, если бы мы имели достаточное количество боеприпасов.

…Для наблюдения я избрал командно-наблюдательный пункт 1-го гвардейского механизированного корпуса, который располагался юго-западнее села Студенок на высоте с отметкой 215,6. С этой высотки отлично просматривалась вся полоса, где велось наступление.

Наступление 6-й и 12-й армий началось 17 августа на рассвете. Первые залпы артиллерии были действительно мощными. Такой насыщенности нашего огня мне до той поры видеть еще не приходилось. Над траншеями противника земля встала дыбом. Не успевал осыпаться один фонтан земли, как рядом вздымался другой. Расположение артиллерийских батарей противника было разведано, разведаны были и огневые точки.

Но кто мог гарантировать, что в канун наступления противник не переменил позиций? Мы к нему готовились, но готовился к нему и противник.

Однако я уже на слух уловил, что после первых и насыщенных залпов огонь наших орудий поредел. Вступал в силу закон экономии боеприпасов.

Со мной на командно-наблюдательном пункте находились генералы Н. М. Пожарский, С. С. Гурьев и Я. С. Фоканов. Мы фактически расположились в центре наступления 6-й армии генерала И. Т. Шлемина.

Я не устаю повторять мудрейшее изречение Александра Васильевича Суворова, классика русского военного искусства: «Удивить — значит победить». Внезапность — это главное при такого рода сражениях. Перед моими глазами разыгрывалось трагическое подтверждение этого тезиса.

Войска встали и сделали рывок к позициям противника. Еще рокотала наша артиллерия, рвались снаряды во второй линии обороны, а по нашим войскам из надежных укрытий враг открыл уничтожающий пулеметный и орудийный огонь. Наша артиллерия не подавила его огневых средств.

Трудно было достигнуть внезапности при весьма широких возможностях современной разведки. Все же в нашем распоряжении оставались для этого некоторые средства: а) выбор места удара, где противник не ожидал активных действий. Этому

могли бы способствовать отвлекающие действия на других участках фронта; б) тщательно организованная разведка обязательно на широком фронте, чтобы сама разведка не давала противнику возможности определить район, который нас особенно интересует; в) скрытая подготовка и сосредоточение сил и средств для наступления дисциплиной марша, особенно ночью, наступлением с ходу и т. п.; во время перехода в наступление, чтобы противник был ошеломлен ударом и не мог произвести контрподготовку и помешать плановому развитию наступления.

Были ли соблюдены условия для внезапности при наступлении 17 августа 6-й и 12-й армии? Нет. Это наступление велось с захваченного плацдарма, противник не мог не ожидать развития событий с вводом свежих сил, так как удар через Барвенково на юг для него был смертельно опасен.

Подход к Северному Донцу 6-й и 12-й армий был несомненно обнаружен противником, а их переправа через реку Северный Донец и замена войск 8-й гвардейской армии указывали приблизительно и время наступления. Определение часа атаки при таких условиях существенной роли не играет. Здесь противника во многом выручал установившийся шаблон — начало артиллерийской подготовки.

Мне тяжело вспоминать картину боя. К середине дня наступление 6-й армии уже захлебнулось. Ценой тяжких потерь нашим войскам удалось продвинуться за восемь часов боя лишь на один — два километра.

На второй день наступающие цепи топтались на месте. Атака в лоб без каких-либо попыток сманеврировать, изменить направление удара была безуспешной.

В документе, отправленном А. М. Василевским в Ставку, высказывалось, что 8-я гвардейская армия должна была использоваться в августовском наступлении лишь с целью развития операции. Операция никакого развития не получила. Но уже 18 августа командующий фронтом приказал мне вводить армию в стык 6-й и 12-й армий.

Я был против ввода армии еще не подготовленной к наступлению после тяжких боев, ввода на том же направлении, в тех местах, где захлебнулись уже два наших наступления. Армии требовался отдых.

Александр Михайлович Василевский не мог не заметить моих сомнений. Он всячески пытался их развеять, как представитель Ставки Верховного Главнокомандования. Он доверительно мне говорил, что обстановка на севере от нас в зоне действий Воронежского и Степного фронтов, наше наступление на Харьков требуют от нас, чтобы мы, не теряя времени, применили все силы

для того, чтобы оттянуть хотя бы несколько дивизий из-под Харькова, а если и не оттянуть, то хотя бы не дать возможности Манштейну снять с нашего участка фронта какие-либо свои части.

— Если, — говорил он, — вы притянете на себя одну-две танковые дивизии немцев, — это будет лучшим вкладом в разгром врага на юге.

Я теперь уже отказался от рассеивающих ударов по всей полосе фронта 8-й армии, считая, что важнее сосредоточить удар на узком участке, прошить немецкую оборону километров на 8–10 в глубину и создать предпосылку для ввода механизированного корпуса. В прорыв, если бы он нам удался, планировалось ввести 1-й гвардейский механизированный корпус Руссиянова, который стоял наготове уже более месяца.

Итак, чем мы могли располагать?

Количество артиллерийских стволов на участке прорыва было достаточным. Для артподготовки недоставало снарядов. Так что «бог войны» и на этот раз не мог полностью поддержать «царицу полей» — пехоту. Однако в тесном взаимодействии пехоты, артиллерии, авиации своевременный ввод механизированного корпуса мог восполнить многое из того, что нам недоставало.

Я сообщил Р. Я. Малиновскому свои соображения. Он утвердил мои распоряжения. Просил его дать твердое указание Руссиянову быть готовым к вводу корпуса в прорыв.

Итак, 29-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу — одним броском овладеть населенными пунктами Сулиговка и Долгенькое, а 28-й гвардейский стрелковый корпус — овладеть лесистым районом южнее Долгенькое.

По достижении этих рубежей было намечено ввести в бой 1-й гвардейский механизированный корпус.

Р. Я. Малиновский приехал в штаб армии. Он решил присутствовать на моем командно-наблюдательном пункте.

В ночь с 21 на 22 августа перед наступлением мы с ним проехали по всему расположению армии, посетив каждую дивизию. Все готовились к бою. В частях проводились партийные собрания. Многие воины вступили в эту ночь в партию. На партийных собраниях в повестке дня стояли задачи наступления. Говорилось о том, что гвардии топтаться на месте не положено, что пора нам ответить делом на высокую честь называться гвардейцами.

— С такими людьми, — говорил мне Родион Яковлевич, — и не опрокинуть врага?

Я понимал его настроение.

Мы побывали на исходных позициях, откуда должно было

начаться завтрашнее наступление. Ветром наносило на позиции смрад от разлагающихся трупов — немцы не убирали своих убитых.

Наблюдательный пункт мы выбрали на высоте с курганом с отметкой 217,4 севернее Голой Долины, на северо-западной окраине большого лесного массива.

Заночевать пришлось в лесу.

Бессонная ночь. Хочется еще и еще раз проверить, все ли готово.

Серьезно пришлось поработать командующему артиллерией армии генералу Н. П. Пожарскому. Он, как всегда, проявил находчивость, выдумку в распределении боеприпасов, сумел спланировать минометный огонь на три рубежа огневого вала на глубину до 600 метров. Но снарядов, в особенности калибра 122, едва хватало на артиллерийскую подготовку. Еще раз проверили взаимодействие с авиацией. Командующий воздушной армией В. А. Судец находился с нами на наблюдательном пункте. Сюда же были подтянуты и его средства связи.

А как же с внезапностью?

Противоречивая эта штука, внезапность. И плацдарм обстрелянный, и наступление на нем за наступлением, и все ж я старался, чтобы армия занимала свои исходные позиции скрытно. На что расчет? Расчет лишь на то, что немецкое командование, отбивая атаки 6-й и 12-й армий, сочтет, что еще одну армию на этом плацдарме мы в сражение не введем. Расчет, конечно, не ахти какой, но все же некоторые надежды он нам подавал.

И самое интересное. Удар наш оказался для противника все же внезапным. Это позже подтвердили пленные немецкие офицеры, это подтвердили успехи наступления.

Рассвет… Артиллерия заговорила. В. А. Судец направил свои штурмующие звенья на позиции противника. Было слышно, как он переговаривался с ведущими эскадрилий, нацеливая их удары на обнаружившие себя цели в момент артиллерийской подготовки.

Вот огневой вал отодвинулся в глубину. Командиры полков и батальонов подняли солдат. Цепь за цепью уходила за артиллерийским валом в атаку. Пошли дружно. Уже гремел в первых траншеях противника огневой бой, рвались ручные гранаты, доносились до нас автоматные очереди. Прошло полчаса. Цепи ушли вперед. Только слышно, как разгорается бой во второй, а затем и в третьей траншее. Бьют прямой наводкой танки и самоходные орудия поддержки пехоты.

Вот уже поступают на командный пункт донесения, что гвардейцы завязали бои за село Долгенькое и Мазановка.

Успех! Успех впервые за месяц кровопролитных боев. Малиновский снимает трубку полевого телефона и дает команду И. Н. Руссиянову вводить 1-й мехкорпус в бой без паузы в общем направлении южнее Долгенькое и Долгий Яр, Барвенково, придерживаясь грунтовых дорог. Тут же он соединяется с командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенантом Волохом и приказывает ему проконтролировать ввод корпуса Руссиянова.

Вот-вот из леса, что виден, нам с нашей высотки, покажутся танковые колонны мехкорпуса и бой оживет, удар наш обретет мощь и силу.

Идут ожесточенные бои в Долгеньком, враг выбит из Мазановки. Ворота для ввода мехкорпуса открыты. Но танки не появляются. Малиновский опять вызывает по телефону Руссиянова. Связь работает. Руссиянов отвечает, что сейчас, через несколько минут, пойдут в бой танки. Малиновский кладет трубку, я вопросительно смотрю на него.

— Сейчас! — повторяет он слова Руссиянова. — Сейчас! Что ты на меня смотришь? — вдруг кричит он. — Я что, не понимаю, что дорога каждая секунда?!

Я действительно на него смотрю, субординация не позволяет мне сказать, что кипит в душе. Вчера же все проверяли вместе. Побывали во всех дивизиях 8-й армии, в мехкорпус не поехали. Там давно все готово…

Танков нет и нет!

Малиновский пытается соединиться с генерал-лейтенантом Волохом. Волох не берет трубки. Комфронтом отвечают, что генерал Волох у танкистов в лесу.

— Он с ними! — с надеждой восклицает Малиновский. — Он с ними, он сам вводит корпус в бой!

Руссиянов опять уверяет, что танки скоро двинутся в бой.

Я опять выразительно смотрю на командующего фронтом.

— Что смотришь? Что смотришь? — кричит он. — Иди и сам вводи! Заснули они, что ли?

Я не стал ждать повторения и помчался в лес на исходный рубеж ввода мехкорпуса. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант Волох был убит осколками от шального снаряда. Руссиянов прямо мне заявил, что мехкорпус к вводу в бой не подготовлен, что он еще только сосредоточивается на исходных позициях. Естественно, что через голову командира корпуса я действовать не мог. На моих глазах танки только выходили на исходные рубежи. Все, что я мог сказать Руссиянову о необходимости ввода в бой корпуса, было сказано.

Мне казалось, он не поверил, что мы прорвали оборону противника, что нами подготовлен ввод корпуса.

А время шло, противник подбросил новые резервы, он оголял соседние участки фронта, пытаясь закрыть образовавшийся прорыв до десяти километров в глубину и восьми километров по фронту. Его дальнобойная тяжелая артиллерия систематически обстреливала дороги, идущие с тыла к фронту.

Я доложил Малиновскому, что время для ввода корпуса в бой упущено… Противник, вероятно, подготовился к встрече наших вторых эшелонов. В воздухе к тому же появились вражеские бомбардировщики, вызванные, видимо, с дальних аэродромов для удара по танковым частям, появление которых предусмотрел противник.

8-я гвардейская армия была вынуждена менять огневые позиции артиллерии, подтянуть ее ближе к наступающим войскам.

Командующий фронтом весь день провел на армейском наблюдательном пункте. Уезжая вечером в штаб фронта, он приказал мне и соседним 6-й и 12-й армиям с утра 23 августа продолжать наступление с прежней задачей. Он также подтвердил задачу и генералу Руссиянову вступить в бой на следующее утро.

На следующий день утром армия после короткой артиллерийской подготовки снова пошла в атаку, очистила полностью село Долгенькое и вышла на западную опушку леса, что южнее Долгенького. По приказу командующего фронтом корпус Руссиянова в густых боевых порядках пошел в атаку. Танки перевалили высоту с отметкой 242,9, что южнее села Долгенькое, и тут же попали под огонь танков противника, закопанных в земле и хорошо замаскированных в кустарнике. Огонь противника велся прямой наводкой. Запылали наши танки.

Здесь впервые я увидел, как противник применил против наших танков противотанковые торпеды, которые запускались из окопов и управлялись по проводам. От удара торпеды танк разрывался на огромные куски металла, которые разлетались на 10–20 метров. Тяжело было нам смотреть на гибель танков, пока наша артиллерия не нанесла сильный огневой удар по танкам и окопам противника.

Все было ясно. Противник за ночь подтянул к опасному участку свои резервы. Мы опять натолкнулись на возросшее сопротивление. Прорыв к Барвенкову враг закрывал трупами, бросая в бой все силы, которые были в Донбассе, ибо взятие Барвенкова означало бы для него в сложившейся обстановке катастрофу.

Наши войска, действующие правее Юго-Западного фронта, подходили к Харькову, а левее успешно развивали наступление войска Южного фронта. Войска 5-й ударной армии под командованием генерала Берзарина протаранили оборону противника на участке Куйбышево — Дмитриевка, продвинулись вперед, за ними устремились части 4-го гвардейского механизированного корпуса. Противник не знал, откуда брать резервы, как латать дыры.

«22 августа, — пишет Манштейн в своих мемуарах, — был явно днем кризиса. В Донбассе противник вновь атаковал нас. Хотя 6-я армия и смогла сдержать опасный прорыв противника, но ей не хватало сил вновь восстановить положение. На участке 1-й танковой армии новое крупное наступление противника было остановлено, но ее силы иссякли».

23 августа город Харьков был освобожден войсками Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Взаимодействие фронтов — сложная вещь, и не всегда она приметна для широкого обозрения.

Несомненно, наше наступление, хотя оно и не нашло развития в глубину, сковало значительные силы противника и дало возможность достичь успеха войскам Степного и Воронежского фронтов. Могло случиться и иначе. Не перебросив дивизии из-под Харькова, противник мог приостановить наступление наших войск. Но тогда войска Юго-Западного фронта сражались бы с противником, лишенным резервов, тогда наши старания на Барвенковском направлении увенчались бы успехом и разгром немецких войск начался бы под Барвенковым, с выходом на Харьков и южнее в направлении на Запорожье.

В основном задачи Ставки на Северном Донце были решены. Мы лишили противника маневра, сковали его силы, притянули часть их на себя.

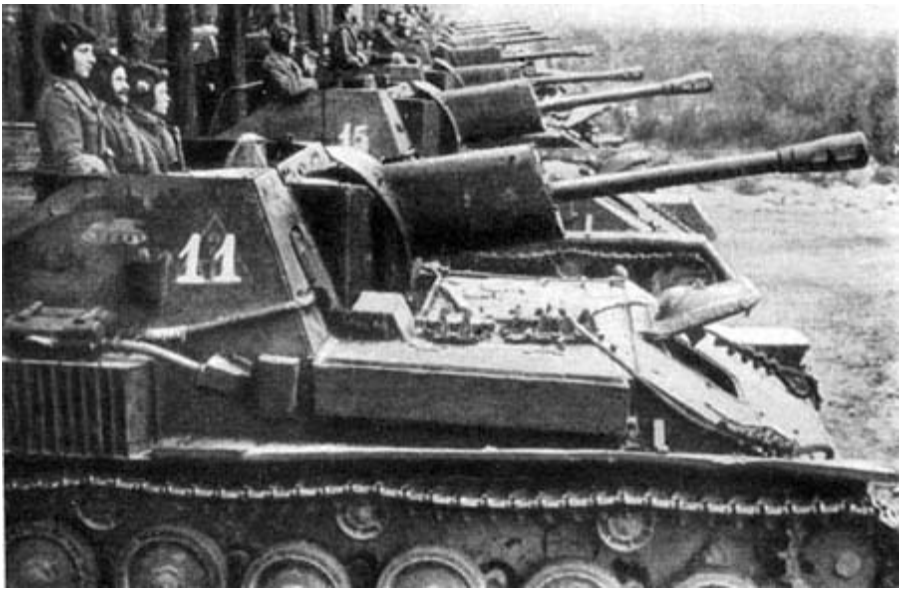
В августовских боях были созданы предпосылки не только для полного освобождения Донбасса, но и для дальнейшего освобождения всего юга страны.

Командующий группой армий «Юг» Манштейн срочно вылетел в Винницу, в бункер Гитлера. Он пишет: «Совещание в ставке Гитлера состоялось 27 августа. Я поставил перед Гитлером ясную альтернативу: или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также заменить наши ослабленные части частями с других, спокойных участков фронта, или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы…»

Выделить 12 свежих дивизий для группы армий «Юг» Гитлер в то время уже был лишен возможности…

Памятник Артему. Отсюда началась битва за Донбасс.

В стане врага. Разведчики старший лейтенант К. Ахметов и старшина В. Романенко. А кто же третий?



Тыл — фронту. Новая техника.

Еще одно украинское село приходится брать с боя.

Готовят понтонную переправу через Северный Донец

…Снятся ему родные поля.

Эти люди ошибаются один раз в жизни.

…А это обезвреженные ими мины.

Жители освобожденного Барвенкова дружно взялись за восстановление железнодорожной станции. Комсомольская бригада П. А. Тиханова за работой.

Повар готовит — солдат ждет.

Командующий артиллерией 8-й гвардейской армии генерал-майор Н. М. Пожарский вручает правительственные награды отличившимся в бою.

В освобожденном селе сын встретился с родителями. Отец — Григорий Никитович Табуренко, мать — Татьяна Павловна, сын — старший лейтенант Петр Григорьевич.

Голая Долина — мертвая долина.

Уличные бои в Запорожье.

Танки ведут пехоту.

Командование 8-й гвардейской армии на рекогносцировке.

Переправа в районе Кривого Рога.

Незабудкино и дальше…

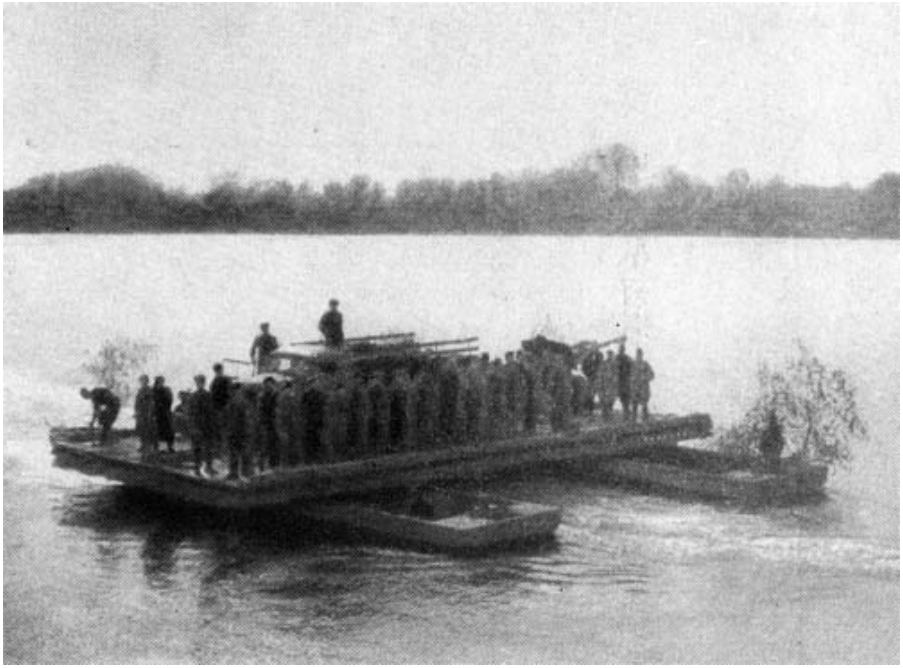
Свежая армейская газета «На защиту Родины».

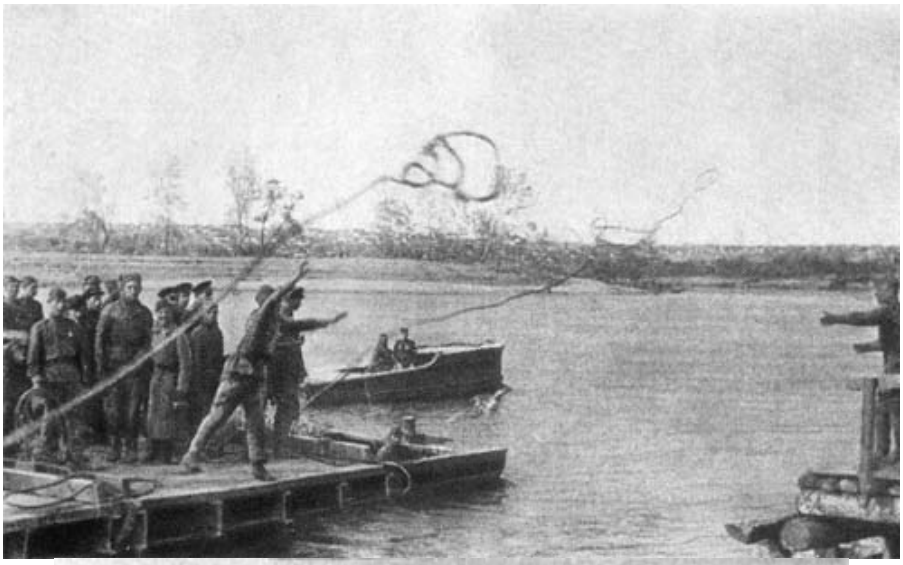
Нежные руки…

Минометный расчет ведет огонь.

Связисты…

Трудный перевал.





Лиманы…

Снайпер Виктор Иванович Медведев. Уничтожил сотни гитлеровцев. Войну закончил Героем Советского Союза.

Командир танкового экипажа старший лейтенант Михалев прикрепляет на свой танк плакат: «Рубаю за себя и за семь шахтеров-фронтовиков». Это слова из выступления забойщицы шахты имени Феликса Кона Татьяны Тарасюк на первом слете горнячек.

Местные жители помогали разобраться в дорогах.

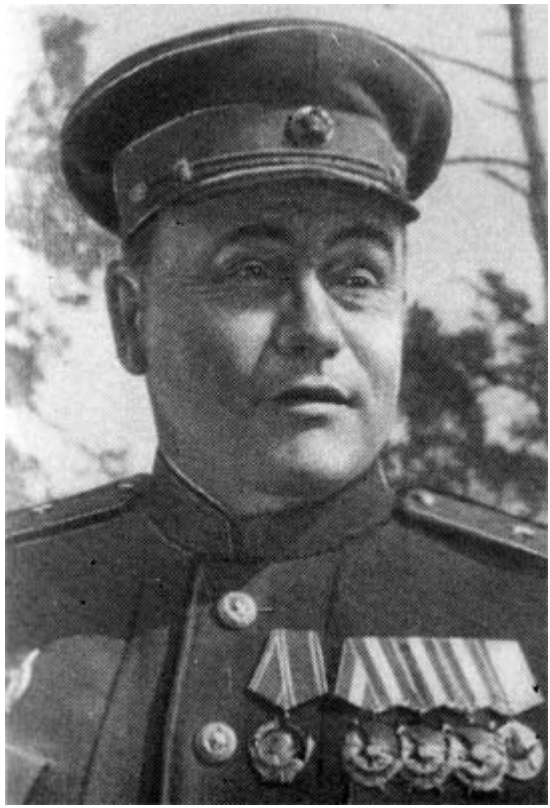
В освобожденном украинском селе.

Красный флаг на оперном театре в Одессе.

У могилы героев…

Салют освободителям Одессы.

Командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Василий Афанасьевич Глазунов.



Командир 57-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор А. Д. Шеменков.

Командир 79-й гвардейской стрелковой дивизии Николай Филиппович Батюк.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

В подразделении…

Оперативная пауза…

Политбеседа…

На отдыхе…

Маршал авиации В. А. Судец.

В. М. Шугаев — командир 47-й стрелковой дивизии.

Начальник инженерных войск Владимир Матвеевич Ткаченко.

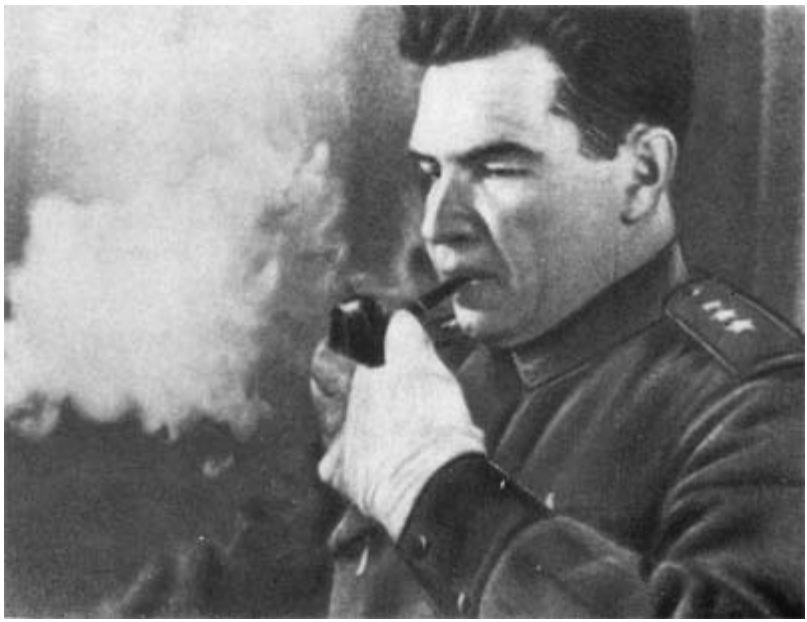
Командир 220-го гвардейского полка Михаил Степанович Шейкин.

Герой Советского Союза снайпер Василий Григорьевич Зайцев.

За форсирование Днепра гвардии капитану В. А. Беляеву, (справа) и гвардии сержанту В. Т. Сенюшкову присвоено звание Героя Советского Союза.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками 8-й гвардейской армии М. Г. Вайнруб.

Командир дивизии Вагин Леонид Иванович.



Командующий 8-й гвардейской армией Василий

Иванович Чуйков.

Запорожская операция

1

Выход войск Юго-Западного и Южного фронтов на рубеж Барвенково, Красноармейское, Волноваха предопределил судьбу гитлеровских войск в Донбассе. Наступательные операции Степного, Воронежского и Центрального фронтов лишали гитлеровское командование возможности оборонять Левобережную Украину.

15 сентября после длительных и бесплодных поисков выхода из надвигающейся катастрофы, Манштейн отдал приказ об отводе основных сил армий «Юг» за Днепр, а на южном участке — за реку Молочную.

Днепр подготовлялся как непреодолимый водный рубеж, как рубеж для создания оперативной паузы, во время которой немецкое командование рассчитывало перемолоть наступающие советские войска, а затем, в случае благоприятной для них обстановки на западе, вновь захватить стратегическую инициативу.

Линия по Днепру получила у немцев название «Восточный вал».

В какой-то мере фактическое положение вещей в этом названии отражалось. Днепр был удобен для создания прочной линии обороны.

«Фронтовик мечтал, — пишет бывший командир 47-го танкового корпуса генерал Форманн, — о защите и безопасности за Днепром. Единственный смысл во всех тяжелых боях, которые велись за последние месяцы, он видел в том, чтобы переправиться через реку и там, наконец, найти покой». Другой немецкий генерал Кнобельсдорф рассказывает: «При отступлении среди солдат распространились нелепейшие слухи о новых позициях, оборудованных специальными командами по строительству укреплений, созданных фюрером. Солдаты говорили о неприступных дотах и в глубине души возлагали величайшие надежды на эту новую линию».

Так оно и было. Все это нам подтверждали в те дни пленные немецкие солдаты и офицеры. Наша разведка пыталась проникнуть и в психологию противника. Нам, например, было важно знать, на что же надеются рядовые немецкой армии и ее средний офицерский состав после поражений под Сталинградом, Курском и Харьковом, на Миусе, на Северном Донце, в Донбассе?

Разное приходилось слышать. Находились такие, что сразу же объявляли, что Гитлеру больше не верят, что «Гитлеру капут». Нельзя сказать, чтобы они радовались, попадая в плен. Плен — это всегда и прежде всего неизвестность. Немецкая пропаганда немало поработала над тем, чтобы запугать немецкого солдата советским пленом. И все же уже после битвы за Донбасс шли в плен как бы с облегчением.

Но встречались среди немецких солдат еще и такие, что верили в Гитлера, верили в чудо, в какую-то спланированную заранее возможность фюрера изменить состоявшийся после Сталинграда перелом в войне. «Восточный вал» — вот первое, что называли немецкие офицеры и солдаты, как реальную свою надежду остановить наступление Красной Армии. Рассказывалось даже о каких-то сверхсекретных сооружениях, непреодолимых ни для человека, ни для танка, ни для артиллерии.

Между тем, ведя арьергардные бои, немецкие войска отходили за Днепр и реку Молочная.

Войска Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов вышли к Днепру почти на всем протяжении его среднего течения от Лоева и до Запорожья. С ходу, без оперативной паузы, началось форсирование «Восточного вала» для создания плацдармов на правом берегу Днепра.

К Днепропетровску и Запорожью подошли войска Юго-Западного фронта, к Мелитополю подходили войска Южного фронта.

25 сентября перед командующими Центральным, Воронежским, Степным и Юго-Западным фронтами была поставлена задача: с выходом армий к реке Днепр немедленно форсировать его на широком фронте с целью рассредоточить внимание и силы противника.

От Лоева и до Запорожья четыре фронта могли, безусловно, так нацелить удары, чтобы противник не смог определить направление главного удара, не смог сосредоточить, пользуясь даже маневренностью своих войск, оборонительный кулак для отражения удара.

Силы четырех фронтов действовали в полосе огромной протяженности. Противник не оборонялся, а отходил, вернее, отступал на широком фронте, его оборона была прорвана, и он еще не успел перегруппироваться и занять новый рубеж обороны. Автором серийности ударов на широкой протяженности фронта при прорыве укрепленной полосы, как известно, был русский генерал А. А. Брусилов. Будучи командующим Юго-Западным фронтом на русско-австро-германском фронте, он атаковал противника одновременно во многих местах вместо

предусматриваемого тогдашней тактикой удара всеми силами на одном участке.

Форсирование Днепра с ходу началось, как и рекомендовало наше советское военное искусство.

Перед Юго-Западным фронтом стояла несколько иная задача.

Отступая на правый берег Днепра, отводя свои войска за «Восточный вал», немецкое командование оставило на некоторых участках сильно укрепленные плацдармы на левом берегу Днепра как опорные пункты для возможного контрнаступления, а также как оборонительные рубежи, укрепрайоны, в которых, по их планам, могли быть перемолоты силы наших армий. Плацдарм, оставленный на левом берегу, прижатый к берегу реки, был для немецкого командования и некоторой гарантией стойкости войск.

Одним из таких плацдармов на левом берегу, причем наиболее мощным, был город Запорожье. Он прикрывал и удерживал важный промышленный центр, был началом «Восточного вала» на левом берегу Днепра.

Поэтому наша Ставка, определяя задачу войскам Центрального, Воронежского, Степного фронтов, перед Юго-Западным фронтом ставила особую задачу: не позднее 3 октября полностью очистить от противника занимаемый им Запорожский плацдарм и выйти на этом участке к реке Днепр.

В развитие этого последовало тут же и указание командующим Центральным, Воронежским, Степным и Юго-Западным фронтами, а также представителям Ставки Жукову и Василевскому, предписывающее в ближайшее же время ликвидировать все плацдармы, находящиеся в руках противника на левом берегу реки Днепр.

В боях за Донбасс войска 8-й гвардейской армии к 15 сентября вышли на рубеж Надеждино, Близнецы, Коростовня, Оданецкий — все западнее Барвенкова. Справа развивала наступление на ст. Лозовая 6-я армия генерала И. Т. Шлемина; левее — 12-я и 3-я гвардейская армии в общем направлении на Запорожье.

16 сентября штаб армии получил приказ командующего Юго-Западным фронтом, выводивший 8-ю гвардейскую армию в резерв Верховного Главнокомандования. Все средства усиления, приданные армии, передавались 12-й армии. Армия вышла в резерв.

Родион Яковлевич Малиновский объяснил мне, что 8-ю гвардейскую по приказу Ставки собираются перебросить на центральное направление. Г. К. Жуков настаивал на передаче 8-й армии в состав Степного фронта для поддержки крупных операций И. С. Конева. Однако Р. Я. Малиновский не хотел

лишаться 8-й гвардейской армии и настоятельно просил Ставку оставить ее в составе войск Юго-Западного фронта. Он доказывал Ставке, что без 8-й гвардейской армии он лишится возможности овладеть Запорожским плацдармом.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов вошли в соприкосновение с противником, занявшим оборону по «Восточному валу», и остановились на рубеже: Днепропетровск, Запорожье, Мелитополь и далее на юг по реке Молочная, упираясь своим левым флангом в Азовское море. Треугольник Запорожье — Херсон — устье реки Молочная, заранее укрепленный противником, обеспечивал командованию единый фронт и связь с Крымским полуостровом, прикрывал железнорудный и марганцевый бассейны, которые играли важную роль в промышленности Германии. Лишившись донецкого угля, Гитлер всеми силами пытался удержать в своих руках металлургическую базу на юге Украины. Крымский полуостров считался также надежным и широким плацдармом как для действий флота, так и для сосредоточения на его плато военных аэродромов. Падение Крымской крепости, освобождение Крыма советскими войсками имело, кроме того, и политическое значение: это в сильнейшей степени ослабляло гитлеровскую коалицию на юге.

Итак, отведя свои войска на Днепр и реку Молочная, гитлеровское командование сильно сократило фронт, получив возможность на меньшем участке фронта гуще сосредоточить силы для обороны. Перед советскими войсками стояла очень важная и очень серьезная задача — не дать противнику спокойно отойти на Днепр, не дать возможности закрепиться на новой линии фронта.

8-я гвардейская армия была из резерва возвращена в состав Юго-Западного фронта, при этом, как мне говорил Р. Я. Малиновский, ему была поставлена задача в наикратчайший срок овладеть Запорожским плацдармом.

23 сентября штаб армии уже получил директиву командующего фронтом Р. Я. Малиновского сосредоточить армию в стыке 12-й и 3-й гвардейской армий, подготовленных к наступлению на Запорожский плацдарм. 8-я гвардейская армия сосредоточивалась в районе Максимовка, Червоноармейское, Миролюбовка, Новониколаевка — в двадцати-сорока километрах от Запорожья.

Сосредоточение 8-й гвардейской армии заканчивалось к 28 сентября. Мы должны были сменить часть войск 3-й гвардейской армии и 12-й армии на участке фронта по линии: Вишневка, Вольнянка, Беккеровка, Ново-Степнянский.

Недолго находилась армия в резерве, только 7 суток, но все же за это время пополнилась людьми и несколько отдохнула. Военный совет армии с генералами и офицерами управления армии, с командирами корпусов и дивизий выехали вперед на рекогносцировку участка наступления.

28 сентября мы весь день провели на передовой, пытаясь с высоток разглядеть позиции противника, изучить подходы к ним, районы развертывания артиллерии и других боевых средств, выбирали места для наблюдательных пунктов, намечали систему связи и управления войсками. Рекогносцировка, опрос командиров и штабов передовых частей 3-й гвардейской и 12-й армий, и особенно артиллеристов, дали возможность более или менее полно выявить силы и средства противника, обороняющего Запорожье. В штабе 17-й воздушной армии мы получили данные о резервах противника и фотосхемы укреплений на плацдарме.

Перед нами располагалась серьезная оборонительная линия. Создавалась она заранее и тщательно. Обратимся хотя бы к свидетельству Манштейна. Вот что он пишет: «Группа армий при приближении к Днепру в начале 1943 года по собственной инициативе приступила к укреплению плацдармов у Запорожья, Днепропетровска, Кременчуга и Киева, чтобы, по крайней мере, лишить противника возможности перерезать наши тыловые коммуникации у имевшихся там важных переправ через Днепр».

Мне здесь, как человеку военному, пришлось снова встретить нарушения не только обычных норм международного права, но и норм человечности гитлеровским высшим командованием. Манштейн в своем труде «Утерянные победы» называет это тактикой «выжженной земли». Он пишет: «В зоне 20–30 километров перед Днепром было разрушено, уничтожено или вывезено в тыл все, что могло помочь противнику немедленно продолжать свое наступление на широком фронте по ту сторону реки, то есть все, что могло явиться для него при сосредоточении сил перед нашими днепровскими позициями укрытием или местом расквартирования, и все, что могло облегчить ему снабжение, в особенности продовольственное снабжение войск».

Чувствуя, что надо как-то смягчить эти строчки, Манштейн далее пишет: «О разграблении этих областей, естественно, не могло быть и речи, так как это мероприятие, однако, проводилось группой армий только в отношении военных машин, цветных металлов, зерна, технических культур, а также лошадей и скота».

Ну и последнее свидетельство гитлеровского генерала: «… главное командование германской армии приказало переправить через Днепр и местное население…»

Итак, Манштейн даже не оправдывается. Он «ничтоже

сумняшеся» вводит в арсенал тактических средств «выжженную землю», уничтожение человеческого жилья и угон мирного населения.

Стоял конец сентября. Перепадали дожди. Степь перед нами, когда мы с высоток рассматривали позиции противника, лежала черной обуглившейся равниной. Даже листва на садовых деревьях вся сгорела. Ни одного дома не осталось, ни одного деревянного строения. Оберегались от огня только подвалы. Но и те были добавочно укреплены настилом в несколько рядов бревен или бетонными плитами. Тысячи голов скота, расстрелянных немцами, лежали на полях и вдоль дорог, издавая зловоние.

Население было вывезено, а тех, кто не в силах был расстаться с родными местами, расстреливали во рвах…

Однако визуальных наблюдений и сообщений авиаразведки для того, чтобы оценить, что такое Запорожский плацдарм, было недостаточно. Штаб фронта и штаб армии получили в свое распоряжение и более широкие разведданные, которые собирались при помощи украинских подпольщиков и партизан.

Перед началом наступления мы имели довольно точную картину укреплений на плацдарме.

Итак, что же противостояло нам, если посмотреть на Запорожский плацдарм с точки зрения его инженерной подготовки?

Почти за год немецкое командование создало внешний обвод, состоящий из ряда опорных пунктов, прикрытых непрерывной линией противотанковых и противопехотных препятствий, промежуточные опорные пункты между внешними и внутренними обводами.

Для характеристики этого плацдарма я более подробно остановлюсь на внешнем обводе.

Передний край внешнего обвода проходил по южным скатам балки Вольная, Криничный, ст. Янцево, вост. окр. Дружелюбовский, Ивано-Ганновка, зап. Ново-Степнянский, Ново-Еленовка.

На всем протяжении передний край внешнего обвода был прикрыт противотанковым рвом трапецеидального сечения.

Глубина и ширина противотанковых рвов треугольного сечения от 3,5 до 5–6 м. При глубине 5–6 м некоторые участки рва были примерно на метр заполнены водой.

Рвы трапецеидального сечения имели ширину по верху 5–7 метров, по низу — до 4 метров, в глубину — 3–4 метра.

Таким образом, рвы являлись не только противотанковыми, но и серьезными противопехотными препятствиями.

На большом протяжении они располагались в складках

местности. На открытых участках брустверы рва в целях маскировки засевались просом, ячменем.

На танкоопасных направлениях противотанковые рвы были усилены минными полями. Мины располагались в шахматном порядке в четыре ряда.

Система фортификационного оборудования внешнего обвода строилась с расчетом на длительное сопротивление. Укрытия для личного состава были возведены из прочных материалов, прикрыты настилами, защищающими от огня орудий средних калибров и от прямого попадания мелких авиабомб. Огневые средства размещались таким образом, что можно было вести косоприцельный огонь вдоль фасов рва, почти вплотную к его крутости. Усиленные огневые точки, дзоты, бронеколпаки требовали применения сильнейших средств разрушения.

На Запорожский плацдарм противник срочно стягивал соединения с различных участков фронта. Наша разведка установила, что 27 сентября лишь в первой линии обороны Круглик — колхоз Дмитриевка немецкое командование сосредоточило три пехотные дивизии.

125-я дивизия была переброшена с Таманского полуострова. Ее численный состав достигал 7 тысяч человек.

304-я дивизия вела арьергардные бои, отходя под нашим давлением от Лисичанска. Она имела около половины положенного по штату состава.

123-ю дивизию немецкое командование перебросило из 17-й армии. Общий состав всех трех дивизий составлял 25 тысяч человек.

Сопротивление в глубине обороны немецкое командование основывало на наличии крупных подвижных резервов, а именно: на 40-й танковый корпус в составе двух танковых, одной моторизованной и одной кавалерийской дивизии СС.

Этот корпус был сосредоточен для вывода его в резерв группы армий «Юг», но в связи с нашим наступлением был задержан на этом плацдарме.

Нам предстояло сменить на исходных рубежах для наступления на Запорожский плацдарм части 3-й гвардейской и 12-й армий. 29-му гвардейскому стрелковому корпусу предписывалось занять исходные позиции на участке Скелеватый, Любимовка, Вольнянка. 28-й гвардейский стрелковый корпус сосредоточивался на участке Труженик, Шпаковский, Захаровский, Ново-Степнянскин. Смену частей было намечено закончить к 6 часам утра 29 сентября.

Во время смены войск противник на участке Янцево — силою до 300 человек, Ивановский — свыше роты пехоты, при

поддержке артиллерийского и минометного огня атаковал сменяющиеся части. Атаки были отбиты.

Авиация противника вела разведку над расположением частей и тылами армии.

Штаб армии разработал план операции, он обсуждался на Военном совете армии, 28 сентября я утвердил его.

29 сентября этот план утвердил Военный совет фронта.

Решение было объявлено командирам корпусов во время рекогносцировки 28 сентября 1943 года.

В соответствии с решением командарма, штабы корпусов и дивизий приступили к разработке плановых таблиц боя, отрабатывали вопросы взаимодействия и управления боем, особенно тщательно во взводах, батальонах, полках.

На подготовку всей наступательной операции отводилось всего лишь двое суток. За это время надо было многое успеть. Ускоренно подвозились к передовой боеприпасы, штабные офицеры изучали местность, артиллеристы выявляли цели, на переднем крае и в глубине обороны организовали сеть наблюдательных пунктов, непосредственно в боевых порядках пехоты.

Должен отметить четкую работу штаба армии под руководством генерал-майора В. Я. Владимирова, который показал себя в подготовке Запорожской операции не только блестящим оператором, но и незаурядным организатором. Надежным ему помощником был и начальник оперативного отдела полковник Камынин.

Наступило 29 сентября.

Соединения армии весь день занимались подготовкой к наступательным боям. Подготовка охватывала все звенья армейской цепи. Были созданы подробные макеты укреплений противника. Обсуждалось, как организовать прорыв, как организовать взаимодействие всех родов войск, когда должна подниматься пехота в атаку, как ее будет поддерживать артиллерия.

Противник с утра начал контратаки позиций 33-го стрелкового корпуса. Контратаки велись силами до четырех батальонов пехоты при поддержке танковых групп, наполовину укомплектованных «тиграми». Перед каждой атакой противник совершал артиллерийско-минометный налет. Трудно было объяснить, какую цель преследовал противник своими контратаками. Можно только предположить, что он проводил разведку боем наших сил, изготовившихся к наступлению.

Как-либо повлиять на наше наступление эти контратаки не могли.

30 сентября противник активности не проявлял. Контратак по всей полосе расположения 8-й гвардейской армии не предпринимал.

1 октября на рассвете заговорила наша артиллерия.

Участок прорыва был определен в 25 километров. Первый артиллерийский удар был спланирован мощно и концентрированно.

Ударили реактивные минометы. Затем прокатилась по всей линии прорыва, как эхо, канонада всех видов орудий.

Сначала огонь был обрушен на первую линию траншей и на зафиксированные огневые точки. Подавлялась артиллерия, поставленная противником для стрельбы прямой наводкой по нашим танкам. Затем последовал внезапный перенос огня на вторую линию траншей.

Пехота наша должна была произвести обманный маневр. Короткий бросок вперед от исходных позиций до противотанкового рва, тут же залечь и окопаться. Противник, полагая, что пехота поднялась под защитой огневого вала в атаку, вышел из глубоких блиндажей в траншеи и открыл огонь. Артиллерия немедленно перенесла удар опять на первые линии траншей.

С нашего наблюдательного пункта было видно, как вздымаются вместе с землей брустверы и перекрытия от укреплений противника, как взрывы выбрасывают вместе с землей бронированные колпаки при удачном попадании гаубичных снарядов. В клочки разрывало немецких солдат.

Огонь опять переносится в глубину обороны. Наша пехота совершает еще короткий бросок через противотанковый ров. Противник открывает огонь, наша артиллерия возвращается к первому ряду траншей. И так несколько раз на протяжении почти часовой артподготовки. Боеприпасы надо экономить. Ничего не поделаешь…

Наш удар не был неожиданным для гитлеровцев. Они готовились его принять. И все же в первую половину дня наши части имели некоторый успех.

Прежде всего удалось переправиться через противотанковый ров. А это был своего рода водный рубеж, настолько он был глубоким и широким; в нем на метр стояла вода. Перебравшись через ров, наша пехота штурмовала первые траншеи, возникали рукопашные бои. Противник был выбит из первого ряда траншей. Под прикрытием танков наши части ворвались в опорные пункты гитлеровцев — населенные пункты Васильевский, Ново-Украинка, с ходу овладели станцией Янцево, Дружелюбовским, Ново-Степнянским, Ново-Мокрянским.

К полудню стал сказываться недостаток в боеприпасах. Противник ввел в действие из глубины плацдарма резервы; к двум часам дня начал переходить в контратаки, поддержанные танками «тигр». 88-миллиметровые пушки немецких танков превосходили вооружение наших средних танков.

Несколько раз нашим войскам пришлось отходить чуть ли не до исходных позиций, цепляясь за противотанковый ров. К концу дня мы опять отбили у противника Васильевский и Дружелюбовский и там закрепились.

Бой затих к вечеру. Итоги дня были малоутешительны. Оборону мы не прорвали, задача сбросить противника с плацдарма оставалась столь же далекой, как и перед началом наступления.

Воины нашей армии показали и мастерство, и мужество в бою, но недостаток боеприпасов не позволил артиллеристам поддержать в нужной степени пехоту и танки. С нашего наблюдательного пункта были хорошо видны дуэли артиллеристов с тяжелыми танками контратакующего противника.

Наши артиллеристы после того, как пехотой был преодолен противотанковый ров, установили в нем орудия для стрельбы прямой наводкой и отлично их замаскировали. Как только танки противника продвигались ко рву, они открывали огонь и поджигали немецкие тяжелые танки.

2 октября наступление началось в 8 часов утра после короткого огневого налета на позиции противника. Противник опять встретил нас огнем с места. Удалось его потеснить, отбить некоторые опорные пункты, но к 12 часам дня наступление захлебнулось.

Около двух часов дня мы с наблюдательного пункта заметили в глубине обороны противника на горизонте движущиеся точки, они надвигались на наши боевые порядки. Это оказались танки 40-го танкового корпуса. Немецкое командование бросило их против нас, чтобы отбить наступление на плацдарм. Они двигались на фронте протяженностью в 6 километров в две линии. За танками шла немецкая пехота. Командующий артиллерией Николай Митрофанович Пожарский вовремя принял меры. Я слышал по рации его команды артиллерийским частям. Он сосредоточивал против контратакующих танков противника артиллерийские средства всей армии. Удар всей артиллерии армии оказался чувствительным для немецких танков, они отошли. Но приходили с каждой минутой все более и более тревожные донесения. Повсеместно во всех артиллерийских частях не хватало боеприпасов, замолкали одна за другой

батареи.

Дальнейшее наступление для нас становилось бессмыслицей. На фронте соседних армий успеха также не было. В 19 часов 20 минут командующий фронтом отдал приказ о прекращении наступления, и я получил приказ войскам 8-й гвардейской армии о переходе к жесткой обороне.

Командирам корпусов было приказано, не изменяя группировки артиллерии, прочно закрепиться на занимаемых рубежах. Оборону создавать обязательно эшелонированную в глубину, иметь в каждом корпусе в резерве дивизию, а в каждой дивизии обязательно один резервный полк.

В ночь на 3 октября Малиновский приказал: «8-й гвардейской армии продолжать вести разведку, пополнять дивизии и накапливать боеприпасы для продолжения наступательных операций по особому приказу, ориентировочно через 5–6 дней».

2

Запорожская операция имела свои сложности. Должен отметить, что историки, рассказывая о ней, излишне упрощают события. В частности, я считал бы нужным указать на некоторые неточности в 3-м томе «Истории Великой Отечественной войны». Там говорится: «Штурм запорожского плацдарма все три армии начали утром 10 октября».

Далее в книге говорится: «В 7 часов 50 минут после сорокаминутной артиллерийской подготовки войска перешли в атаку. Но еще в ходе артиллерийской подготовки саперы перебросили через противотанковые рвы в разных мёстах штурмовые мостики и лестницы. Одновременно были сделаны проходы для артиллерии, сопровождающей пехоту. Стрелковые подразделения, используя мостики и лестницы, а также „живые лестницы“ (солдаты становились на плечи один другому и со дна рва добирались до его бруствера), быстро преодолели противотанковый ров по всему фронту атаки. Чтобы облегчить движение танков через ров, саперы, следуя непосредственно в боевых порядках пехоты, взрывами обрушивали его стенки. Пропустив таким образом танки, они быстро разравнивали землю в образовавшихся проходах для движения артиллерии и автомашин с боеприпасами»[16].

Рассказывая о штурме плацдарма, начатом 1 октября, я опустил эти подробности, чтобы представить их в изложении историков. А как участник событий и очевидец, обязан внести поправку. Противотанковый ров противника был преодолен

пехотой, саперами, танками и артиллерией 1 октября. С 3 октября по 10 октября эти позиции удерживались войсками 8-й гвардейской армии, новый штурм плацдарма начался в 7 часов 50 минут 10 октября, но с исходных позиций уже за противотанковым рвом, что значительно облегчало действия наших войск. Но опять при недостаточности обеспечения боеприпасами для артиллерии. Штурм города Запорожья начался в ночь с 13 на 14 октября.

Не следует при этом забывать и еще об одной стороне наступления 1 октября. Оно косвенно помогло нашим войскам на других фронтах. Обратимся к свидетельству Манштейна. Он пишет: «Хотя группе армий „Юг“ и удалось к 30 сентября отвести свои силы в описанной тяжелой обстановке за Днепр, она не смогла предотвратить того, чтобы противник захватил два плацдарма на южном берегу реки Днепр. Ему удалось вклиниться в стык между 8-й армией и 1-й танковой армией на середине участка между Днепропетровском и Кременчугом. Войска, расположенные (отошедшие за Днепр) на южном берегу, были слишком слабы и не сумели помешать переправе. Для того же, чтобы контрударом отбросить противника на противоположный берег, не хватало 40-го танкового корпуса, о выделении которого в качестве подвижного резерва южнее Днепра в свое время был отдан приказ командующего группой армий. 40-й танковый корпус находился на Запорожском плацдарме».

В танковой атаке, которую нам пришлось наблюдать 2 октября, и шли тяжелые танки 40-го танкового корпуса.

Далее Манштейн поясняет: «…После того, как в начале октября удалось отразить сильные атаки противника на Запорожский плацдарм (правда, той ценой, что 40-й танковый корпус не смог быть своевременно высвобожден для ликвидации плацдарма противника между Днепропетровском и Кременчугом), противник возобновил свое наступление, подтянув новые силы… Предпринятая под давлением Гитлера попытка удержать Запорожский плацдарм обошлась нам, во всяком случае, очень дорого…»

Итак, ясно, что для активной обороны Днепра в распоряжении немецкого командования должен был находиться в качестве подвижного резерва 40-й танковый корпус, состоящий из 3–4 танковых и моторизованных дивизий. Этот корпус, по замыслу Манштейна, должен был выступать главной контратакующей силой, с которой должны были взаимодействовать остальные силы армий при контрударе по плацдармам, занятым нашими войсками. Его в первую очередь предполагалось направить против плацдарма между Кременчугом

и Днепропетровском, который был захвачен войсками Степного фронта под командованием И. С. Конева.

Наше наступление 1 октября на Запорожский плацдарм заставило Манштейна ввести этот корпус в бой против войск Юго-Западного фронта, нести потери и, главное, потерять время, которое было выгодно использовано войсками Воронежского и Степного фронтов.

Конечно, было бы лучше, если бы Юго-Западный фронт и, в частности, 8-я гвардейская армия 1 и 2 октября сумела бы не только сорвать план командующего группой армий «Юг», но и выйти на реку Днепр. Но для выполнения этой задачи у нас не хватало боеприпасов. Будь они у нас в достатке, нас не остановили бы ни долговременные укрепления противника, которые он готовил с начала 1943 года, ни контрудары 40-го танкового корпуса, который, действуя на плацдарме по внутренним операционным линиям, мог наносить нам только лобовые контратаки.

3 октября наступательные бои 8-й гвардейской армии на Запорожском плацдарме были приостановлены. Войска армии перешли к подготовке нового наступления.

С 4 октября и вплоть до наступления 10 октября велась усиленная разведка огневых позиций противника, отрабатывались приемы штурмового боя. Задачи на наступление доводились не только до командиров корпусов и дивизий, но и до полка, батальона, до роты и отделения. Формировались по примеру сталинградских штурмовые группы для боев на улицах города.

Исходя из новой обстановки, штаб армии уточнял ход всей операции на глубину.

В результате этой подготовительной работы я получил возможность принять развернутое решение на проведение операции, исходя из задач, поставленных командованием фронта перед 8-й гвардейской армией, — нанести главный удар в стыке 3-й гвардейской и 12-ой армий.

Армия со средствами усиления нацеливалась на прорыв обороны противника на рубеже Скелеватый — Ново-Степнянский, на уничтожение группировки противника в районе Шелковый, Матвеевский, Могила Чумацкая, Степная, Три Могилы. Развивая удар в западном направлении, армия должна овладеть Вознесенкой, затем ворваться в Запорожье и специальными отрядами вторых эшелонов стрелковых дивизий подготовиться к форсированию Днепра.

Перед утверждением плана наступательной операции на Запорожье командующий фронтом генерал армии Малиновский

провел совещание в штабе 8-й гвардейской армии, на которое были приглашены: командующий 12-й армией генерал А. И. Данилов, командующий 3-й гвардейской армией генерал Д. Д. Лелюшенко, командующий 17-й воздушной армией генерал В. А. Судец.

На этом совещании было отработано взаимодействие между армиями, между родами войск, участвующими в наступлении. Было решено еще раз, что главный удар наносит 8-я гвардейская армия, которой придавались большие средства усиления. За правым флангом армии был поставлен 1-й гвардейский механизированный корпус Руссиянова, а за левым флангом—23-й танковый корпус Пушкина. Оба в готовности развить наступление 8-й гвардейской армии.

В ночь с 5 на 6 октября была проведена перегруппировка артиллерии и танков на направлении главного удара. Части армии проводили ночные учения.

6 октября производилась рекогносцировка. Штабы корпусов отрабатывали оперативную, разведывательную и тыловую документацию.

7–8 октября отрабатывались вопросы взаимодействия в звене: дивизия — полк — батальон.

Артиллерия производила пристрелку и разрушение обнаруженных целей. Продолжался подвоз и пополнение боеприпасов.

Наступила ночь с 9 на 10 октября…

К наступлению, к утренней атаке на рассвете все было готово. Все было уточнено по всем звеньям армии. И солдаты, и офицеры, и генералы — все имели возможность перед боем отдохнуть, привести себя в порядок. Пищевое довольствие на вечерний ужин было выделено по усиленной норме. Оставалось время и поспать, набраться сил не только для завтрашнего боя, но, может быть, и для боя на несколько суток. Поспать ли? Перед атакой, в предчувствии ожесточенного боя не спится ни солдату, ни генералу. Это как перед прыжком в неизвестность, хотя, казалось бы, все привычно, не один бой уже за плечами солдата и генерала. Есть что вспомнить.

Ночь. Ни одного костра, ни одного огонька, даже вспышки спички и огнива не заметишь. Тишина передовой! Это особенная тишина. То там, то здесь ударит орудие, свое или противника. Взлетают над позициями немцев осветительные ракеты.

О подготовке нашего наступления они знают, готовятся к нему. Единственно, что им неизвестно — это когда? Сегодня, завтра, на рассвете или под вечер, или среди дня? Знают и нервничают. Самолеты сбрасывают на парашютах осветительные

бомбы. Ждут…

И все же это тишина. Прекратилось всякое движение. Войска уже на исходных, умолкли разговоры, а если где и собрались солдаты пошутить или поговорить по душам перед боем, то разговор идет вполголоса, шепотом, словно все затаилось.

Я иду по траншеям, где солдаты изготовились к утреннему броску в атаку.

Вот, прикрывшись плащ-палаткой, низко надвинув каску, полулежит автоматчик. Рядовой стрелок. Немолодой человек, видимо из последних внеочередных призывов. Сразу и не угадаешь: спит он или застыл в полудреме? Я остановился, солдат встал. В темноте он не видит моих знаков различия, но угадывает, что перед ним генерал.

Мы поздоровались, я представился. Солдат вытянулся, но я взял его за руку, снимая официальность встречи. Присели рядом. Прикрывая огонек спички ладонями, закурили, пряча папиросы в рукава.

— Завтра, товарищ командующий? — спрашивает солдат.

Я догадываюсь, о чем он спрашивает: завтра ли наступление, не отложено ли оно по каким-либо соображениям?

— Завтра, солдат? А может быть, отложить? Все ли готово, на твой солдатский взгляд?

Солдат минуту думает. Не из торопливых. Отвечает так же, не торопясь, раздумчиво роняя слова:

— По-солдатски, по-нашему, товарищ командующий, мы давно готовы! Как там фронты да армии — это нам не видно… Наша готовность, товарищ командующий — это бить и как можно скорее. Самое страшное не бой, страшно ожидание, и нет ничего хуже для солдата, когда откладывают назначенное наступление…

— Как же так? — задаю я вопрос, словно бы удивившись. — День прошел, атаки нет, вот тебе еще один день жизни…

— Но она будет! Обязательно будет, зачем же ждать? Тут собрался с силами, тут весь как струна натянут, а глянь, и отложено… Опять собирайся сначала. А убить? Убить и в атаке и в обороне могут… В обороне еще даже способнее и глупее… Летит снаряд, он не выбирает. А в атаке, в атаке, товарищ командующий, нужно и самому кое о чем подумать. Вовремя подняться, вовремя лечь, чувствовать бой надо!

— Стало быть, завтра это не первая твоя атака, солдат?

Солдат тяжело вздохнул.

— Не первая, товарищ командующий, но всегда идешь как в первый раз! Началось-то все у меня с Купоросной балки. Отдельная бригада морских пехотинцев… Может быть, припомните, товарищ командующий?

Купоросную балку в Сталинграде нельзя было забыть. И морские пехотинцы там себя показали. Знал я, что немногие из них уцелели.

— Так с той поры и в строю? — спросил я осторожно.

— В Сталинграде после Купоросной в госпитале отлеживался…

— На том берегу?

— На тот берег переправить не успели. В подвале наш госпиталь размещался… В Голой Долине царапнуло. Но я и из строя не выходил. Ни к чему было.

— Ну, а завтра, что думаешь о завтрашнем дне?

— Будет бой, товарищ командующий, расторопны будем, останемся живы. Кто напугается — тому из боя не выйти. Пугаться нам — долгая ночь впереди, а как пойдешь — там уже пугаться некогда…

В траншеях мало кто спал…

Осенние ночи на Украине темны и глухи, звезды блестят, как омытые дождем.

Иду по траншеям. То там, то здесь слышится слабое позвякивание оружия…

3

Командно-наблюдательный пункт 8-й гвардейской армии фактически был превращен в командный пункт фронта. Ночью к нам приехал Родион Яковлевич Малиновский. Он беспокоился, прекрасно понимая, какие трудности ожидают нас в боях за плацдарм, хотел сам, своими глазами видеть, как пойдет атака.

К нашему КП протянулись провода не только армейской, но и фронтовой связи. У нас работал и командующий 17-й воздушной армией В. А. Судец. Прямая связь поддерживалась и с командиром 23-го танкового корпуса генералом Е. Г. Пушкиным и командиром 1-го гвардейского корпуса генералом И. Н. Руссияновым.

С трудом занимался поздний осенний рассвет. В лощинах еще плавал редкий туман, когда заалело на востоке небо. В 7 часов 10 минут ударили гвардейские минометы.

Цели были отлично разведаны.

Мы могли видеть с наблюдательного пункта, как заполыхало поле, накрытое этими залпами. Огонь, дым, клубы пыли, далекий раскат разрывов. Тут же заговорила и тяжелая артиллерия. Голосов не слышно, в наушниках рации сплошной треск. Генерал Судец знаками призывал нас посмотреть на небо.

Одновременно с артиллерийским огнем вышли на обработку обороны противника штурмовики и бомбардировщики.

Пожарский вдохновенно дирижировал своим жутким оркестром. Вот он перекинул огонь в глубину вражеских позиций. Огонь рассредоточился по заранее спланированным целям. Тяжелая артиллерия подавляла артиллерийские позиции противника. Вновь зарокотали гвардейские минометы. Это удар после короткой паузы опять по первой линии траншей противника, по огневым точкам, по позициям, где укрывалась сейчас немецкая пехота. Вслед за залпом «катюш» огонь всей армейской артиллерии переносится на первые траншеи. Короткий налет, и артиллерия вновь бьет по артиллерийским позициям. А в этом перерыве штурмовая авиация утюжит линии окопов и артиллерийские позиции.

Сорок минут огня! Тонны стали на позиции противника. Все глохнет. И еще гремят залпы, еще не спал черный дым, а наша пехота поднимается в атаку.

Не везде одинаково благоприятны исходные позиции. Кое-где пришлось разместить солдат сзади противотанкового рва. Во рву хранились машины, мешки с балластом. В иных местах по сравненным откосам рва пехота сразу вырвалась на нейтральную полосу. За ней в боевых порядках шла и артиллерия.

Последний залп гвардейских минометов. Первый рывок пехоты наши артиллеристы сумели надежно прикрыть.

Медленными, очень медленными на таком дальнем расстоянии кажутся перебежки пехоты, хотя люди бегут как только позволяют силы. Бегут, уменьшаются на глазах фигурки. Вот они исчезают.

— Залегли? — встревоженно спрашивает Родион Яковлевич.

Начальник оперативного отдела штаба армии полковник Камынин неотрывно смотрит в бинокль. Докладывает:

— Нет! Не залегли! Они в первых траншеях…

Что там в первых траншеях? Рукопашная схватка? Если уже дошли до первых траншей, то зацепятся. Иного быть не может. В рукопашной схватке гвардейцы не знают себе равных. Мастерство, помноженное на вдохновение атаки.

Видно, как разворачиваются наши орудия. Прямой наводкой артиллеристы разрушают ожившие огневые точки противника. Из первых траншей гвардейцы делают рывок в глубину обороны.

Главное сейчас опорные пункты и высотки. Местность трудная для атаки и штурма. Равнину испятнали старинные могильные курганы. Каждый такой курган — позиция для обороны. Каждый курган оборудован для обороны, как НП или дзот. Косоприцельный огонь заставляет залечь нашу пехоту. В

дело вступают наши танки. Они почти в упор расстреливают зарывшегося в землю врага. Бьют из пушек, из пулеметов. Еще перебежка, еще…

Поступают первые донесения с поля боя. Везде, по всей линии наступления гвардейцы потеснили противника, захватили первые траншеи, завязали бои за опорные пункты в глубине обороны.

Время летит неощутимо. Кажется, что прошли минуты, а уже минул час ожесточенной атаки и стремительной, и вместе с тем протекающей в непрерывных схватках с противником.

Прикрывшись опорными пунктами, противник переходит в контратаки. Но нам известна эта тактика. Кое-что мы подготовили и со своей стороны. Командиры соединений и частей были строго проинструктированы: не залегать, а принимать контратаку атакой. В создавшейся обстановке это в общем-то единственный выход. Противник выходит на встречный бой, инициатива и превосходство в силах, у нас. Думается мне, что было бы хуже, если бы противник залег и огрызался бы из тщательно защищенных укрытий. У нас недостало бы боеприпасов выковыривать каждого пулеметчика и автоматчика из укрытий, не хватило бы боеприпасов подавить закопанные в землю танки. Противник сам себя раскрывает, сам и идет под огонь. Эта тактика эффективна. В открытом поле перемалывается живая сила противника, горит его техника.

Противник бросает в бой крупные танковые группы в сопровождении самоходных орудий. Наши танки огнем с места из-за укрытий почти в упор расстреливают немецкие.

Однако трудно приходилось нашим танкистам в единоборстве с «тиграми» и «фердинандами».

Лобовая броня «тигра» и «фердинанда» недоступна для 76-миллиметрового орудия. А его 88-миллиметровая пушка имеет большую начальную скорость полета снаряда, стало быть высокую его пробойность. «Тигра» надо бить в борт и по ходовой части. Это артиллеристы хорошо усвоили, но усвоил это и немецкий танкист, не подставляет борт.

Гвардейцы привыкли к танкам. Что это значит — «привыкнуть к танкам»?

Прежде всего они не боятся танка, знают, что вблизи он теряет свою огневую мощь. Пропускают его сквозь свои боевые порядки. Огонь обрушивают на пехоту, следующую под прикрытием танков, а по танкам бьют огнеметами, из противотанковых ружей, забрасывают их гранатами и бутылками с горючей смесью.

К середине дня начала проясняться картина.

29-й гвардейский стрелковый корпус наступал силами 82-й и 27-й гвардейских стрелковых дивизий с 5-м танковым полком на правом фланге армии. Он имел задачу прорвать оборону противника на рубеже: Вишневка, северо-восточная окраина Ново-Украинка. После первого рывка продвижение остановилось. Части корпуса были встречены интенсивным ружейно-пулеметным огнем со стороны Криничного, с окружающих высоток, из опорных пунктов в Ново-Украинке и в балках. Пехота залегла.

28-й гвардейский стрелковый корпус, действовавший на направлении главного удара, имел задачу прорвать оборону противника в общем направлении на город Запорожье. Он действовал вдоль железной дороги через станцию Янцево.

88-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с 31-й танковой бригадой атаковала противника на рубеже Никифоровский, Дружелюбовский. Сломив сопротивление немецких гарнизонов, к 8.30 овладела полностью этими населенными пунктами и, продолжая продвижение, полностью очистила от противника станцию Янцево и прилегающий к ней поселок.

39-я гвардейская стрелковая дивизия, действуя параллельно 88-й дивизии, тоже продвинулась вперед, имея поддержку 141-го танкового полка.

79-я гвардейская стрелковая дивизия совместно с 212-м танковым полком стремительным броском овладела передовыми траншеями противника и его опорным пунктом на высоте с отметкой 110,5.

Общее продвижение корпуса составляло по всей линии местами до трех километров. Но важно, что противник все же был сбит со своих позиций. Образовалась тактическая вмятина.

33-й стрелковый корпус восточнее колхоза Дмитровка окружил и уничтожил небольшую группировку противника. Сначала корпус действовал силами одной дивизии, затем из второго эшелона командир корпуса ввел части 50-й стрелковой дивизии и несколько расширил прорыв.

К концу дня выяснилось, что за день боев было убито до двух с половиной тысяч немецких солдат и офицеров, взято в плен 69 солдат, уничтожено 19 орудий, 12 минометов, 47 пулеметов, 7 автомашин и бронемашин, взорвано 3 склада с боеприпасами. Эти потери немецкие войска понесли в основном во время контратак.

Из этих данных слагалась для нас тактика наступления на следующий день. Кое-что подсказали нам и действия немецких танковых группировок.

Каждое наше вклинение в немецкие боевые порядки или захват населенного пункта или высотки немедленно вызывали контратаки танков.

Мне и Малиновскому отлично были видны эти контратаки, особенно удары «тигров», которые, прошивая наши боевые порядки, прорывались вплоть до противотанкового рва внешнего обвода.

Во второй половине дня наша пехота применила несколько раз дымовые завесы во время танковых контратак. Это ослепляло танковые экипажи, наши истребители танков подползали к танкам на бросок гранаты, и неуязвимые «тигры» или получали тяжелое повреждение, или сгорали на месте.

Стало быть, появилась возможность обескровить 40-й танковый корпус противника, пользуясь дымовыми завесами и наступающей темнотой, возникла необходимость ночного боя, тем более что ночью могли эффективно действовать штурмовые группы истребителей танков. Немцы от передовых позиций танки не отводили, держали в боевых порядках своей пехоты, пряча их в заранее вырытых укрытиях. Ночью же на танкоопасных направлениях наши саперы имели возможность выставить и минные заграждения.

Бой 10 октября закончился поздно вечером. Я поставил задачи командирам корпусов наутро. Они во многом повторяли задачи на первый день наступления, а ночью приказал действовать штурмовым группам истребителей танков.

За день боев немецкие солдаты подтянулись к своим опорным пунктам, оставив траншеи, а местами были выбиты из траншей и укрылись в глубоких блиндажах и дзотах опорных пунктов.

Группы солдат по 3–5 человек во главе с офицером или сержантом, вооруженные связками противотанковых гранат и бутылками с горючей смесью, получили возможность проникать в боевые порядки противника.

Штурмовые группы рассеялись.

Солдаты подползали к укрытиям танков, брали на прицел танковые люки и забрасывали танк гранатами и бутылками.

Позиции противника тонут в ночной тьме. По полю стелется дым. Этот мрак не пробивают даже осветительные ракеты, которыми немцы себя успокаивали. И вдруг где-то там, за ничейной линией, в глубине вражеской обороны яркая вспышка, как взорвавшаяся звездочка. Одна вспышка, другая, третья… И опять все тонет во мраке. Иной раз вслед за этими звездными вспышками раздается взрыв, и к небу взмывают огненные языки. Это загорелся танк, взорвались его баки с горючим. Сразу же

оживает десяток огневых точек противника. Тьму прорезают трассирующие струи. Наши артиллеристы, конечно, засекают огневую точку. Если она пристреляна, раздается два или три орудийных залпа. Точка гаснет… Опять тьма. Тревожная фронтовая тишина, тишина передовой.

Вот вдруг в расположении противника открывается ураганный ружейно-пулеметный огонь. Что это? Враг засек продвижение нашей штурмовой группы или у него не выдержали нервы? А там наши солдаты, наши гвардейцы, бесстрашные сталинградцы, люди, которые, не колеблясь, вступают в поединок с бронированным чудовищем.

А вот полыхнуло в отдалении, почти у горизонта, пламя. Это еще один танк загорелся. Теперь немецкие пулеметы бьют по всей линии фронта, расчерчивают небо осветительные ракеты…

И так — до утра!

Утром 11 октября в 8.00 заговорила артиллерия всего фронта. Не долго мы могли вести на этот раз артподготовку. Боеприпасы! Опять боеприпасы!

20 минут артподготовки — и в 8.20 атака.

Из штаба 82-й дивизии сообщают, что вышли на рубеж Васильевка. Дальше продвинуться не могут из-за сильного огня противника. Приказываю закрепиться на достигнутом рубеже, больше людей в атаку не поднимать.

27-я гвардейская стрелковая дивизия натолкнулась на контратакующие танки противника. Солдаты залегли, пропуская их сквозь свои боевые порядки. Танки встречены 152-миллиметровыми орудиями, выдвинутыми на позиции для боя прямой наводкой. Контратака танков отбита, в контратаку пошла немецкая пехота. Продвижения вперед дивизия не имеет.

Части 28-го гвардейского стрелкового корпуса встретили с первой же минуты сильнейшее огневое сопротивление. Залегли. Продвижения не имеют.

Более радостные сведения поступают из 33-го стрелкового корпуса. Его 78-я дивизия потеснила противника, подошла к восточной окраине колхоза Дмитровка.

Даю приказ: истреблять танки любыми средствами! Сейчас это главное. Пехоту противника уничтожает огонь нашей артиллерии. Опасны танки в контратаке. Весь день войска в активной обороне. И вот поднимаются факелы горящих танков над полем боя. Только по приблизительным подсчетам горит около двадцати танков, а сколько их отбуксировано с повреждениями, мы сосчитать не можем. Немецкие танкисты уже не отрываются от своей пехоты, не прорываются сквозь наши боевые порядки…

В районе поселка Ивановка захвачен «тигр». Вместе с командующим бронетанковыми войсками армии полковником М. Р. Вайнрубом и командующим артиллерией генералом Н. М. Пожарским едем туда. Интересно, что это за немецкий зверь, «тигр»?

Башня этого танка была пробита попаданием 122-миллиметрового снаряда. Около танка десяток трупов немецких солдат, в танке четыре убитых танкиста.

Мощное сооружение. Отличная конструкция оптического прицела, сильная 88-миллиметровая пушка.

Я думаю, что танки «тигр» в летне-осенней кампании 1943 года были наиболее грозной машиной. Гитлер не зря делал в Курской битве ставку именно на эти танки. В танковых боях сорок третьего года они несомненно могли бы иметь успех. Но мы уже имели самоходные орудия 122-миллиметровые, которые пробивали броню «тигров».

По сталинградским традициям генерал Н. М. Пожарский и полковник М. Г. Вайнруб тут же на поле боя, у разбитых танков, обучали наших танкистов и артиллеристов, как бить «тигры», как свести на нет его боевые преимущества. Шел разбор, на какую дистанцию подпускать этот танк, где у него наиболее уязвимые места…

Закончился второй день наступления…

В течение этих двух суток командующий фронтом Р. Я. Малиновский и член Военного совета А. С. Желтов безотлучно находились на наблюдательных пунктах 8-й гвардейской армии, на направлении главного удара. От них мне было известно, как обстоят дела и у моих соседей — в 3-й гвардейской и 12-й армиях. Картина та же, что и у меня. Лишь 12-й армии удалось несколько потеснить противника. Но и там противник предпринимал одну контратаку за другой в основном силами 40-го танкового корпуса.

На третий день наступления задачи оставались прежними: прорвать оборону противника на ранее определившихся направлениях, вести истребительную борьбу станками.

В ночь, на 12 октября опять в расположение противника начали проникать истребительные штурмовые группы. Опять вспыхивали в ночи яркими факелами танки противника. Саперы устанавливали мины на танкоопасных направлениях, артиллеристы подтягивали орудия для стрельбы прямой наводкой по танкам.

12 октября в 8.00 началась артподготовка по зафиксированным за ночь целям. После получасовой артподготовки, в 8.30 пехота с поредевшими танками поддержки

опять пошла в атаку, буквально прогрызая оборону противника. Танковый корпус генерала Пушкина и механизированный корпус генерала Руссиянова в бой пока не вводились.

С утра противник отбивался мощным артиллерийским огнем, затем начал контратаки.

В полдень определилось, что контратаки противника выдыхаются.

Наметился еще незримый, но все же ощутимый для тех, кто следил за боем, перелом.

Надо сделать еще одно усилие, и противник должен быть сломлен.

Впереди нашего наблюдательного пункта, метрах в двухстах, тоже на кургане располагался наблюдательный пункт командира 27-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора В. С. Глебова.

Наши войска вели третий день напряженные бои, солдаты и офицеры устали, смертельно устали. Они могли не почувствовать, что противник колеблется, что его положение сделалось неустойчивым, и упустить момент для решающего рывка. Чтобы поднять части 27-й дивизии на этот рывок, я со своим адъютантом пошел на наблюдательный пункт Глебова. Поговорив с ним лично, а по телефону с командирами полков, поставив перед ними конкретную задачу исходя из сложившейся обстановки, я опять же с адъютантом той же дорогой пошел обратно. Вероятно, противник обнаружил какое-то движение на наших курганах, может быть, решил, что мы меняем командный пункт. Он открыл ураганный артиллерийский огонь по высоткам и по дороге между курганами. Мы с адъютантом оказались как раз на полпути между курганами и попали как бы в огненное кольцо. Снаряды рвались со всех сторон. И никакого укрытия. Лишь одинокий, чудом уцелевший телеграфный столб. Мы и упали возле этого столба, я с одной стороны, адъютант — с другой. Двинуться или шевельнуться было невозможно. И в общем-то бесполезно, огонь велся беспорядочно, и нельзя было угадать, куда упадет следующий снаряд. Мы лежали, прижавшись головами к столбу. Я видел открытый рот адъютанта, он что-то мне говорил, но расслышать его было невозможно из-за грохота рвущихся снарядов. Вдруг лицо адъютанта исказилось. Секундой позже я понял, что его задело осколком и он теряет сознание от боли.

Я вскочил, поднял на руки адъютанта и бросился бегом к кургану. Наверно, я в общем-то и не почувствовал тяжести ноши. Ждать в голову снаряда, никак не сопротивляясь судьбе, было не в моем характере.

Родион Яковлевич, наблюдавший за этой сценой из укрытия, встретил меня шуткой:

— Говорил я тебе, таскай всегда с собой канавку, тогда не попадешь в такую переделку…

И он, и генерал Желтов уехали с нашего наблюдательного пункта крайне расстроенные тем, что не удалось выполнить директиву Ставки и сбросить немцев с плацдарма. Срок взятия Запорожья, установленный на 15 октября, приближался, а мы по существу все еще топтались на месте.

Наступала третья ночь нашего наступления.

Мы задумались: что же делать? Продолжать действия штурмовых групп? Но противник уже разгадал нашу тактику. Несомненно, он ждет штурмовые группы. Он может отвести с ближних позиций свои танки, а штурмовые группы взять под прицел пулеметов. С другой стороны, именно ночью мы имели наибольший успех.

Ночное наступление силами всей армии? Люди измотаны, и такое наступление нужно готовить заблаговременно. Наш транспорт работает с перегрузкой на подвозе боеприпасов.

Однако ночью не нужно и, пожалуй, даже бессмысленно вести полную артподготовку. Достаточно нанести удар по заранее пристрелянным целям. Противник будет ожидать появления штурмовых групп, а мы на него навалимся всеми силами артиллерийского и пулеметно-ружейного огня.

После недолгих размышлений мы на Военном совете армии приняли решение вести ночной бой. Для подкрепления задействованных частей было решено ввести и 74-ю гвардейскую стрелковую дивизию, оставив в резерве лишь один полк. Командиру 29-го гвардейского стрелкового корпуса предписывалось ввести в бой два стрелковых полка 74-й гвардейской стрелковой дивизии и нанести решительный удар в направлении: Шелковый, Безымянный № 2, Ново-Украинка и к утру 13-го овладеть рубежом: Люцерновский, западная окраина фруктового сада, поселок Шелковый, Криничный.

Шелковый и Криничный доставляли нам в дневном бою наибольшие неприятности. Артиллерия никак не могла подавить эти опорные пункты огневыми налетами, наши части из Криничного подвергались жесточайшему ружейно-пулеметному огню. Если бы нашим войскам удалось выбить противника из Криничного, мы смогли бы сильно продвинуться на этом направлении.

Командиру 28-го гвардейского стрелкового корпуса была поставлена задача — овладеть к утру 13 октября рубежом, окаймленным рядом очень опасных высоток, в которых были

созданы опорные пункты. Это тоже открывало ворота в глубину обороны противника.

33-й стрелковый корпус нацеливался на Степное. Ночью ему предписывалось вести разведку боем.

Разведка дала нам сведения, что противник под покровом темноты начал отвод своих танков на вторые позиции, развертывая их в глубине обороны по Линий: Богатыревка, Скворцово, станция Мокрое, Степное. Удары штурмовых групп по танкам оказались впечатляющими для немецкого командования.

На первых позициях оставались лишь крепко побитые пехотные части и артиллерия.

Стало быть, ночной ближний бой мог нам как-то компенсировать недостаток в снарядах. Танки противника не могли вести ночью прицельного огня.

В 23.00 артиллерия армии произвела массированный, мощный артиллерийский налет по точно разведанным целям, который длился всего десять минут. В 23.10 пошли в атаку танки, прикрывая следовавшую за ними пехоту.

За ходом боя, естественно, наблюдать было невозможно. Управлять боем можно было только с помощью телефона и радиосвязи.

Через какой-то незначительный срок стали поступать донесения. По рации я прослушивал все переговоры между командирами корпусов, дивизий и полков. Становилось очевидным, что удар нанесен вовремя. Немецкое сопротивление, как и предполагалось еще днем, оказалось на исходе.

С правого фланга поступали сообщения о совершенно необычном продвижении для этих боев. Наши войска продвинулись сразу на значительную глубину.

Развивал наступление на главном направлении и 28-й гвардейский стрелковый корпус. Его части продвинулись на 5–6 километров и остановились, встретив сильное огневое сопротивление. Левому флангу, где действовал 33-й корпус, не ставилось задач на большое продвижение. Он должен был вести разведку боем. Но ведя разведку боем, левый фланг тоже продвинулся вперед до полутора километров. К утру определились новые рубежи, на которых закрепились наши части: Люцерна, Матвеевка (крупная железнодорожная станция в прямом направлении на Запорожье), Чумацкая, Крюков, Криничное и целая система опорных пунктов на высотках остались позади. Исходные для дневного наступления были на этот раз более благоприятны.

Наступил перелом, которого мы добивались в упорных боях начиная с 1 октября.

Рано утром 13 октября мне позвонил по телефону Р. Я. Малиновский. Я обстоятельно доложил о ночных действиях армии. Родион Яковлевич попросил меня никуда не отлучаться, предупредил, что немедленно выезжает ко мне на командный пункт. Он тут же соединился с командующим 17-й воздушной армией генералом В. А. Судец и поставил перед ним задачи, вытекающие из нашего ночного продвижения.

Я в свою очередь сообщил командующему фронтом, что после короткого отдыха войска армии часов в 8–9 утра вновь возобновят наступление ограниченными силами, чтобы не дать противнику произвести какие-либо маневры. Мое предложение тут же было утверждено.

Малиновский приехал в 10 часов. Мы встретились на высотке 137,6, южнее поселка Никифоровский. В это время уже по всему фронту шел бой. Я не ставил задач на глубокое продвижение частям. Ожидал контратак противника, в ходе которых представлялось возможным опять перемолоть его живую силу и технику. Противник контратаковал, но прежней напористости в его контратаках уже не было. Ни в одном пункте он не смог потеснить наши войска, хотя солдаты были утомлены ночным боем.

Сидеть на наблюдательном пункте и ждать донесений из штабов соединений и частей было нестерпимо. Мы все разъехались в разных направлениях по штабам и войскам, уточняли боевую обстановку, добивались активных действий. Часов около пяти вечера я вернулся на свой наблюдательный пункт. Мне доложили, что командующий фронтом приказал найти меня и пригласить в его землянку, только что оборудованную нашими саперами.

Я опустился на несколько ступенек вниз, вошел в землянку и с яркого света сразу ослеп. Натыкаюсь на чьи-то ноги. Слышу протестующий голос Малиновского. Я начал извиняться, но он перебил меня:

— Василий Иванович! А если наступать ночью? С темнотой! Ослепить как следует немцев и ударить? Что думаешь?

— Как наступать? — попытался я уточнить.

— Наступать всеми силами фронта! — ответил Малиновский.

Я поторопился поддержать эту идею и доложил:

— Лучшего ничего нельзя придумать!

Тут же, в землянке командующего фронтом, начали составлять план ночного штурма Запорожья.

Документально оформлять что-либо было некогда, в войска немедленно давали соответствующее распоряжение.

Первое, что было сделано, — это прекращено наступление.

Солдатам надо было дать хотя бы короткий отдых. Три или четыре часа перед ночным боем. Срочно был передан приказ артиллерии армии подтягивать боеприпасы, готовиться к ночному артналету. Штабы всех соединений были полностью переключены на разработку ночного штурма. Общие задачи давно уже были всем известны. Но они были отработаны для дневного боя. Ночной бой нес с собой свою специфику. Каждой наступающей части надо было придавать проводника из штабов, который хорошо знал местность и должен был уметь ориентироваться на ней в ночное время. Не везде и сразу нашлись такие офицеры. Нужно было выкроить время и на их подготовку. Какой-либо перегруппировки войск не предусматривалось.

Артиллерийский налет утвердили коротким, не более десяти минут. Огонь артиллерии ночью не мог быть прицельным и особенно эффективным. Удар по определившимся целям — и достаточно. Снаряды надо было беречь для огня прямой наводкой по укреплениям противника для боя наутро.

Особые задачи были возложены на 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковые корпуса.

Учитывая, что в предшествующих боях противник был сильно потрепан, что он начал отводить свои танковые части в глубину обороны, а возможно, готовил их и на эвакуацию с плацдарма, то есть намечался чистый прорыв обороны противника, удар танковым и механизированным корпусами получал законное право. Оба корпуса намечалось ввести в бой одновременно с продвижением стрелковых частей 8-й гвардейской армии на правом и левом флангах прорыва. Координация действий этих соединений и стрелковых частей армии была возложена на меня, как на командующего армией прорыва.

Задачи на ночной штурм 3-й гвардейской и 12-й армиям ставил командующий фронтом.

Что нас привлекало в плане ночного наступления, кроме обычных преимуществ, который давал ночной бой? Прежде всего, безусловная внезапность. Ночное наступление силами целого фронта — явление необычное. Крупные ночные сражения велись довольно часто в ходе Великой Отечественной войны, но силами трех армий, танкового и механизированного корпусов сражения не велись. Стало быть, немецкое командование не сразу, не в первый же момент удара догадается, что весь фронт перешел в наступление, поэтому не сможет должным образом сориентироваться, пропустит нужный момент для маневрирования резервами, и мы сможем осуществить решительный прорыв к городу.

План ночного наступления требовал быстрых и энергичных

действий от всех командиров и их штабов. На разработку плана для армии у нас ушло с генералом В. Я. Владимировым не более 40 минут. Члены Военного совета армии с офицерами штаба сейчас же отправились по корпусам и дивизиям, чтобы довести план ночного наступления до каждого командира. На мне еще лежала обязанность отработать взаимодействие 29-го гвардейского стрелкового корпуса с 1-м гвардейским мехкорпусом Руссиянова, а также взаимодействие 33-го стрелкового корпуса с 23-м танковым корпусом генерала Пушкина. На командные пункты стрелковых корпусов были приглашены генералы И. Н. Руссиянов и Е. Г. Пушкин. Сначала мы рассмотрели и отработали взаимодействие с генералами Я. С. Фокановым и И. Н. Руссияновым, затем я переехал на командный пункт к генералу А. И. Семенову. Там мы вместе с Е. Г. Пушкиным составили совместный план ночных действий.

К 20 часам вечера в основных чертах все было подготовлено для ночного наступления. Я вернулся на свой командный пункт в поселок Червоноармейское. Подписал самые необходимые распоряжения и сейчас же со своими непосредственными помощниками выехал в дивизии, чтобы оттуда руководить ночным боем. На командном пункте оставил начальника штаба армии генерала В. Я. Владимирова.

Близился час короткого ночного артналета на позиции противника. Мы разъезжали по позициям с командующим 17-й воздушной армии. В. А. Судец приехал к нам, к «наземникам» в гости, поскольку ночью авиация могла вести лишь ограниченные действия.

До войны Владимир Александрович командовал авиационным соединением на аэродроме Мокрое, совсем неподалеку от Запорожья. Уходя на фронт в 1941 году, он запер свою квартиру на ключ и с той поры ни разу там не бывал. Семьи его тогда в Запорожье не было. Он показал мне ключ, который с тех пор все время носил в кармане. Решил с первыми частями войти в бывший авиационный городок Мокрое, отпереть ключом свою квартиру и, как он выражался, «справить новоселье». На это «новоселье» он усиленно приглашал всех своих фронтовых товарищей. Мы охотно приняли его приглашение, хотя я, например, был уверен, что к своему ключу он не найдет ни замка, ни двери, ни квартиры…

Стояла лунная ночь. С минуту на минуту должен начаться артиллерийский налет. Мы уже побывали с Владимиром Александровичем в нескольких дивизиях. Заехали к командиру 27-й гвардейской стрелковой дивизии Глебову. Он… спал. Через несколько минут его части перейдут в наступление, а он спит!

Нам с Владимиром Александровичем стоило немалых усилий разбудить генерала. Четверо суток не спал человек. Владимир Александрович и его пригласил на «новоселье». Но и приглашение не оживило Глебова. Он отдал в полусне все необходимые распоряжения и, стоя, заснул. Случается и такое… Человеческие силы имеют свой предел.

В 21.50 минут небо сзади нас и спереди разверзлось. Всполыхнулось багровыми и оранжевыми отсветами — артиллерия фронта открыла огонь. Все слилось в один сплошной и безразрывный гул и грохот. Огненными струями пронеслись снаряды реактивных минометов. Через десять минут артналет прекратился. В глухой тишине, после артналета, было слышно, как урчат танковые моторы, скрежещут гусеницы. Танки на полной скорости, с зажженными фарами, неся на себе десантников, устремились на ослепленного врага.

И вот уже гремит русское «ура!» в глубине позиций противника.

Несколько минут — и наши танки исчезли из пределов видимости.

За танками спешили артиллеристы, их намного обогнали стрелки. Коротким ударом наши войска выбили противника с позиций второго оборонительного обвода.

Потянулись первые вереницы военнопленных. Тут же на месте наши разведчики допросили некоторых солдат. Они показали, что наше широкое ночное наступление оказалось для них полностью внезапным. Немецкое командование считало, что наши силы иссякли накануне. Многие офицеры на ночь уехали в город, солдаты легли спать, не ожидая ничего, кроме штурмовых групп.

К середине ночи определилась обстановка. Повсеместно второй оборонительный обвод был прорван. В прорыв были введены танковый корпус Пушкина, а вслед за ним и мехкорпус Руссиянова.

Рассвет застал наши войска у черты города. Местами наши танки и пехота ворвались на городские улицы и вели там бой.

Подтянув артиллерию, подбросив ей боеприпасов, сменив наблюдательные пункты, войска армии после короткой передышки в 8.00 одновременным ударом со всех сторон начали штурм города. Соседние 6-я и 12-я армии, развивая успех, продвигались к Днепру.

Противник из последних сил пытался оказывать сопротивление. Заговорила тяжелая немецкая артиллерия с правого берега, в небе появилась авиация противника. Они прикрывали переправы для отхода своих войск.

Темп, приобретенный в ночном наступлении, не снижался. Завязались ожесточенные рукопашные схватки. Гвардейцы повсюду теснили врага. Бросая артиллерию и тяжелую технику, противник отходил к переправам. Но там, на переправах господствовала в воздухе уже наша авиация. Не многим довелось уйти с Запорожского плацдарма.

Тяжелые кровопролитные бои за город Запорожье подходили к концу. К 13.00 наши войска полностью овладели городом. Это было 14 октября, на сутки ранее срока, установленного Ставкой Верховного Главнокомандования для ликвидации Запорожского плацдарма.

Наши передовые части выходили к Днепру, артиллерия открыла огонь по переправам, они были разрушены. Утонуло при переправе много немецких солдат и офицеров, сосчитать их было невозможно.

В ходе ночных боев 13 и 14 октября только силами 8-й гвардейской армии было убито более 3000 солдат и офицеров противника, уничтожено 26 тяжелых орудий, 59 пулеметов, 22 миномета, 32 танка, 120 автомашин и транспортеров…

Вечером 14 октября мы по радио слушали Москву. Передавался приказ Верховного Главнокомандующего. Из Москвы поздравляли нас с победой.

Разгромив немецкую группировку войск на Запорожском плацдарме, освободив город Запорожье, войска Юго-Западного фронта очистили от немецких захватчиков в своей полосе Левобережную Украину, возвратили нашей промышленности донецкую кочегарку, металлургическую базу Левобережной Украины, вернули огромные посевы площади плодороднейшей земли, освободили от фашистского ига население многих сел и городов.

Гитлеровское командование еще хозяйничало в Крыму, оно еще держалось за Мелитополь, но над немецкими войсками неотвратимо нависала угроза наших новых ударов.

Перед войсками Юго-Западного фронта встала задача форсировать Днепр и начать изгнание врага с Правобережной Украины.

4

Прежде чем приступить к рассказу о дальнейших сражениях, в которых пришлось участвовать 8-й гвардейской армии, я хотел бы остановиться на некоторых вопросах тактического и оперативного характера, которые возникли в ходе борьбы за

Запорожский плацдарм.

Несколько слов о плацдармах.

Нет нужды делать полный исторический экскурс в вопрос о значении плацдармов в различных войнах прошлого. Великая Отечественная война развертывалась на огромных оперативных просторах. Никогда ранее армии не имели такой мобильности. При армии моторов, при войне моторов со всей важностью встал вопрос о преодолении водных рубежей.

Взглянем на карту. Сколько больших и малых рек, именуемых в военной практике водными рубежами, пришлось преодолеть гитлеровским войскам, когда они владели стратегической инициативой и рвались в глубь нашей страны. Я назову лишь главные из них: Прут, Южный Буг, Березина, Десна, Днепр, Западная Двина, Днестр, Дон…

Переправа через такие водные преграды требует особых технических средств, особых армейских служб, особых и немалочисленных воинских частей.

Ряд обстоятельств, благоприятно сложившихся для гитлеровского командования в начале войны, позволил ему организовать форсирование крупных рек с ходу. В 1941 году в большинстве случаев это форсирование происходило на наиболее ослабленных участках нашей обороны при подавляющем превосходстве противника в танках и в авиации.

Используя превосходящую маневренность своих войск, гитлеровское командование находило слабо обороняемые участки на водных рубежах и именно на этих участках осуществляло переправы.

Когда после Сталинградской и Курской битв свершился перелом в ходе войны и в наступление перешли наши войска, перед нами еще более встала проблема форсирования водных рубежей.

Я уже не говорю о том, что во многом пришлось перестраивать структуру армейских средств, насыщая армии инженерными средствами, создавая крупные саперные и понтонные части. Встали перед нами и вопросы чисто оперативного и тактического характера. Гитлер, отступая, цеплялся за каждый клочок нашей земли, прекрасно понимая, что он не может совершить планомерного отхода с нашей территории, сохранив при этом армию.

Перед Гитлером был пример Наполеона, который по существу, лишь преследуемый русской армией, без единого серьезного сражения, при отступлении растерял свою армию. Это побуждало Гитлера сопротивляться желанию некоторых генералов «выпрямить фронт» отступлением. Поставив на карту

все, Гитлер пытался по водным рубежам в нашей стране создать такого рода укрепленные линии, на которых можно было бы остановить нашу армию.

Форсирование крупных рек превратилось для нас в сложнейшие тактические и оперативные проблемы. Для того чтобы перекинуть через реку крупные армейские соединения, технику, артиллерию, танки, вооружение, боеприпасы, продовольствие, словом сотни тысяч тонн грузов, необходимо было захватить на берегу, занятом противником, плацдармы для устройства переправ.

Такие плацдармы требовали особой обороны от контрударов и контратак противника, крайне плотного насыщения огневыми средствами, так как на таких плацдармах размещались многие соединения и части для развития наступательных операций.

Рассмотрим два исторических примера с плацдармами на Висле, захваченными нами в августе 1944 года, — Магнушевским и Пулавским. Каждый из этих плацдармов занимал площадь около 150–200 квадратных километров. В январе месяце 1945 года на Магнушевском плацдарме развернулось пять армий со многими частями усиления. На Пулавском плацдарме развернулись в то же время две армии для наступления, так же со средствами усиления. То же самое имело место и на Сандомирском плацдарме, захваченном войсками 1-го Украинского фронта. В результате ударов с этих плацдармов войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов за 20 суток разгромили крупные соединения гитлеровских войск, освободили Варшаву, Лодзь, Познань, Силезию, сотни других городов и вышли на Одер, форсировали его и захватили на левом его берегу плацдармы для наступления на Берлин. Плацдармы на Висле удерживались нами с августа до января, а на Одере — с первых чисел февраля до середины апреля.

Значение плацдармов для наступающей стороны бесспорно. Нам пришлось в отвоевании советской земли преодолеть многие водные рубежи, форсировать европейские реки с берегами, превращенными в сплошные линии укреплений. Без создания таких плацдармов вести наступление в период Великой Отечественной войны при том уровне техники было невозможно.

Имел ли смысл армии вторжения, каковой была гитлеровская армия, при отступлении с чужой земли удерживать плацдармы на берегу, оставленном в процессе отступления? Конкретнее, нужен ли был гитлеровскому командованию осенью 1943 года Запорожский плацдарм после того, как немецкие войска ушли за Днепр и почти целиком оставили Левобережную Украину?

Когда отступали наши войска, удержание плацдармов имело

смысл.

Но отступающему противнику, под ударами Красной Армии, после Сталинграда, Курской битвы, взятия Харькова, то есть когда была утрачена стратегическая инициатива, удержание плацдарма изменить ничего не могло, потому что возвращение отвоеванных нами территории было невозможно.

Мог ли Запорожский плацдарм помочь немецкому командованию предотвратить форсирование Днепра советскими войсками?

Ни само по себе наличие Запорожского плацдарма, ни сражение на нем не могли никак повлиять на форсирование советскими войсками Днепра. Сражение за плацдарм велось вплоть до середины октября, а Днепр, как известно, был форсирован войсками Центрального и Воронежского фронтов еще 22–30 сентября. 25–30 сентября форсировали Днепр и войска Степного фронта.

29 сентября войсками Степного фронта был освобожден Кременчуг, а с этим был ликвидирован и Кременчугский плацдарм, который удерживали за собой гитлеровцы.

Его оборона, его защита стоила Гитлеру около 25 000 убитых и раненых солдат и офицеров.

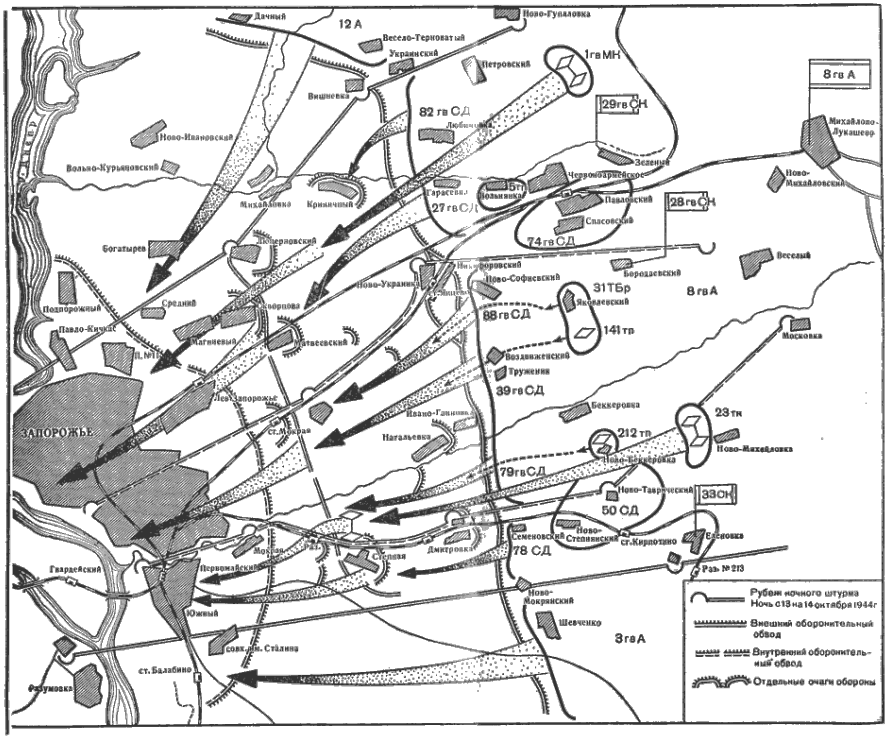
Мало того, на плацдарме были скованы более шести дивизий противника, половина из которых были танковыми дивизиями 40-го танкового корпуса, по которому так тоскует Манштейн в своих мемуарах. Ему бы этот танковый корпус был очень нужен для контратак по войскам Степного фронта, форсировавшим Днепр!

Почему Манштейн не настоял на том, чтобы был оставлен Запорожский плацдарм без боя? Нежелание спорить с Гитлером?

Нет, как ни стараются сегодня отмежеваться битые гитлеровские вояки от своего фюрера и вдохновителя, они не могут утаить той истины, что вместе с Гитлером они вели войну авантюристически, что их стратегия была стратегией авантюристов, что тактика их была так же авантюристической, что победы, ими одержанные, были временным явлением, а поражение как раз закономерностью, закономерностью политического характера, стратегического и, если хотите, то и тактического.

В связи с боями за Запорожский плацдарм, встает еще один вопрос. Не проще ли было, не важнее ли было с стратегической и оперативной точки зрения обойти этот плацдарм главными силами фронта севернее Запорожья и во взаимодействии с войсками Степного фронта форсировать Днепр, нацеливая главные силы на Апостолово и Кривой Рог? Силами двух фронтов могло быть предпринято глубокое и охватывающее наступление

гитлеровских войск, обороняющих железорудные и марганцевые рудники в излучине Днепра. В направлении на Апостолово и Кривой Рог мы не натолкнулись бы на столь совершенные в инженерном отношении оборонительные позиции противника. Спору нет — это было бы сложным маневром, с усложненным взаимодействием всех родов войск в масштабе двух, а то и трех фронтов, если взять в расчет при этом задачи и Южного фронта.



Трудный перевал

1

Стояла поздняя, но мягкая осенняя пора. Спокойно нес свои воды еще не скованный льдом Днепр.

Враг оттеснен, но не разгромлен, впереди битва за Правобережную Украину.

Гитлер и его генералы подбрасывают живое топливо в гигантскую и всепожирающую топку войны, принося в жертву жизни сотен тысяч и миллионов немецких юношей и отцов семейств. Удержаться хотя бы на один лишний день у власти, чего бы это ни стоило…

Сегодня Запорожье, завтра — Никополь и Кривой Рог. Так вырисовывается задача перед Юго-Западным фронтом, а стало быть, и для 8-й гвардейской армии. Гитлер цепляется за последнюю возможность удержать украинскую руду и украинский марганец, И то и другое ему крайне необходимо для военной промышленности.

Борьба за украинскую руду и марганец — одна из труднейших операций, проходившая в неимоверно тяжелых условиях. Эта операция крайне сложная по погодным и дорожным условиям, по движениям войск и множеству мелких, частного характера операций, входящих в общую операцию Никопольско-Криворожскую. Вместе с тем в военной истории эта операция мало изучена.

В истории 8-й гвардейской армии бои на нравом берегу Днепра в районе Днепропетровска, Кривого Рога, Апостолова, Никополя занимают немалое место.

Понадобилось время, чтобы мы убедились, как силен еще враг, что залог наших успехов прежде всего в техническом оснащении наступательных операций и в точном их планировании. Время и бои… Во многом мы уповали на мужество советского солдата, и солдат нас не подвел, но не всегда это мужество умели подкрепить материально-техническими ресурсами, хотя наш тыл все больше и больше наращивал снабжение Красной Армии, и артиллерией, и танками, и самолетами, и боеприпасами. Кроме того, организация взаимодействий фронта и тыловых служб, различного рода войск, многочисленных штабов еще не до конца была нами освоена…

Нужно отметить и то, что с самого начала борьбы за освобождение Правобережной Украины советские войска лишь

незначительно, превосходили противника в живой силе, в артиллерии и авиации, в то же время по танкам и самоходно-артиллерийским установкам преимущество в полосе действий Юго-Западного фронта было на стороне немецких войск.

Все это предисловие мне понадобилось для того, чтобы объяснить, почему с огромным трудом давался нам успех в наступлении в излучине Днепра. Рассказывая об этом периоде действий 8-й гвардейской армии, я не могу ошеломить читателя скорыми реляциями, хотя мы и одержали победу на пути к окончательному разгрому врага.

2

После освобождения Запорожья в составе Юго-Западного фронта прошли некоторые организационные изменения. По указанию Ставки Верховного Главнокомандования была передана Южному фронту 3-я гвардейская армия генерала Д. Д. Лелюшенко, выведена 12-я армия генерала А. И. Данилова. Вместо этих армий в состав Юго-Западного фронта вливалась 46-я армия генерала В. В. Глаголева, которая с войсками Степного фронта уже форсировала Днепр северо-западнее Днепропетровска.

Наступила некоторая пауза, и по настоянию командующего фронтом Р. Я. Малиновского и представителя Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевского 15 октября я выехал в Москву на лечение в госпиталь. Во временное командование 8-й гвардейской армии вступил генерал-полковник И. И. Масленников.

С тяжелым сердцем покидал я своих гвардейцев. Опасался, что новый командующий, не сроднившись со сталинградцами, не сможет в полной мере оценить их сильные и слабые стороны в тех наступательных боях, которые предстояли фронту.

Ряд операций 8-й гвардейской армии прошел в мое отсутствие. Но все же я хотел бы вкратце рассказать, что происходило с армией после освобождения Запорожья.

15 октября 8-й гвардейской армии было поручено обеспечить правый фланг 3-й гвардейской армии, которая нацеливалась на юг, вдоль левого берега Днепра. 18 октября на армию была возложена задача очистить днепровские плавни от разбитых групп противника.

Лишь 19 октября командование армии получило директиву фронта совершить марш на север и к утру 22 октября сосредоточиться южнее Днепропетровска. Перед армией вставала

задача — форсировать Днепр. К этому времени 4-й гвардейский стрелковый корпус 12-й армии в составе трех гвардейских дивизий захватил и удерживал плацдарм на правом берегу Днепра в сорока километрах севернее Запорожья в районе населенного пункта Войсковое. Фактически 4-й гвардейский стрелковый корпус оказался в границах намечаемых действий 8-й гвардейской армии, влился в состав 8-й гвардейской армии и остался в ней до конца войны.

Плацдарм, захваченный 4-м гвардейским стрелковым корпусом, позволил соединениям армии в середине дня 23 октября переправиться на правый берег Днепра. Расширяя его, наши войска овладели населенными пунктами: Войсковое, хутор Свистунов, Калиновка, Гроза, Вовнинг.

В ночь с 23 на 24 октября 39-я гвардейская стрелковая дивизия 28-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии форсировала Днепр южнее Днепропетровска, в его пригородах, в районе Чапли и во взаимодействии с войсками 46-й армии овладела городом Днепропетровском.

Во время работы над этой книгой я получил письмо от старшего научного сотрудника Днепропетровского исторического музея Виталия Степановича Прокудо. В своем письме товарищ Прокудо рассказывает о подвиге Платонова в момент форсирования Днепра 39-й гвардейской стрелковой дивизией в районе местечка Чапли. Группа наших бойцов переправилась через Днепр и зацепилась за левый берег. Руководил ею старший лейтенант Платонов. Он чудом остался жив, хотя командующий фронтом тогда получил донесение, что руководитель группы убит. Захват плацдарма на правом, более высоком берегу, под сильным огнем противника, удержание его — это действительно подвиг.

Несколько ранее части 46-й армии генерала В. В. Глаголева захватили плацдарм севернее Днепропетровска. Создались условия, благоприятные для совместного удара 8-й гвардейской и 46-й армий в обхват Днепропетровска.

Успешно в эти же дни действовали советские войска западнее Днепропетровска и в направлении на Кривой Рог…

Но прежде чем начинать рассказ о битве за Днепропетровск и Кривой Рог, я должен сказать об изменениях, происшедших в наименованиях фронтов.

Еще 16 октября 1943 года Ставкой Верховного Главнокомандования был подписан приказ о переименовании фронтов в связи с ясно определившейся задачей по окончательному освобождению Украины от немецких захватчиков. Воронежский фронт было приказано именовать 1-м

Украинским фронтом, Степной фронт — 2-м Украинским фронтом, Юго-Западный фронт — 3-м Украинским фронтом, Южный фронт — 4-м Украинским фронтом. Приказ вступал в силу 20 октября.

Стало быть, западнее Днепропетровска в направлении на Кировоград и Кривой Рог наступали войска 2-го Украинского фронта. К 23 октября они значительно расширили образовавшийся прорыв в обороне противника, между городами Кременчугом и Днепродзержинском и продвинулись на 100 километров в глубину. Танковые и механизированные части вплотную подошли к Кривому Рогу, вырвались в район Митрофановки, не дойдя лишь тридцати километров до Кировограда. Взгляните на карту и представьте себе, чем грозило гитлеровским войскам продвижение к Кривому Рогу. Станет понятным ожесточение контратак гитлеровцев на Криворожском направлении. Над 1-й танковой армией, а затем и 6-й армией противника, оборонявших Никополь, Херсон, Николаев, нависла тень Сталинграда, опасность полного окружения. Войска 2-го Украинского фронта имели цель после занятия Кривого Рога наступать на Апостолово.

Настала тяжелая пора для гитлеровских генералов. Они вынуждены были собрать все резервы, чтобы избежать новой катастрофы. Навстречу войскам 2-го Украинского фронта, прорвавшимся к Кривому Рогу, немецкое командование бросило резервные части 1-й танковой армии, 30-й армейский корпус из-под Днепропетровска, 40-й танковый корпус и бросило туда же две танковые и две пехотные дивизии, прибывшие из Западной Европы. Сосредоточив такие силы, немецкое командование рассчитывало не только нанести контрудар местного значения, но и развить его в контрнаступление, сбросить советские войска с правого берега Днепра, полностью восстановить оборону по «Восточному валу».

Войска 3-го Украинского фронта изготовились форсировать Днепр только 23–24 октября. Захватили новые плацдармы и повели бои за их расширение. 24 октября состоялся контрудар немецких войск по левому крылу 2-го Украинского фронта, которым командовал И. С. Конев. Завязались тяжелые бои. Наступление 2-го Украинского фронта приостановилось. Мало того, его войска вынуждены были отойти. Контрудар врага продолжался вплоть до 28 октября. Левое крыло 2-го Украинского фронта перешло к обороне по реке Ингулец. Здесь было остановлено немецкое наступление.

Безусловно, на некоторое время немецкому командованию удалось облегчить положение частей 1-й танковой армии в

районе Никополя, а также и несколько оттянуть разгром и всей Криворожско-Никопольской группировки войск.

Однако, устранив одну опасность, немецкое командование оказалось перед лицом новой угрозы.

25 октября войска 4-го Украинского фронта начали стремительное наступление против 6-й полевой армии противника. Немецким войскам пришлось сильно попятиться, отойти местами за Днепр, открыв подступы к Мелитополю.

23 октября 8-я гвардейская и 46-я армии сумели развернуться на правом крыле 3-го Украинского фронта, овладели плацдармами севернее и южнее Днепропетровска и были готовы для охватывающего удара по городу.

46-я армия начала атаку с плацдарма в районе Аулы, в направлении Кринички, Ново-Николаевка, 8-я гвардейская наступала с плацдарма в районе Войсковое, Вовничи в направлении на Соленое, Чумаки, Чкалове.

Противник сопротивлялся упорно, но удар по Днепропетровску срывал подготовленное наступление по войскам 2-го Украинского фронта. Еще шли бои под Кривым Рогом, а войска 8-й гвардейской и 46-й армий овладели 25 октября важными промышленными центрами и важными стратегическими опорными пунктами на правом берегу Днепра — Днепропетровском и Днепродзержинском. Это была крупная победа. Расширился и укрепился наш плацдарм на правом берегу. Войска И. С. Конева, активно поддержанные ударами 4-го и 3-го Украинских фронтов, остановили начавшееся наступление врага и удержали плацдарм. Все возвратилось в исходное положение. Опять и 6-я полевая и 1-я танковая армии противника оказались под угрозой окружения и уничтожения.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание читателя на некоторые противоречия в мемуарах Манштейна. Он пишет: «Контрудар, нанесенный в конце октября в районе севернее Кривого Рога, перед которым стоял противник, благодаря образцовому взаимодействию обеих участвовавших в нем армий (40-й танковый корпус в ходе операции был передан 1-й танковой армии), дал прекрасные результаты… Удалось снова восстановить сплошной фронт между 1-й танковой и 6-й армиями. Для того чтобы отбросить противника на северный берег Днепра, сил, однако, не хватило, так как противник продолжал обладать значительным превосходством».

Остановимся на минуту. О каких это «прекрасных результатах» говорит гитлеровский генерал? Об отступлении за Днепр 6-й полевой армии? Падении опорных пунктов — Днепропетровска и Днепродзержинска? Он фактически закрывает

глаза на катастрофические последствия временных тактических успехов, ограниченно понимает ход военных операций на больших оперативных просторах. Попытка сосредоточить крупные силы для контрудара под Кривым Рогом привела к поражениям на других участках фронта, а к началу ноября поставило немецкое командование перед потерей Киева.

Несколькими строками ниже Манштейн, впрочем, сам себя опровергает:

«В то время как опасность, непосредственно угрожающая 1-й танковой армии, была ликвидирована, в ее тылу возникла новая, еще более серьезная опасность.

28 октября противник начал наступление значительно превосходящими нас силами на фронте 6-й армии, удерживавшей участок фронта между Днепром и побережьем Азовского моря (фронт генерала Толбухина). Ему удалось осуществить глубокий прорыв. В результате этого 6-я армия — для нас неожиданно быстро — была отведена на запад…

Такое развитие событий на фронте 6-й армии означало серьезную опасность для расположения в восточной части Днепровской дуги 1-й танковой армии».

Куда уж лучше! Откуда выехали, туда же и приехали…

Я обратился к истории немецкого контрудара и попытке развить его в наступление 24–28 октября под Кривым Рогом лишь для того, чтобы еще раз задуматься о ходе, октябрьских и ноябрьских сражений, в которых принимала участие 8-я гвардейская армия.

3

Я вернулся из госпиталя сразу же после ноябрьских праздников. 12 ноября вновь вступил в командование армией.

Соединения 8-й гвардейской армии в это время занимали фронт по линии: Боголюбовка, Котляровка, Машиновый, Александровка-1-я, Могила Дедова, Широкое, Многотрудный, Ивангород, Приволье, Аполлоновка, Ново-Александровка.

Можно было сразу же убедиться, что 8-я гвардейская прочно обосновалась на правом берегу Днепра, мало того, она угрожающе нависает над войсками противника в Днепровской излучине.

Это расположение армии было приобретено в упорных боях в конце октября, которые шли почти непрерывно до 5 ноября.

29 октября определилось направление главного удара на Апостолово, после того как начали подтягиваться с

доукомплектования части 33-го стрелкового корпуса.

К 1 ноября переправа через Днепр была закончена. Выполняя директивы командования фронта, временно исполняющий обязанности командующего армией И. И. Масленников нацелил армию ее правым крылом на Апостолово с задачей — продвигаться вдоль железной дороги, свертывая боевые порядки противника. Легко догадаться, чем грозило противнику это вновь открывшееся направление наступательных действий. 8-я гвардейская и 46-я армии в случае успеха заходили во фланг и тыл всей никопольской группировки немцев, резали ее тылы, открывали путь на Николаев и Одессу. Замысел правильный, но он должен был осуществляться более крупными силами. Если бы это направление было избрано для удара несколько ранее, операция имела бы, несомненно, результат.

Стояла осенняя распутица. Армии не хватало танков. Артиллерия хронически испытывала нужду в боеприпасах, которые очень трудно было перевезти через Днепр. После довольно успешных боев за расширение плацдармов, наступательные действия армии почти сошли на нет. Противник применил здесь, пользуясь множеством опорных пунктов, тактику подвижной обороны. Эти опорные пункты были одновременно и складами для боеприпасов. Так что гитлеровские войска не страдали от распутицы, как мы.

Мелкими контратакующими частями противник как бы обволакивал прорывы. Наша артиллерия не могла подавить огневые точки противника даже в первых позициях его обороны.

4 ноября, еще даже полностью не подтянув все части прорыва, армия правым флангом попыталась развернуть наступление вдоль железной дороги. Сорокаминутная артиллерийская подготовка не обеспечила атаки, она на первых двух-трех километрах захлебнулась.

5 ноября повторилась та же история. Местами противник перешел в контратаки. В 14.00, отбив контратаку, части армии перешли к жесткой обороне.

Контратаки, предпринятые немцами с исходных рубежей балки Вило и хутора Ленинский, особой угрозы не несли. Но фронтовая разведка получила данные о сосредоточении крупных сил противника, было похоже на подготовку широкого наступления. Информация из самых различных источников показывала, что немецкое командование сосредоточило в Любимовке 120 танков, в Гуляй-Поле — 250 автомашин с пехотой. Было замечено движение из Софиевки на Любимовку 20 танков и 100 автомашин с грузом. В оборонительный узел Пшеничное, Павловка, Ново-Покровское вошли 50 танков. По

дороге на Чумаки разведка засекла 250 автомашин с грузом.

Сейчас, конечно, трудно восстановить содержание оперативно-тактических замыслов противника. Фронт тогда был в непрестанном движении, возникающие комбинации подчас тут же утрачивали свой смысл, вместо них рождались новые. Но одно ясно, что сил для серьезного наступления на север и северо-восток немецкое командование не могло собрать. В тот момент главная угроза для них создавалась под Киевом и на южном направлении. В немецких штабах речь шла об удержании Мелитополя и Херсона, об обороне от ударов 4-го Украинского фронта на наиболее угрожаемом для них направлении.

Об этом же свидетельствует и Манштейн. Он пишет, комментируя создавшуюся вновь угрозу для никопольской группировки, после немецкого контрудара под Кривым Рогом: «… Если этого нельзя было предотвратить (окружение 1-й танковой армии на Никопольском плацдарме. — *В. Ч.*), то не оставалось ничего иного, как отвести 1-ю танковую армию из восточной части Днепровской дуги на запад. Это означало бы, что мы так или иначе отдаем Днепровскую дугу, во всяком случае лишаемся Никополя с его запасами марганцевой руды и предоставляем Крым его судьбе.

Для того чтобы предотвратить такое развитие событий… я предложил генеральному штабу сухопутных войск следующий оперативный выход.

40-й танковый корпус после окончания сражения у Кривого Рога внезапно нанесет удар двумя, а по возможности тремя танковыми дивизиями и с плацдарма южнее Никополя по северному флангу сил противника… (то есть по правому флангу войск 4-го Украинского фронта, который громил в это время 6-ю армию гитлеровцев. — *В. Ч.*).

Задача этого удара, — пишет далее Манштейн, — обеспечить 6-й армии возможность закрепиться перед Днепром и сохранить связь с 17-й армией в Крыму. Одновременно тем самым была бы устранена угроза для 1-й танковой армии с тыла.

До осуществления этого плана, однако, дело не дошло, потому что 6-я армия так быстро была отведена за нижнее течение Днепра, что удар 40-го танкового корпуса из плацдарма Никополя не обещал никакого успеха».

Здесь можно поверить Манштейну, ибо после контрудара под Кривым Рогом гитлеровцам вообще стало не до наступлений. На них обрушивались один удар за другим. Танки, которые были замечены нашей разведкой в Любимовке и в Софиевке, несомненно были частью сил, отводившихся немецким командованием для парирования наступления 4-го Украинского

фронта, а не для удара по 8-й гвардейской армии. Вместе с тем, концентрируя такие силы в районе Софиевки, радиально их разбрасывая вокруг железной дороги на Апостолово, гитлеровское командование решало для себя задачу обороны открывшегося весьма уязвимого для них направления через Апостолово на Николаев и Одессу. Осенью сорок третьего года и зимой сорок четвертого это была ахиллесова пята всех немецких позиций на юге Украины…

Как и следовало ожидать, ни 5, ни 6, ни 7 ноября немецкого наступления не последовало.

8-я гвардейская армия в это время стояла на укрепленных рубежах, отдыхали солдаты и офицеры, принималось новое пополнение.

12 ноября я встретился с Р. Я. Малиновским и А. М. Василевским, чтобы узнать, какие они ставят задачи перед армией.

Александр Михайлович, конечно, прежде всего заговорил об общей задаче фронта, даже для нескольких фронтов — как можно скорее овладеть Никополем, лишить немецкую промышленность нашего марганца, без которого будет значительно затруднено производство самолетов в Германии. Слова «Никополь» и «марганец» зазвучали в те дни, как перед этим звучало слово «Донбасс».

Какие же задачи поставил перед командующим армией представитель Ставки?

— На Апостолово! — так он мне говорил. — Сейчас о действиях 8-й будут судить по движению на Апостолово… 5–10 километров в день, но все же вперед, все же продвижение!

Всякое движение во время войны имеет свои законы. Мало кто знал до войны, что есть такой городок на Украине — Апостолово. Но по законам войны, которые диктуют интерес к городам не только по их значимости, но и по географическому расположению, Апостолово приобрело для армии первостепенное значение. Вгрызаться с фронта в оборону Никопольского плацдарма было невозможно. Там были воздвигнуты сильные оборонительные укрепления. Лобовым наступлением мы не достигли бы успеха. Выходом на Апостолово мы ставили противника в катастрофическое положение — Никопольский гарнизон, войска на плацдарме лишались коммуникаций, попадали в окружение.

Итак — на Апостолово.

Опять, как на Северном Донце, выбивать противника из каждого опорного пункта, перемалывать его живую силу. При взаимодействии армий и фронтов наша активность должна была

внести свой вклад в общую победу.

В ночь на 1 ноября началась керченская десантная операция Черноморского флота и войск Северо-Кавказского фронта.

3 ноября войска 1-го Украинского фронта начали наступление на Киев, освободив 6 ноября столицу Украины, развивая успех на Житомир.

8-я гвардейская армия начала операцию не изолированно. Ее наступление в составе 3-го Украинского фронта должно было явиться частью спланированного наступления трех фронтов: 2, 3 и 4-го Украинских фронтов с общей задачей освободить Кировоград, Кривой Рог, Никополь и Крым.

Для 8-й гвардейской армии главные трудности состояли в том, что на первых порах наступление должно было вестись без средств усиления. Продвигаться нужно было по местности укрепленной, по раскисшей и размокшей почве. Дорога на Апостолово была глубоким немецким тылом, когда наши войска стояли на левом берегу Днепра. Когда мы переправились на правый берег, враг развернул свой фронт на север и северо-восток и построил оборонительные рубежи на речушках, которые превращались в труднопроходимые водные преграды.

14 ноября я утвердил план операции, предусматривающий движение войск вдоль железной дороги Днепропетровск — Николаевка — Апостолово, с обходными маневрами вокруг сильных опорных пунктов противника на железнодорожных станциях. На первом этапе операции планировался прорыв фронта по линии, которая проходила через Екатериновку, Владимировку, Томаковку, поселок и станцию Незабудино, Натальевку, Павловку, Пропашное. Овладев этими населенными пунктами, оседлав железную дорогу, армия могла взять направление на Николаевку.

Овладев Николаевной и ст. Лошкаревка, мы открывали ворота на Апостолово.

Стало быть, ближайшей задачей был удар на Николаевку. Задача не из легких. При планировании всей операции, конечно, учитывалось, что противник может оказать упорное сопротивление.

Но со дня на день можно было ожидать, что немецкое верховное командование примет решение об отводе 6-й и 1-й танковой армий с Никопольского плацдарма, избегая второго Сталинграда.

Наше наступление могло попасть в ритм этого отхода, дезорганизовать спланированный отвод войск, внести сумятицу в стан противника. Это и побуждало нас выдвигать задачи перед армией с некоторым завышением. Службы тыла тоже должны

были иметь ориентировку.

Первые дни наступления были очень трудными. Немцы бросали в контратаку танки, а наша пехота имела для борьбы с ними лишь противотанковые ружья и полевую артиллерию на конной тяге.

Вспоминается мне бой за поселок Незабудино. Я наблюдал за нашей атакой с наблюдательного пункта, оборудованного в километре от станции. В атаку шли части 47-й гвардейской дивизии. После короткой, но эффективной артподготовки, скорее даже артналета, стрелковые части поднялись в атаку и выбили противника из поселка. Наступление велось по полю, по пашне. Тот, кто знает, во что превращается чернозем после обильных осенних дождей, тот поймет, что такое пашня для перебежек в атаке. На сапоги налипали пудовые комья земли.

Овладев северной окраиной поселка, гвардейцы начали продвигаться к южной окраине Незабудино. В это время с южной окраины вышли четыре немецкие самоходки. Что можно было с ними сделать, чем остановить? На ближнюю дистанцию они не подходили Противотанковые ружья с большой дистанции не пробивали их броню. Самоходки спокойно вели прицельный огонь. Наступление захлебнулось, пехота наша вынуждена была остановиться. Будь в наших боевых порядках три-четыре танка или самоходные пушки, атака получила бы иное завершение.

Некоторый перелом наметился к 20 ноября.

Войска 8-й гвардейской армии овладели Владимировной, Томаковкой, Черниговкой, Авдотьевкой, Хрущевкой, Натальевкой, Незабудино, Катериновкой. Это за шесть дней наступления составило лишь десять километров продвижения в глубину разветвленной обороны противника. Но эти населенные пункты были удобны как исходные рубежи для дальнейшего наступления.

К нам, наконец, подходили танки. 23-й танковый корпус, отдельная танковая бригада, танковые полки. Это уже было кое-что!

23-й танковый корпус. С ним мы прошли бок о бок с Северного Донца к Запорожью. Он активно участвовал в боях за Запорожье в ночном наступлении. Но сюда, к нам, для наступления на Апостолово он пришел с сильно поредевшими рядами, в корпусе имелось всего лишь 17 танков и 8 самоходных орудий.

Командир корпуса — Герой Советского Союза генерал-лейтенант Е. Г. Пушкин. Заслуженный боевой генерал, отважный человек.

11-я танковая бригада имела в то время 14 средних танков и 3 легких танка.

141-й танковый полк имел 8 средних танков и 4 легких.

10-й танковый полк — один танк и 6 самоходных орудий.

991-й самоходно-артиллерийский полк имел 12 самоходных 76-миллиметровых орудий.

Всего на восьмидесятикилометровом фронте мы имели 40 средних танков и 33 самоходных орудия. Менее, чем по одной бронеединице на километр фронта.

Поредели роты и 8-й гвардейской армии. В них насчитывалось по 20–30 человек. Приходилось кадрировать третьи батальоны стрелковых полков, то есть солдат и сержантов передавать в первые два батальона, и заново в тылу укомплектовывать третий батальон.

Требовался отдых, но логика военных действий требовала свое, вернее, брала «свое». Надо было наступать. Мы чувствовали, что и малая поддержка в танках окажется тем последним толчком, который заставит противника если не отступить, то попятиться.

На подготовку нового наступления ушло несколько дней. Пока танкисты по непролазной грязи сосредоточились на исходных рубежах, пока они завезли боеприпасы по полному бездорожью, горючее — прошло время… Намеченное на 22 ноября наступление пришлось отсрочить еще на три дня. Опять не уложились, не справился транспорт.

Что же в это время делала наша авиация? Как она могла помочь наступающим войскам?

Погода не благоприятствовала авиации. Дожди размесили землю на полевых аэродромах, взлетные дорожки требовали особого ухода. Не всегда можно было привести их в пригодность для взлета бомбардировщиков. По утрам стелились густые туманы. Дождь и туман закрывали для авиации цели. И все-таки летчики находили возможность помочь нам.

Дожди, туманы… Редко выглянет солнце. Но лишь только открылось небо, вот они летят, наши соколы!

26 ноября мы возобновили наступление. После 20-минутной артиллерийской подготовки наши части овладели Катериновкой, Кошкаровкой и к исходу дня завязали бои в Петриковке, Пропашном.

23-й танковый корпус в бой введен не был. Дали ему еще один день на подготовку — надо было расширить обозначившийся успех ночными действиями.

27 ноября наступление началось в 8.00 при поддержке танкового корпуса. Сразу же почувствовалось участие в бою танков. Наши войска продвинулись на 10–12 километров и овладели Первомаевкой, Растаньем, Петриковкой,

Александрополем, Пропашным, Гегеловкой, Котляровским.

Казалось бы, не такое уж эффектное продвижение. Однако вспомним, с чего мы начинали, как ставились задачи наступления на 14 ноября. Линия, намеченная для первого этапа наступления, проходившая через Екатериновку, Владимировку, Томаковку, Незабудино, Натальевку, Пропашное, Павловку, осталась далеко позади. Общее продвижение местами составило уже до 30 километров. Однако только километрами итоги наступательных операций в грязь и распутицу измерять и оценивать было бы неправильным. Мы выходили в тыл частей противника, оседлавших шоссейную дорогу Днепропетровск — Запорожье, Днепропетровск — Никополь. Перед фронтом левофлангового 29-го гвардейского корпуса противник начал отходить, уплотняя свою оборону вокруг Никополя.

Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса усилили давление на противника. Гитлеровцы отступали по грязи и полному бездорожью, с трудом оттягивая свою технику. Но и наступавшие были не в лучшем положении. За два дня противник отошел на 10–12 километров, мы с трудом проделали тот же путь. Ноги буквально увязали в пашне до колен. Артиллерию приходилось перетаскивать на руках.

Новый рубеж теперь выглядел таким образом:

29-й гвардейский стрелковый корпус вышел к Гаркушино, Красный Яр, Григорьевка, Ново-Вознесенский, Петрополь, Многорудный и до Днепра. Шоссейная дорога Никополь — Днепропетровск, Никополь — Запорожье была рассечена.

4-й гвардейский стрелковый корпус вышел на линии Гаркушино, Михайловка, Веселый, Менделеевка.

28-й гвардейский стрелковый корпус — Мирополь, Ивановка, Садовод, Первомаевка, Екатерино-Натальевка.

Таким образом, одним флангом армия вплотную придвинулась к Николаевке и стучалась в ворота, ведущие в Апостолово, другим флангом зависла над марганцевыми рудниками, ради которых Гитлер и держал здесь 6-ю полевую и 1-ю танковую армии. До марганцевых рудников оставалось около 30 километров.

Попытки развить наступление 29 и 30 ноября ни к чему не привели. Нужно было вновь собираться с силами. Противник уплотнил оборону. Мы стояли на рубеже, с которого начиналось сопротивление всех основных сил для защиты Никополя и марганца.

К концу ноября силами 8-й гвардейской армии во взаимодействии с 46-й армией был очищен большой треугольник южнее и западнее Днепропетровска.

Фронт проходил от Николаевки до северных окраин Правобережного Запорожья. В общей сложности за месяц армия прошла с боями около 100 километров, освободив множество населенных пунктов, сел, железнодорожных станций и городков. Правее нас вела бои 46-я армия. Левее фронт проходил по восточному берегу Днепра, где действовали 6-я армия, усиленная частями расформированной 12-й армии, 3-я гвардейская и весь 4-й Украинский фронт.

Командование фронта потребовало незамедлительного наступления. Еще один рывок. 33-й стрелковый корпус ввели между 28-м и 4-м гвардейскими корпусами. Но и в 33-м корпусе не было танков. А штыком глубокоэшелонированную оборону не пробьешь!

5 декабря началась артиллерийская подготовка. Мы смогли израсходовать лишь треть боевого комплекта, хотя в снарядах недостатка уже не было. Но как их доставить к артиллерийским позициям? Даже машины с тремя ведущими мостами не могли стронуться с места по глубокой грязи.

Артподготовка длилась целый час, но прошла вяло.

Пехота двинулась в атаку и, конечно, тут же была вынуждена залечь.

Командующий фронтом сделал еще одну попытку прорвать оборону врага, но уже после короткой подготовки. Мы получили указание закрепиться на достигнутых рубежах, провести боевую подготовку, принять пополнение и возобновить атаки 10 декабря. Мы овладели крупными населенными пунктами, расположенными на направлении к марганцевым рудникам: Токмаково, Чумаки и Лебединское. Дальше — никак.

В эти дни произошла большая беда с начальником разведки армии полковником Германом. Михаил Захарович Герман прошел боевой путь армии по существу со дня ее создания. Это был способный, думающий разведчик, умеющий не только анализировать собранную информацию, но и организовать ее, выбрать направление для работы разведчиков. И мужественный человек…

Полковник Герман и его порученец капитан Червоиваненко возвращались после поездки по войскам в штаб, который тогда размещался в поселке Незабудино. Кто лучше Германа знал расстановку сил на фронте, расположение частей, линию обороны противника? Пожалуй, никто в штабе армии. Но одно дело карта и линии, нанесенные на карте, совсем другое дело ориентировка на местности. Украинская степь. На дорогах почти никаких ориентиров. Только прирожденный степняк способен разобраться в хитросплетениях полевых дорог.

Погода в тот день выдалась на редкость морозной, что совершенно изменило начертания дорог. Смерзлись колеи высокими отвалами. Приходилось ехать полем. Не мудрено заблудиться, допустить просчет во времени. И заблудились. Полагая, что едут к выброшенному к передовой позиции наблюдательному пункту, Герман и Червоиваненко наскочили на немецкую оборону. До окопов противника оставалось не более 25 метров, когда они поняли свою ошибку. Навстречу поднялись немецкие автоматчики. Они, вероятно, удивились не меньше чем наши разведчики.

— Назад! Противник! — крикнули почти одновременно полковник и капитан.

Водитель Николай Кучин скользящей дугой проскочил мимо немецких окопов, дал полный газ и повел машину зигзагами в сторону наших позиций. Немцы открыли ураганный огонь. Били из противотанковых ружей, из пулеметов, минометов. Пули прошивали кузов машины насквозь. Метров на двести-триста машина все же отъехала от немецких траншей. Но вот замедлился ее ход, она остановилась. Кучин осел и начал сползать с сиденья. Как-то даже неестественно спокойно вдруг сказал:

— Товарищ полковник, сообщите жене…

Сказал и затих.

Полковник и капитан выскочили из машины. Легли рядом, чтобы укрыться от прицельного огня.

Степь ровная, как полированный стол. Сразу был ранен полковник. Три пули вошли в ногу выше колена, одна пуля — в грудь в области сердца, одна пуля по касательной задела голову. С помощью капитана он попытался подняться, но правая нога не держала.

— Ползем! — приказал полковник.

Но его достала еще одна пуля и перебила правую руку. Полковник терял сознание. Он успел приказать капитану взять документы и ползти к нашим. Документы начальника разведки армии были огромной ценностью для врага. Полковник снова приказал уходить. Вынести его из-под обстрела капитан не мог. Там, у наших можно было еще что-то придумать. Открыть прикрывающий огонь, подавить артиллерией огневые точки врага и вынести полковника… И он уполз в сторону наших позиций… Полковник М. З. Герман попал в плен.

Мы долгое время не знали, что с ним. Но это происшествие вызвало большую тревогу в Ставке Верховного Главнокомандования.

На другой же день позвонил генерал Малиновский. Он сообщил, что Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин

лично объявил ему и мне по выговору…

— Давай скорее своей деятельностью снимать выговора! — добавил Малиновский. И тут же посоветовал мне переменить расположение штаба армии, сменить расположение штабов корпусов, дивизий и подумать о смене позиций для артиллерийских батарей.

Я знал полковника Германа, я верил ему. Но когда на тебе лежит ответственность за многие жизни и судьбы, на свое доверие я полагаться не мог, не имел права. Безусловно, если бы немцам удалось заставить говорить полковника, это могло привести ко многим бедам.

Штаб мы перевели в другое место, ближе к фронту. Передислоцировались и штабы корпусов.

Минула ночь, наступил рассвет. Авиация противника действовала обычным порядком, ничего не показывало, что разведка снабдила летчиков какими-то особыми сведениями, какими мог располагать полковник Герман. Так же, как и прежде, вела себя артиллерия. Наша воздушная разведка не обнаружила никаких признаков передислокации войск противника. Стало быть, полковник М. З. Герман или молчал или был убит.

Мы вернули обратно в Незабудино штаб армии…

Полковника Германа я встретил в 1945 году в Берлине. Он был освобожден из плена бойцами своей родной 62-й — 8-й гвардейской армии. Он многое пережил. Не доведись никому такое пережить. И мне с большим трудом удалось заставить его разговориться.

…Очнулся он от сильной боли от ударов головой о мерзлые глыбы вспаханной земли. Связав руки ремнем над головой, его волоком тащили два солдата ползком, по-пластунски в свои окопы.

Герман снова потерял сознание.

Допрос провели тут же, в первой линии траншей, в блиндаже. Он был в полубессознательном состоянии, но все же, взяв себя в руки и оценив обстановку, выбрал для себя единственно возможный вариант поведения. Он помнил, что документов при нем нет, что Червоиваненко спасся, поэтому он назвался вымышленным именем, показав, что выполнял должность финансового инспектора армии…

Ему грозили пытки, может быть, смерть. Надо было что-то немедленно придумывать, что-то изобретать. Герман дал понять тем, кто его допрашивал, что знает только общие данные, касающиеся армии. Он показал, что левый фланг нашей армии самый сильный. На самом же деле в те дни беспокойство у нас вызывал именно левый фланг, как самый слабый.

И здесь, в эту страшную для него минуту, разведчик оставался разведчиком — кто кого перехитрит.

Затем полковника доставили на допрос к настоящему следователю. Допрос велся профессионально, со знанием дела.

Опасаясь запутаться в противоречиях, Герман вообще не отвечал ни на один вопрос.

Несколько дней полковника содержали на эвакопункте в Каменке. Он требовал медицинской помощи. Ему отказывали в этом. Он объявил голодовку и, наверное, ее не выдержал бы, если бы не помогла ему советская девушка Галя Бондаренко, работавшая на эвакопункте санитаркой. Она поздно ночью принесла ему соленых огурцов и взвару, накормила, перевязала раны… Галя Бондаренко пыталась устроить побег. Помешали его тяжелые ранения…

Я рассказал Михаилу Захаровичу о судьбе его порученца. Капитан Червоиваненко спас документы. Он их доставил на наши позиции, но был смертельно ранен. Через несколько дней он скончался. Его посмертно наградили орденом Ленина.

* * *

Наступил Новый год. 1944-й…

Бокалы, стаканы, солдатские алюминиевые кружки в честь и в ознаменование Нового года мы подняли на правом берегу Днепра. Мы знали, что перелом свершился, что мы поднимались на трудный перевал, что еще несколько усилий, и мы одолеем его.

Противник еще раз отодвинулся на новые рубежи, уплотнил свою оборону. Линия фронта теперь проходила по Хортице, Новое Запорожье и далее по прежней линии. К нам на правый берег переправилась 6-я армия. Это дало возможность 8-й гвардейской армии несколько сократить фронт наступления и вступить в более тесное взаимодействие с частями 46-й армии.

Я, как командующий армией, получил возможность маневрировать своими войсками. Мы вывели из боя 4-й гвардейский корпус и рокировали его на правый фланг армии для совместного удара с 46-й армией западнее реки Базавлук в общем направлении на Апостолово.

Это решение было утверждено командующим фронтом, после того как он сам убедился, что отход противника вдоль шоссе Днепропетровск — Никополь приостановился, что лобовыми атаками на этом направлении мы ничего не сделаем. Перевод 4-го корпуса на правый фланг я мотивировал тем, что надо усилить

удары через Николаевку на Апостолово. Это позволило бы нам поставить под угрозу полного окружения всю никопольскую группировку противника и не только тем, что мы выходили ему во фланг и в глубокий тыл, но и тем, что, овладев Апостоловым, мы перерезали бы железную дорогу, проходившую вдоль берега Днепра и связывающую рудники с Кривым Рогом и с Николаевым. Тогда смысл удержания рудников для гитлеровского командования пропадал.

Разговор с командующим фронтом происходил на развилке дорог в двух километрах юго-восточнее поселка Чумаки. Малиновский был скор на решения, когда они предлагались с достаточным обоснованием. Тут же он дал указания мне и генералу В. В. Глаголеву, командующему 46-й армией, готовиться к удару смежными флангами армии на Апостолово и генералу И. Т. Шлемину, командующему 6-й армией — подготовить удар через Сергеевку на Никополь.

Мы стояли у порога нового наступления, нового этапа борьбы за криворожскую руду и никопольский марганец.

Почему же 8-я гвардейская армия, тесня в жестоких боях противника, выбивая его огнем и железом из каждого населенного пункта, не воспользовалась его отходом для того, чтобы развернуть наступление и на его плечах ворваться на новые позиции, а может быть, и даже овладеть Никополем? Мы едва поспевали со своей артиллерией за отступающим по непролазной грязи противником. Отход — есть одно из сложнейших боевых действий, а преследование противника должно сообразовываться со многими обстоятельствами. Одно дело отход в динамике боя. Здесь отход регламентирует наступающий. Преследование противника может осуществляться широким фронтом без потери в темпе, без остановок.

Эти же законы непрекращающегося, безостановочного преследования действуют и в случае глубокого прорыва обороны противника, при выходе подвижных войск в глубокие тылы. Еще более благоприятные условия для преследования противника создаются, когда удается выйти отступающему во фланг, как это сделал Кутузов, изгоняя наполеоновские войска из России.

Словом, если войска отступают под ударами наступающего, то здесь преследование должно вестись с напряжением всех сил.

Но когда войска противника отходят соответственно со своим планом, требуется крайняя осторожность, иначе можно натолкнуться на заранее подготовленную оборону, контратаку, которые могут поставить наступающие войска в тяжелое положение.

В ноябре — декабре 1943 года 3-й Украинский фронт

достигал своими ударами по противнику чаще всего тактических вмятин, прорвать в глубину его оборону не удавалось. Иногда эти тактические вмятины доходили до 5–10 километров, но противник всегда успевал подтягивать на угрожаемые участки свои резервы, и наше наступление, не поддержанное подвижными войсками, захлебывалось.

Противник отступал или отводил войска, как правило, до тех пор, пока наша пехота при поддержке артиллерии или танков имела силы двигаться вперед. Иногда он останавливался на заранее подготовленных позициях, которые мы с ходу преодолеть не могли.

4

Время шло и требовало от нас новых усилий для того, чтобы очистить от гитлеровцев правый берег Днепра в районе Никополя. Январь не принес нам облегчения. По-прежнему метеорологические условия препятствовали активным действиям нашей авиации, короткие заморозки сменялись длительными оттепелями. Снег переходил в дождь, дождь — в мокрый снег. Разлились по-весеннему неширокие речки, с холмов побежали ручьи, в балках бушевала вода. На оперативно-тактической карте иные степные речушки даже и не отмечались, но в движении они причиняли нам массу неприятностей. Мы вели бои с хитрым и сильным противником и одновременно боролись со стихией, преодолевая бесчисленные водные рубежи, грязь, туманы.

Все же 6 января к 15.00 мы закончили рекогносцировку переднего края обороны противника в районе действий 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Наметили исходные рубежи для атаки, установили наблюдательные пункты, выявили исходные рубежи для танков.

4-й гвардейский стрелковый корпус нацеливался для удара в общем направлении на Шолохово, чтобы совместно с частями 28-го гвардейского стрелкового корпуса отрезать пути отхода противнику из района Никополя. Но эту задачу в тот момент мы могли ставить только в перспективе развития наступления. Ближайшей целью было выйти силами корпуса на рубеж Красное — Приют — Сорочино, то есть выйти во фланг никопольской группировки противника.

Для первого удара по обороне противника корпус усиливался 9-й артиллерийской дивизией прорыва под командованием генерала Андрея Ивановича Ратова, 11-й танковой бригадой в составе 17 танков Т-34, 10-м танковым полком в составе трех

танков КВ и восьми самоходно-артиллерийских установок 152 мм, 991-м самоходно-артиллерийским полком в составе 12 самоходных орудий 76 мм. Всего на 7 километров прорыва корпус имел 40 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Авиация была нацелена на подавление огневых точек и узлов обороны противника, огневых позиций артиллерии и уничтожение его резервов, расположенных поблизости от участка прорыва.

План предстоящего наступления был утвержден командующим фронтом.

Предусматривалось прежде всего взаимодействие между 4-м и 28-м гвардейскими стрелковыми корпусами.

28-й гвардейский стрелковый корпус должен был поддержать наступление по овладению Николаевкой и новыми рубежами для наступления на Шолохове своим правым флангом.

46-я армия к наступлению не была готова.

Вот каким образом в этом плане ставились задачи различным родам войск.

1. **Пехота и танки**

Части 4-го гвардейского стрелкового корпуса прорывают передний край обороны противника, развивают успех на Шолохове, овладевают рубежом: Могила Орлова — южная окраина Николаевки.

Стрелковые части 28-го гвардейского стрелкового корпуса прорывают оборону противника и развивают удар на станцию и поселок Лошкаревка.

Танки используются для непосредственной поддержки пехоты.

2. **Артиллерия**

а) Орудия 152 и 203 мм уничтожают и разрушают огневые точки, наблюдательные пункты и блиндажи противника.

б) Используя орудия 45, 76 и 82 мм, артиллерия сопровождает пехоту огневым валом до трех километров (пять основных рубежей).

в) Общая задача артиллерии подавить артиллерию противника в районе Терноватка и южная окраина Николаевки, вести массированный огонь по основным узлам обороны противника: Три Кургана, Могила Орлова, южная окраина Николаевки.

г) Артиллерии быть готовой к отражению контратак из Терноватки и Приюта.

3. **Авиация** наносит бомбовые и штурмовые удары по узлам обороны противника и огневым позициям артиллерии, уничтожает ближайшие резервы и не допускает их подхода с

направлений Красное, Ново-Украинка, Лошкаревка.

4. **Инженерные части** сопровождают боевые порядки пехоты и танки в глубине обороны противника, производят разминирование дорог и объектов. Вместе с пехотой и танками участвуют в штурме и блокировке огневых точек и опорных пунктов противника.

5. **Химические войска** — по овладению Николаевкой стрелковыми частями должны быть готовы поднять дымовую завесу на рубеже: южная окраина Николаевки — Лошкаревка.

Ознакомившись с этим планом, в частности с положениями, касающимися действий артиллерии, можно заметить, что здесь впервые заходит речь о **сопровождении пехоты в наступлении огневым валом**.

Прием этот был в принципе не нов. Были попытки применить его в первой мировой войне. В Белорусском военном округе, где я служил в тридцатых годах, он не раз прорабатывался нами на учениях. Мне много приходилось размышлять о нем.

В практике 3-го Украинского фронта огневой вал применялся впервые.

При прорыве обороны на Северном Донце, под Барвенковом, под Запорожьем и на правом берегу Днепра мы не сопровождали пехоту и танки огневым валом. Артиллеристы 3-го Украинского фронта сопровождали пехоту и танки последовательным сосредоточением огня, чаще всего по вызову стрелковых частей. После артиллерийской подготовки по заранее разведанным целям открывался сосредоточенный огонь за несколько минут до атаки. В глубине наступления артиллерийский огонь велся по вызову командиров пехотных и танковых частей. Артиллеристы как бы завершали свою работу, уничтожая те огневые точки, которые ожили во время боя.

Огневой вал находил и своих сторонников и противников. Имелись и объективные причины, почему мы не торопились с его применением.

Огневой вал давал бесспорные преимущества, но он требовал очень большого количества боеприпасов и крайне тщательной подготовки наступления на всех его этапах.

В организации огневого вала мы можем усмотреть два варианта. Первый вариант — это одинарный огневой вал, второй вариант — двойной огневой вал.

Одинарный огневой вал требовал сосредоточения около 50 стволов на один километр прорыва. Двойной огневой вал требовал в два раза больше.

Артиллеристы создают огневой вал, то есть совершают 2–3-минутный огневой налет на позиции противника, за огневым

валом метрах в 200 наступают атакующие части.

Естественно, что во время этого короткого, но мощного огневого налета по траншеям и огневым точкам противник или совсем не может вести ответного огня, укрывшись в глубоких блиндажах, или ведет его ограниченными средствами. В это время в течение двух-трех минут пехота и танки делают на 200 метров скачок, прижимаясь ближе к своему огневому валу, и с новой позиции открывают интенсивный огонь по противнику. Артиллерия переносит вал еще на 100–200 метров вперед, в глубину обороны противника, на траншеи и огневые точки. Пехота и танки снова делают бросок вперед, сближаясь таким образом с противником для ближнего боя под прикрытием огневого вала.

При таком методе построения огневого вала темп наступления обычно составлял около 2 километров в час.

Для более надежного и ускоренного прорыва обороны служит двойной огневой вал. Тогда намечались основные рубежи огня и промежуточные.

Основные рубежи обычно накладывались на разведанные и точно установленные траншеи и позиции противника, по которым огонь велся непрерывно, до выхода на них атакующих частей.

Расстояния между основными рубежами могут быть 200–400 и 600 метров.

По основным рубежам огонь ведет первая артгруппа, которая состоит в основном из минометных стволов. Удар минометов по рубежам, отстоящим от пехоты на двести метров, не опасен. Сближение с огневым валом минометных стволов ближе чем на двести метров опасно из-за большого рассеивания мин.

Промежуточные рубежи, или, как их называли в просторечье, рубежи прочесывающие, накладывались через 100–200 метров. При этом для создания огневого вала использовались артиллерийские стволы, наиболее пригодные для точного прицельного огня. За промежуточными огневыми рубежами, как можно ближе прижимаясь к ним, шли пехота и танки, ни на минуту не останавливаясь.

При двойном огневом вале наступление велось непрерывно, а не скачками, как при одинарном огневом вале, и темп наступления пехоты мог достигать трех километров в час.

Двойной огневой вал был надежным обеспечением прорыва обороны. Из своей практики я не знаю случая, чтобы пехота или танки были бы отсечены огнем противника от своего огневого вала, чтобы они не прошли за огневым валом на всю его глубину.

Единственное условие: огневой вал требовал большого расхода мин и снарядов. Из-за трудностей с подвозом

боеприпасов во время нашего наступления летом 1943 года и на Никопольском плацдарме мы не могли его применить.

Николай Митрофанович Пожарский, командующий артиллерией армии совершил поистине героические усилия, чтобы создать возможность одинарного огневого вала. Не хватало самых дефицитных и самых необходимых снарядов калибра от 122 мм и выше. Собрав так называемые недефицитные снаряды и мины калибра 45, 76 и 82 мм, генерал Пожарский спланировал глубину огневого вала лишь до трех километров.

Мокрый снег, грязь на дорогах, черноземные топи на пашнях очень затрудняли передвижение войск. Однако несмотря на эти трудности войска вышли на исходные рубежи к 9 января.

В частях в это время офицеры вели занятия с солдатами, разъясняя им, что такое огневой вал, как надо действовать под его прикрытием. Шла и практическая отработка этого маневра. В этой подготовке огромная роль принадлежала работникам политотделов.

10 января. Началось…

Командование армии собралось на наблюдательном пункте, откуда можно было видеть атаку наших частей на железную дорогу, которая особенно тщательно была прикрыта оборонительными рубежами гитлеровцев.

Наступление началось тридцатиминутной артиллерийской подготовкой. В артиллерийской подготовке Николай Митрофанович Пожарский ставил на этот раз ограниченные дели. Огонь велся прицельно по мощным укрытиям противника, по артиллерийским позициям, по огневым точкам.

В 9 часов 35 минут поднялась пехота, на траншеи противника обрушился огневой вал, положив первый рубеж огня. Пехота стремительным броском достигла границ огневого вала. Он был перенесен на второй рубеж. Пехота ворвалась в первые траншеи противника. Короткая огневая и рукопашная схватка, и наша пехота устремилась ко второй линии траншей, прикрытая вторым рубежом огневого вала. В том же стремительном темпе гитлеровцы были выбиты и из вторых траншей.

На одном из рубежей была захвачена в плен целиком рота гитлеровцев. Ни один солдат этой роты практически не смог оказать сопротивления. Плотно накрытая огневым валом, рота ушла из траншей и укрылась по блиндажам, откуда так и не вышла, пока наша пехота не захватила траншеи.

Мне рассказывали потом солдаты, что под огнем нашей артиллерии оживали лишь редкие огневые точки.

В результате короткого удара, почти без потерь, мы вышли на дорогу Софиевка — Николаевка.

Немцы предприняли ряд ожесточенных контратак, чтобы отбросить наши части. За день было отбито пять контратак. Противник нес потери, нигде отбить утерянных позиций не смог.

К сожалению, наши возможности создания огневого вала очень быстро иссякли.

В 11 часов 30 минут нашими радистами была перехвачена и расшифрована радиограмма противника: «16-й моторизованной дивизии Клаузена немедленно сосредоточить танки кладбище Николаевка».

В это время наши танки подошли к кургану Могила Орлова и сосредоточились для внезапной атаки. Они были остановлены в засаде, им было приказано встретить танковую атаку врага с места.

Расчет противника и в контратаках и в обороне строился на его превосходстве в танках. Тут создалась возможность показать, как сталинградцы умеют разделываться с танками.

Наши танки стояли за курганом в кустарнике. Немецкие танки ударили во фланг наступающей пехоте с кладбища под Николаевкой.

Колонна немецких танков, не менее тридцати машин, устремилась к кургану Могила Орлова, пытаясь разрезать наши стрелковые части. До кургана Могила Орлова им нужно было преодолеть расстояние в четыре километра. Они шли на полном ходу и волей-неволей подставили свои борты под огонь орудий наших танков. Они с места открыли огонь. Мгновенно запылали огнем немецкие танки. Четыре «тигра» взорвались на наших глазах. Всего противник за несколько минут потерял 10 танков.

Остальные, круто развернувшись, откатились назад. Наша пехота бросилась в атаку, используя замешательство в рядах противника. На рубеже Могила Орлова оборона противника была прорвана. Наши части трудным броском по грязи продвинулись от 5 до 8 километров вперед. Развить этот успех было нечем. Мы натолкнулись на оборону, которую на этот раз держали танковые части.

До вечера изменений на участке прорыва не произошло.

Было принято решение — ночью закрепиться на захваченном рубеже, подтянуть, пользуясь тем, что в темноте авиация противника бездействует, к передовым линиям артиллерию, подвезти боеприпасы и с утра 11 января начать новые атаки.

11 января бои начались в 9 часов утра, с поздним зимним рассветом.

Бездорожье не дало нам возможности полностью обеспечить новую атаку артиллерийской поддержкой. Многие орудия никак не удавалось протащить через грязь и переправить через балки и

овраги, до краев наполненные талой водой.

Наступление 11 и 12 января не дало значительного успеха, но кое-где нам удалось продвинуться вперед.

35-я гвардейская стрелковая дивизия овладела северной окраиной поселка Базавлучек.

47-я гвардейская стрелковая дивизия вышла к железной дороге юго-западнее Николаевки, идущей на Апостолово.

39-я гвардейская стрелковая дивизия полностью очистила от противника Николаевку и вышла к железной дороге южнее этого важного железнодорожного пункта.

88-я гвардейская стрелковая дивизия, используя успех соседа справа, заняла станцию Лошкаревка и поселок Новая Заря.

Нужно было делать опять остановку для того, чтобы переместить прежде всего артиллерию. Именно «переместить». Слово «перевезти» здесь никак не подходит. По дорогам, где грунт был все же укатан, могли передвигаться, и то с трудом, танки и тягачи на гусеничном ходу. Все вязло в совершенно разбухшей от избытка влаги земле. Натыкались на немецкие танки, увязнувшие по башню в тех местах, где разлились безымянные ручьи и ручейки. Выручала нас конная тяга. И для лошади путь был тяжел… Боеприпасы доставлялись вручную, в заплечных ящиках, на повозках. А это все требовало времени.

Бои 10–12 января показали, что противник надломлен, его живая сила и техника перемалывались. Он в своих опорных пунктах обеспечен боеприпасами, но возможности маневрировать резервами и для него ограничены. Нужен еще нажим, еще удар, нужно было совершить какое-то усилие, и его оборона должна была развалиться.

Вся оборона гитлеровцев теперь держалась на линиях траншей и контратакующими группами танков по 10–15 машин в группе. На сильные и концентрированные контратаки противник не шел, видя, что в таких контратаках он несет невосполнимые потери.

Не имела возможности маневра и артиллерия противника, видимо, начал у нее ощущаться недостаток в боеприпасах.

Немецкая авиация действовала тоже ограниченно. Раскисшие аэродромы поблизости от линии фронта не давали возможность взлетать тяжелым самолетам.

Мы могли сделать вывод, что огневой вал, хотя он был и недостаточно мощным, принес большой эффект. В следующем наступлении надо было готовить огневой вал с привлечением больших сил.

15 января представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский и командующий фронтом Р. Я. Малиновский вызвали меня на совещание в штаб 46-й армии в Софиевку. На совещании присутствовали командармы 46-й и 37-й генералы В. В. Глаголев и М. Н. Шарохин. 37-я армия также была включена в состав 3-го Украинского фронта.

На совещании рассматривались перспективы дальнейших действий 3-го Украинского фронта. Как активизировать действия армий, какие для этого необходимо принять меры? Александр Михайлович Василевский сообщил, что Ставка Верховного Главнокомандования требует быстрейшего освобождения Никополя и возвращения никопольских марганцевых рудников.

Мы, командующие армиями, со своей стороны выступили с контрпросьбами пополнить войска людьми, танками, техникой, которую можно было бы использовать для подвоза боеприпасов.

Василевский записывал в блокноте наши требования, затем поставил вопрос: какой бы мы, командующие армиями, предложили оперативный план наступательных действий, чтобы наступление наконец получило бы широкое развитие и задача, поставленная Ставкой, была выполнена? Мы были не подготовлены к такому вопросу, а говорить экспромтом о большой операции было нельзя. Василевский предложил нам разъехаться по армейским штабам, подготовить свои предложения и доложить их ему или Малиновскому.

Срок на обдумывание — одни сутки.

В свой штаб я возвращался по раскисшей дороге. Вездеход еле-еле пробивался сквозь месиво грязи. В дороге у меня и созрел план перестроения войск для более эффективного удара.

В штабе я все рассчитал на карте, сделал на ней необходимые отметки и позвонил по телефону Р. Я. Малиновскому. Обиняками, не прямо, конечно, я изложил командующему фронтом основы своего предложения.

В чем же состояла суть этих предложений?

Я предлагал как можно быстрее перевести 6-ю армию генерала И. Т. Шлемина с левого берега Днепра на правый, в кратчайший срок закончить смену частей 8-й гвардейской армии частями 6-й армии от Днепра до поселка Дружба. За счет этого сокращения фронта армия получала возможность высвободить 29-й гвардейский корпус для концентрированного удара на правом фланге армии. Концентрируя силы для удара своим правым флангом, я считал нужным, чтобы ту же операцию проделал для своего левого фланга мой сосед В. В. Глаголев. Поэтому я предложил за счет растяжки фронта 37-й армии генерала Шарохина высвободить для удара на Апостолово также

и два корпуса 46-й армии.

Концентрированный удар предлагалось нанести смежными флангами 8-й гвардейской и 46-й армий на фронте: Михайловка, Новые Ковна, Терноватка, Лошкаревка в общем направлении на Апостолово.

По достижении стрелковыми частями рубежа Сталинское — Павлополье я предлагал ввести в прорыв вновь прибывший в состав фронта 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Т. И. Танасчишина.

Тут же мной была отправлена телеграмма с этим планом наступательных операций в штаб фронта. Ответа долго ожидать не пришлось.

Спустя сутки Родион Яковлевич Малиновский сообщил по телефону, что штабом фронта готовится директива, что командующий 6-й армией генерал И. Т. Шлемин получил категорическое указание ускорить перевод всей армии на правый берег Днепра, чтобы сменить войска 8-й гвардейской армии на участке Днепр — поселок Дружба. Таким образом, полоса фронта перед 8-й гвардейской армией сокращалась на 60 километров.

5 февраля сомкнулись в ночном бою фланги двух армий — 46-й и 8-й гвардейской, фланги сомкнулись в Апостолово. Город был освобожден совместными усилиями 4-й гвардейской стрелковой дивизии 31-го гвардейского стрелкового корпуса 46-й армии и 74-й гвардейской стрелковой дивизии 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии.

Устанавливались новые разграничительные линии действий 8-й гвардейской армии.

С соседом справа (46-я армия генерала В. В. Глаголева): Михайловка, Благодатное, Назаровка, Сталинское, Александровка. Железная дорога Днепропетровск — Апостолово включалась в полосу наступления 8-й гвардейской.

С соседом слева (6-я армия генерала И. Т. Шлемина): Славгород. Вовнино, Гаркушино, Дружба, Ивановка, Богдановский.

В соответствии с вышеизложенным планом, 29-й гвардейский стрелковый корпус скрытно переводился на правый фланг и группировался в районе Верховки, Благодатного, Черниговки, Марьевки. Эта передислокация проводилась со всеми мерами предосторожности, чтобы противник не разгадал нашего маневра. Офицерам и солдатам было сказано, что они выходят в резерв фронта…

Частям 4-го и 28-го корпусов особой перегруппировки производить не приходилось. Они уплотнялись за счет сдвига дивизий, смененных частями 6-й армии.

Вся эта перегруппировка войск была произведена за три ночи с 16 по 18 января.

В это время штаб армии и все его вспомогательные службы перебазировались в Николаевку и отрабатывали план решительного наступления для армии.

Теперь уже реально создались предпосылки для полного окружения и уничтожения никопольской группировки противника.

Все это разрешало первый пункт в плане наступательных операций армии сформулировать таким образом: «Армия наносит решительный удар своим правым крылом силами 29-го и 4-го гвардейских стрелковых корпусов в направлении Каменка, и во взаимодействии с левофланговыми частями 46-й армии окружают и уничтожают никопольскую группировку противника, отрезая ей пути отхода в район Апостолово. 28-й гвардейский стрелковый корпус прочно обеспечивает левое крыло армии и своим правым флангом содействует 4-му гвардейскому стрелковому корпусу, наступая вдоль р. Базазлук».

Теперь, когда читатель посмотрит на карту боевых действий того времени, ему покажется все простым и ясным.

Удар наносился силами двух корпусов 8-й гвардейской армии, при поддержке силами третьего корпуса. От 46-й армии действовали также два корпуса. Все это было сконцентрировано на узком участке фронта. Силы достаточные для прорыва и развития его в глубину, если учитывать еще и силы 4-го гвардейского механизированного корпуса. Но военные действия совершаются не по карте, а на земле, на местности, с учетом всех условий времени года.

Я уже не раз говорил здесь о тяжелейших природных условиях, в которых приходилось проводить наступление. Я хотел бы, чтобы читатель зримо представил, что происходило в это время на полях южной Украины. Зима почти без снега. Если и выпадал снег, то тут же и таял. Редкие ночные морозы сковывали землю, но наступавшая оттепель опять все распускала. Промерзшая и оттаявшая земля превращалась в кисель. Все текло, все лощины были доверху заполнены грязными потоками талой и дождевой воды.

Учитывая трудности движения войск по бездорожью, мы основную задачу по рассечению группировки противника и по ее окружению расчленяли на два этапа. Конечная задача была изложена выше. Ставилась и ближайшая задача для наступающих войск 29-го и 4-го гвардейских стрелковых корпусов, а именно: прорвать оборону противника на участке Базавлучек до реки Базавлук (10 км) и выйти на рубеж: Красное, Приют, Звезда, с

дальнейшим движением на Апостолово через Каменку.

Атаку пехоты и танков было намечено обеспечить огневым валом от переднего края до линии Красное, Приют, Лошкаревка.

Оперативное построение армии предусматривалось в один эшелон, боевые порядки корпуса в одну линию. В резерве оставалась 39-я гвардейская стрелковая дивизия.

Боевой порядок дивизии строился в два эшелона.

Особенно тщательно разрабатывался план действий артиллерии, ибо нам предстояло на этот раз вести бой на суженном плацдарме противника, уплотненном предыдущим отводом его войск, а также его отступлением под нашими ударами. Уплотнены, стало быть, были и его огневые средства.

29-му гвардейскому корпусу придавались как средства усиления восемь артиллерийских полков: три минометных, два легких пушечных, один гаубичный, два истребительно-противотанковых и один полк гвардейских минометов.

4-му гвардейскому корпусу — семь артиллерийских полков: три минометных, один легкий пушечный, два истребительно-противотанковых, один полк гвардейских минометов.

На направлении главного удара создавалась артиллерийская группа дальнего действия в составе трех пушечных и одного легкого полка со средствами разведки и корректирования огня.

Армейская группа разрушения имела один дивизион 203 мм орудий, бригаду гвардейских минометов 300 мм с одним залпом.

Артиллерийская подготовка планировалась на 50 минут.

В задачи авиации входило прикрытие перегруппировки войск, запрет разведывательных полетов противника, разведка и по возможности фотографирование полосы обороны. В момент атаки авиация должна была нанести бомбовые удары по опорным пунктам обороны противника и штурмовать его боевые порядки. На авиацию возлагалась задача следить за подходом резервов противника, не допуская их до передовой линии.

Танковые части мы решили не распылять. Они все были приданы на усиление 29-му гвардейскому стрелковому корпусу, полоса наступления которого проходила без пересечения железной дороги.

Кроме того, корпуса получали по два штурмовых батальона саперной бригады, которые отдельными штурмовыми группами нацеливались на особо прочные оборонительные сооружения.

4-й гвардейский механизированный корпус предусматривалось ввести при завершении прорыва обороны противника на полную тактическую глубину до рубежа поселка Павлополье.

Задумались и мы над чисто тактическими задачами

предстоящих боев. Обычные поиски боевого приема, который создавал бы если не внезапность, то неожиданность для противника. Полностью обеспечить внезапность наступления было невозможно. Прежде всего противник ждал нашего наступления, и ждал, конечно, именно в самом уязвимом для себя направлении — на Апостолово. В какой-то степени нам удалось скрытно провести перегруппировку войск, но именно в «какой-то степени». Движение было столь стеснено бездорожьем, что мы не имели возможности эту перегруппировку провести молниеносно, а всякая затяжка могла привести к возможности получения противником нежелательной информации. Стало быть, мы должны были найти что-то в тактике боя, что явилось бы для противника неожиданностью. Мы должны были отойти от обычного шаблона в организации наступления. Так родился прием — разведка боем, перерастающая в наступление. Авторами этого приема были командиры соединений 8-й гвардейской армии. Позже, во время Ковельского прорыва и Висло-Одерской операции этот прием в нашей армии получил наименование «особого эшелона».

В чем состояло отличие этого приема от установившейся традиции организации наступления?

Силовая разведка боем проводилась и ранее. Строилась она таким образом. Перед наступлением дивизии первого эшелона выделяли для силовой разведки боем по одному, иногда по два батальона. Иногда батальоны усиливались танками. Эти батальоны при поддержке одного-двух дивизионов артиллерии за одни-двое суток да наступления атаковывали заранее намеченные объекты и опорные пункты обороны противника. Атакой выявлялись слабые и сильные места вражеской обороны, во время боя противник вскрывал расположение своих огневых средств. В результате мы могли уточнить систему обороны, по которой надо было сосредоточить огонь артиллерии.

Противник уже знал, что после такой разведки боем именно на этом участке через день-два утром начнется наше наступление. Естественно, что он подтягивал заранее к этому участку фронта свои резервы. В иных случаях он шел и на более сложный маневр. Перед нашим наступлением он отводил войска из первых траншей, и наша артиллерийская подготовка проводилась по пустым траншеям. А во вторых траншеях, в глубине обороны, он встречал наши атакующие части плотным огнем из огневых точек, не разрушенных нашей артиллерией. Отвод войск с первых рубежей причинял нам немало хлопот. Мы занимали какую-то территорию или позицию без особого труда, но приходили с дефицитом в боеприпасах ко второй линии обороны или позиции.

Именно на этом, тоже отработанном приеме противника с отводом войск мы и решили его поймать.

Прежде всего было изменено время силовой разведки. Если раньше силовая разведка проводилась накануне наступления, на этот раз она была намечена буквально перед наступлением, перед атакой.

На этот раз силовая разведка должна была проводиться как наступление, с перерастанием без паузы в настоящее наступление всеми силами.

Что это нам давало?

Если противник, узнав о готовящемся нашем наступлении, отвел бы свои главные силы с первой позиции, оставив на них лишь боевое охранение, то наша силовая разведка при поддержке артиллерии уничтожила бы его боевое охранение и овладела бы первыми позициями, не вводя главные силы в бой. Если же противник решит оборонять первые позиции и наша силовая разведка будет остановлена его огнем, то для отражения этой атаки ему придется пустить в ход всю систему своего огня, полностью раскрыв ее перед нашим наступлением. Пока ведется силовая разведка, наши артиллеристы и все наблюдательные пункты получают возможность засечь огневую систему противника. На обработку этих данных потребуется не более одного-двух часов. Через час или через два часа после такой силовой разведки мы могли начать полную артподготовку перед атакой всеми силами. Огонь нашей артиллерии при таких условиях приобретал наибольшую результативность — за час-два противник не мог произвести серьезной перегруппировки.

Вместе с тем здесь приходил в действие и психологический фактор. Противник, отразив силовую разведку, мог полагать, что наступление, как это и было раньше, начнется лишь на следующий день, он расслаблял свое внимание, ожидая почти суточной и более передышки. Вместо паузы он получал уничтожающей силы артиллерийский удар, а вслед за ним и атаку всеми силами.

Прием этот как будто бы прост. Но читатель должен уяснить себе, что простых приемов в бою не бывает, когда войска должны наступать в сложном взаимодействии. Любой тактический прием только тогда имеет ценность, когда доступен для понимания каждому бойцу, когда он может быть исполнен всеми, начиная от офицеров и кончая рядовыми бойцами. Суворов когда-то говорил, что «каждый солдат должен понимать свой маневр». Эти слова сказаны им не случайно. Над картой, в тиши блиндажа или в кабинете, командующий армией, фронтом, штабной офицер может изобрести немало тактических приемов со сложнейшими

перестроениями, которые в умозрительном плане могут показаться и весьма эффективными. Но они должны быть обязательно просты, легки в исполнении, их должны освоить, а не только понять непосредственные исполнители, солдаты. Когда имеешь дело с большими людскими массами, в которых тысячи различных характеров, быстрых, медлительных, с великолепной реакцией, с реакцией замедленной, — достигнуть этого не просто. Выучка войск именно и измеряется по освоенным ими приемам боя. В бою легких маневров не бывает, ибо противник тоже не дремлет, он следит за тобой, он может разгадать твой прием, если ты помедлил с его исполнением, и применить контрприем, в результате которого ты понесешь тяжкие потери.

Солдаты 8-й гвардейской армии по опыту боев в Сталинграде верили в своих командиров. Поэтому все новое, что привносилось в 8-й гвардейской армии, подхватывалось и изучалось. Это большое, великое дело — доверие солдата к замыслу командира, оно порождало желание понять и освоить этот замысел, ибо самая гениальная мысль командира, если в нее не уверовал солдат, если он ее не понял, неспособна ничего породить, кроме путаницы.

Дня за три до наступления командующий фронтом приехал на курган Могила Орлова и пригласил к себе меня, командующего 46-й армией генерала В. В. Глаголева и командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Т. И. Танасчишина. Здесь Малиновский дал последние указания о взаимодействии флангов 8-й гвардейской и 46-й армий. На этом совещании присутствовал и представитель Ставки А. М. Василевский.

Я поинтересовался у Малиновского, каким образом будет введен в бой корпус Танасчишина.

Малиновский хитро переглянулся с Василевским.

— Ну, что же, — сказал он. — Сейчас трудно это предугадать. Все зависит от того, как пойдет наступление, где образуется прорыв. Все зависит от того, какая из армий выйдет первой на рубеж Златоустовка, Ново-Украинка, Павлополье… Где будет прорвана оборона противника, там и введем танки в бой…

Нам дали понять, что призывают нас к некоторому соревнованию. Мы с Глаголевым понимающе переглянулись…

6

Войска вышли на исходные рубежи. В соединениях и частях прошла отработка планов боя, на ящиках с песком проведены

военные игры, разработана тактика силовой разведки с перерастанием в наступление всеми силами. Артиллеристы заняли свои позиции.

8-й гвардейской армии противостояли 46, 306, 123, 387-я пехотные и 16-я моторизованная дивизия противника.

Передовой командный пункт армии в эти дни был размещен на кургане Могила Орлова в шести километрах западнее Николаевки. Командные пункты корпусов и дивизий по сталинградским традициям были как можно больше выдвинуты вперед, поближе к передовым частям, а наблюдательные пункты — к переднему краю. Генералы и офицеры, командный состав 8-й гвардейской — Пожарский, Вайнруб, Ткаченко, Семенов, Велькин, Мережко, Петров, Павлов, Копаненко, Касюк, Хижняков и другие были на наблюдательных пунктах оперативного руководства. Все поле боя должно было находиться у них перед глазами.

30 января наша армия и 46-я вели разведку боем, войдя в соприкосновение с противником, не выпуская его из-под наблюдения.

Рано утром 31 января войска 29, 4 и 28-го гвардейских стрелковых корпусов начали разведку боем силами батальона от каждой дивизии на фронте протяженностью около 10 километров. Результаты разведки боем показали, что противник не собирается оставлять своих передовых позиций, что он цепляется за каждый клочок земли.

30-го января 37-я и 6-я армии 3-го Украинского фронта также перешли в наступление частью сил с целью отвлечения внимания противника от направления нашего главного удара.

Были захвачены в плен солдаты и младшие офицеры 123-й и 306-й пехотных дивизий противника. Они показали, что немецкое командование не собирается отводить войска с передовых рубежей, рассматривая их как крайнюю линию обороны Никопольского плацдарма.

Вскоре были обработаны и обобщены все данные разведки боем. Атакующие батальоны залегли, ведя огонь по противнику в ритме общей подготовки наступления, чтобы противник ни на секунду не ощутил паузы в бою.

В 8 часов 25 минут началась артиллерийская подготовка.

Артиллеристы были спокойны. Они знали с полной достоверностью, что их снаряды попадут не в пустоту, а обрушатся на траншеи, заполненные живой силой и техникой противника.

Первыми дали залпы гвардейские минометы, прославленные «катюши». Все запылало в стане противника. Затем начался прицельный огонь по выявленным огневым позициям. Фонтаны

жидкой грязи и земли вздымались к небу. Взлетали на воздух перекрытия блиндажей, брустверы окопов, бетонированные колпаки.

Через пятьдесят минут на позиции противника лег огневой вал. Наша пехота и танки поддержки пехоты двинулись в наступление.

Перебежки по топкой грязи делать невозможно. Пехота двигалась медленно, но верно. Подавляя очаги сопротивления, прикрытая своим огневым валом, она неуклонно продвигалась вперед. К концу дня была решена ближайшая задача всего наступления. Наши войска вели бой за поселки Красное, Приют, Звезда, Лошкаревка.

Противник переходил в контратаки, но мы видели, что эти контратаки становятся все слабее и слабее. Сопротивление врага было на излете.

К концу дня все контратаки были отбиты с большими для противника потерями.

Мы опасались, что ночью противник все же начнет отвод своих войск, поэтому и ночью продолжали разведывательные бои.

Утром 1 февраля дивизии 8-й гвардейской армии после короткой артподготовки ввели в бой вторые эшелоны.

29-й гвардейский стрелковый корпус генерала Я. С. Фоканова овладел поселками Красное и Приют, развивая наступление на Ново-Украинку. 4-й гвардейский стрелковый корпус генерала В. А. Глазунова овладел Павлопольем и выдвинулся на юг между железной дорогой и рекой Базавлучек.

Прорыв обороны противника свершился на всю тактическую глубину.

Около 13 часов я доложил командующему фронтом и представителю Ставки, что фронт гитлеровцев 8-й гвардейской армией прорван.

Р. Я. Малиновский и А. М. Василевский находились в это время на наблюдательном пункте командующего 46-й армией генерала В. В. Глаголева. Там же был и командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал Т. И. Танасчишин.

Родион Яковлевич выслушал мой доклад и приказал ждать его прибытия на командный пункт. Примерно через час Малиновский и Василевский прибыли на курган Могила Орлова. С кургана они могли видеть, как наши части втягивались на северную окраину Павлополья. Малиновский дал приказ о вводе мехкорпуса в бой. Вскоре подошли к исходным рубежам колонны 4-го гвардейского механизированного корпуса. Генерал Танасчишин действовал оперативно. Вслед за частями 29-го и 4-

го гвардейских стрелковых корпусов танки механизированного корпуса устремились в чистый прорыв. Наша авиация и артиллерия переключились на обеспечение действий 4-го гвардейского мехкорпуса.

Вводом в прорыв механизированного корпуса была решена участь мощной группировки гитлеровских войск, удерживавшей многие месяцы плацдарм на правом и левом берегах Днепра в районе Никополя, прикрывавшей марганцевые рудники. К вечеру 1 февраля начала портиться погода, авиация лишилась возможности активно действовать. На землю опустился густой, почти непроницаемый туман. Хлынул дождь. Поплыл грунт под ногами. На полях разлились глубокие лужи, они превращались в озера.

Стремительно темнело. Танки Танасчишина и наша пехота двигались почти нога в ногу, пробиваясь с трудом в тумане. К концу дня враг был выбит из Ново-Украинки, Петропавловки, Ново-Ивановки, Водяного, Крутого Берега. Связь между наступающими частями едва-едва поддерживалась. Наши войска, несмотря на сплошной туман, продвигались вперед, противник сдержать натиск наступления уже не имел сил.

Второго февраля погода не улучшилась. Белым днем ничего не было видно далее десяти-пятнадцати метров. Даже выстрелы в тумане глохли, как в вате. Туман обволакивал все, набухали от влаги солдатские шинели, на сапоги липли пуды грязи. Идти было неимоверно трудно. Но наши части двигались вперед. Задачи были ясны из общего плана наступления.

Что же было делать командованию армии, командирам корпусов и дивизий? Оставалось одно — двигаться за войсками, чтобы не потерять с ними связи, не потерять управления. Но, оставляя командные пункты, мы теряли связь со штабом фронта. Однако задачи нам были ясны, в этой обстановке важнее было иметь связь с войсками. Я отдал приказ: «Командирам корпусов и дивизий с передовых пунктов управления взять радиостанции и следовать за наступающими войсками. Передовой пункт управления армии будет следовать вдоль железной дороги на Апостолово».

Со мной тронулись в путь, в густую пелену тумана, член Военного совета генерал Доронин, генерал Пожарский, полковники Вайнруб, Хижняков и другие. Для связи со штабом фронта на командном пункте армии был оставлен со своим аппаратом начальник штаба генерал Владимиров.

Мы разместились в вездеходах, в сопровождение взяли один танк КВ. Подъехали к железнодорожному полотну. Но по железнодорожной насыпи ехать было невозможно. Гитлеровцы

взломали полотно, шпалы торчали дыбом. Рельсы валялись вдоль и поперек. Вдоль железнодорожной насыпи можно было продвигаться с большим трудом. Каждая лощинка, каждая низинка оказывались трудно преодолимым препятствием.

Мы медленно продвигались за войсками, пытаясь несколько раз установить связь с передовыми частями. Ни одна наша попытка не увенчалась успехом.

К 12 часам дня мы добрались до поселка Петропавловка. В Петропавловке со мной на связь вышел начальник штаба армии генерал Владимиров.

Из Петропавловки удалось связаться и с войсками. Из 29-го гвардейского корпуса сообщали, что занята Алексеевка, идут бои за станцию Желтокаменка и за поселок Каменка. Части корпуса были близки к выполнению основной задачи наступления.

Войска 4-го гвардейского корпуса действовали с войсками 29-го гвардейского стрелкового корпуса и вели бои за Каменку и за поселок Шолохово.

28-й гвардейский стрелковый корпус вел бой за Шевченково, Максимовку, Любимовку.

4-й гвардейский механизированный корпус совместно со стрелковыми частями вел бой за Каменку и Шолохово.

Мне также сообщили, что 6-я армия И. Т. Шлемина наступает с севера на Марганец.

Совсем еще недавно рубеж Шолохово — Каменка казался почти недостижимым, хотя на карте он был и близок от недавней линии фронта. Теперь уже красный карандаш упирался в Апостолово и Перевизские Хутора. Эти две точки находились теперь в пределах достижимого и для войск.

Мы получили из штаба армии сведения, что противник начал отвод частей 306-й и 387-й пехотных дивизий на участке реки Базавлук и в районе поселка Дружба.

Вместе с тем поступали сообщения, что наши войска продолжают продвигаться вперед. Образовался прорыв в линии фронта противника на участке Апостолово — Перевизские Хутора. Прорыв этот был крайне опасен для противника. Здесь были разбиты наголову нашими войсками 123-я пехотная и 16-я моторизованная дивизии. Чтобы как-то залатать прорыв, немецкое командование ввело в бой несколько специальных подразделений. Кроме того, все виды разведки показывали, что произошло выдвижение 3-й и 17-й пехотных дивизий с Никопольского левобережного плацдарма через Никополь на правый берег Днепра. Войска 46-й армии генерала Глаголева также успешно развивали наступление на Апостолово.

Весь фронт пришел в движение, все заколебалось.

Становилось очевидным, что в районе Марганец, Никополь, Чумаки, Чкалово попали в полуокружение 5–6 немецких дивизий, что для них остался свободным коридор между разлившимися речками Соленая и Каменка с севера и Днепром с юга. В этой обстановке противник, безусловно, должен будет приложить все усилия, чтобы как-то остановить наше продвижение и закрепиться хотя бы на короткое время по южным берегам Каменки и Соленая. Это дало бы ему возможность вырваться в оставшуюся горловину через Апостолово и Большую Костромку.

Перед нами Ставкой были поставлены две задачи, выполняемые последовательно. Первая — захватить Апостолово, Марьянское, Чертомлык, Шолохово и тем самым перерезать пути отхода немецким частям из района Никополя на запад. Вторая задача — армия повертывала на Никополь.

В Петропавловке я наметил дальнейший план наступления и, пользуясь установившейся оттуда связью с войсками, передал им свое решение.

Решением командарма предлагалось:

Командиру 29-го гвардейского стрелкового корпуса с прежними средствами усиления нанести удар через Каменку с задачей выхода на рубеж Апостолово — Запорожье, с направлением на Марьянское.

Командиру 4-го гвардейского стрелкового корпуса с прежними средствами усиления нанести удар через Шолохово с ближайшей задачей отрезать пути отхода противника через Перевизские Хутора и в дальнейшем выйти на рубеж Чертомлык, Екатериновка, Кирово.

Командиру 28-го гвардейского стрелкового корпуса перейти в решительное наступление по всему фронту с задачей — к исходу дня овладеть рубежом Кирово — Ново-Ивановка.

27-й гвардейской стрелковой дивизии после прохода через занятый ею рубеж войсками 46-й армии с 11-й танковой бригадой и 5-м танковым полком сосредоточиться в районе Запорожец — Ново-Ивановка.

Командир 4-го гвардейского мехкорпуса получил указание штаба фронта перенацелить свой удар с Апостолово на Никополь, уничтожить скопление войск и техники противника в Чкалово-Никополь и выйти к переправам через Днепр.

Передав по радио в войска это решение, я приказал армейской оперативной группе двигаться через Ново-Ивановку на Шолохово, ибо оттуда надо было разворачивать фронт наступления на Никополь.

Чем дальше мы продвигались на юг, тем хуже и хуже становилась дорога. Шел дождь со снегом. Украинский чернозем

размяк на большую глубину. Колесным машинам по дорогам двигаться не было никакой возможности. Вездеходы в несколько рядов двигались по полю, каждая машина оставляла за собой такую глубокую колею, что вслед за ней другая машина идти не могла, она сейчас же садилась на картер. На дорогах, в полях стояли сотни увязших немецких автомашин, сотни и тысячи… Попадались завязшие танки, бронемашины, масса орудий была брошена в грязи.

Наша колонна из 20 «виллисов» и одного танка КВ на переходе от Ново-Ивановки к Шолохово подошла к речке Базавлук. Летом эта речка пересыхает, превращается в едва заметный ручеек, ее можно перейти вброд. В эти дни она разлилась на 100–200 метров, превратившись в серьезный водный рубеж с глубиной около метра. Выручало нас, что под водой не растаял лед и не раскис мерзлый грунт. Колесный обоз, повозки с лошадьми проходили через речку вброд. На машинах переехать через нее было невозможно. Пришлось сначала переправить танк КВ. Затем стальным тросом цепляли по две-три автомашины и танк буксировал нас на другой берег. Переправились. Но дальше не стало легче. «Виллисы» не могли двинуться с места. Тогда все двадцать машин были одна к другой сцеплены тросами и нас поволок за собой танк.

В Шолохово мы добрались только к вечеру. Нас там встретил командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал В. А. Глазунов, который добрался туда пешком, погрузив на себя и на своих офицеров радиостанцию, питание к ней и штабные документы.

Передовое армейское управление разместилось в больнице поселка. Мы разбирались по карте в сложившейся обстановке. К нам внезапно явился генерал Танасчишин. Он пришел ко мне за помощью. Командир корпуса, имевший в своем распоряжении более тысячи автомашин, попросил у меня хотя бы полсотни конных подвод, чтобы подвезти своим частям горючее и боеприпасы. Машины буксовали в грязи.

Вдобавок ко всему ночью повалил мокрый снег и опять опустился густой туман. Рация наша не работала. Мы промочили на переправе батареи питания. Все попытки связаться со штабом армии, который в это время находился в Николаевке, окончились неудачей. С войсками связь была тоже утеряна. Хорошо, что мы из Петропавловки успели поставить задачи корпусным командирам.

С помощью раций Василия Афанасьевича Глазунова и Танасчишина я связался с командиром 29-го гвардейского корпуса генералом Я. С. Фокановым. С командиром 28-го

гвардейского стрелкового корпуса связи установить не удалось. Ничего другого не оставалось, как расположиться на ночлег. Танасчишин принес из своего танка консервы, мы вскипятили чай и устроили походный импровизированный ужин. Надо было ждать рассвета.

Рано утром мы услышали гул канонады. Приказ о наступлении выполнялся…

Связисты наладили связь. У меня не оказалось с собой кодовой таблицы, и я мог вести разговор с начальником штаба генералом Владимировым, пользуясь лишь условным языком. Мы узнали друг друга по голосу, я сообщил, что нахожусь в больнице, что имею связь с Фокановым, Глазуновым и с Танасчишиным. Другого ориентира я дать не мог, ибо других заметных ориентиров на карте в округе на 25 километров не было. Владимиров понял, где я нахожусь, но это же поняли, как потом выяснилось, и гитлеровцы.

Владимиров очень обрадовался, услышав мой голос. Меня, оказывается, уже разыскивали из штаба фронта, обеспокоенные потерей со мной связи. Я приказал выслать ко мне в больницу верховых лошадей и поторопить командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса с наступлением на юг. С трудом все же удалось уяснить сложившуюся обстановку на фронте.

В результате боев с 1 февраля, преодолевая сопротивление противника, наши войска к вечеру 4 февраля вышли на рубеж: Апостолово, Запорожское, Запорожец, станция Ток (перерезав железную дорогу Никополь — Апостолово), рудники Орджоникидзе, Богдановка, Ольга-Ивановка, Чумак-Зима, Дружба.

В резерве армии в районе Шолохово стояли 27-я гвардейская стрелковая дивизия, 11-я танковая бригада и 5-й танковый полк.

46-я армия В. В. Глаголева левым флангом (31-й ск) также вела бой за Апостолово, 6-я армия И. Т. Шлемина вела наступление на города Марганец и Никополь, 4-й гвардейский механизированный корпус вел бой на рубеже Перевизские Хутора, Перевизская Балка, Алексеевка.

Немецкое командование на ходу формировало новые подразделения из разбитых и отступающих частей, пытаясь прикрыть остававшуюся пока не занятой нашими войсками дорогу Грушевый Кут, Марьянское, Ново-Воронцовка. Это была последняя дорога, которая оставалась открытой для никопольской группировки гитлеровских войск. Южнее тянулись днепровские плавни. По этой дороге немецкое командование спешило вывести из создававшегося окружения тяжелую технику. Пехотные части 6-й полевой и 1-й танковой армий отходили

днепровскими плавнями. Автомашинами, орудиями, танками, всевозможными повозками и грузами были забиты все полевые дороги, все поселки и даже поля. Пересчитать и учесть все это было тогда просто невозможно.

Одновременно я получил от Родиона Яковлевича и общий план операции, разработанный штабом фронта. Главный удар наносился силами 46-й и 8-й гвардейской армий, 4-го гвардейского механизированного корпуса из района Владимировка на Апостолово и Каменку, с выходом к Днепру. План предусматривал во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом окружение и уничтожение группировки врага в районе Никополя и никопольского плацдарма.

Количество трофеев увеличивалось с каждым часом. Наши войска обнаружили по дороге из Каменки в Апостолово колонну — десять исправных танков «тигр», которые увязли в трясине по самые башни. Фашисты бросали свою технику, уходя через днепровские плавни по бесчисленным тропам, где не могла пройти никакая машина.

Мы теперь не опасались за свой левый фланг. Противник не мог организовать контратаки из Никополя. Из этого раздутого мешка, прорванного нашими войсками, выходил воздух. Мешок на глазах опадал. Но мы могли еще ожидать контрудара на Апостолово, с целью отбросить нас с железной дороги Никополь — Апостолово, чтобы облегчить выход войск днепровскими плавнями. Было ясно также, что все свои силы противник положит на то, чтобы удержать на какое-то время дорогу и ее опорные пункты: Катуловку, Покровское, Ленинское, Марьянское, Ново-Воронцовку. Бои должны были теперь развернуться к югу от железной дороги на участке Апостолово — Чертомлык. Мы решили усилить левый фланг за счет ввода в бой 27-й гвардейской стрелковой дивизии из-за левого фланга 29-го гвардейского стрелкового корпуса встык между 29-м и 4-м гвардейскими стрелковыми корпусами. Удар 27-й нацеливался через станцию Ток на Марьянское. В резерв выводилась 88-я гвардейская стрелковая дивизия с левого крыла армии.

Утром 6 февраля я решил проследить, как будет вводиться в бой 27-я гвардейская стрелковая дивизия, которая выдвигалась из района Ново-Ивановка через Червоный Запорожец к станции Ток. На автомашине ехать было невозможно. Мы с адъютантом сели на верховых лошадей. К станции Ток дорога лежала через Базавлук, Токовское, где мы могли переправиться по мосту через Каменку.

Выехав из Базавлука, мы увидели дорогу с глубоко прорезанными колеями. Она показалась нам хорошим

ориентиром, мы решили, что здесь прошли наши части, и спокойно поехали по ней. Солнце нам било в лицо, стало быть, мы продвигались на юг. Направление взято как будто бы правильно. Мы ехали полем вдоль пробитой колеи. Однако долгое время нам никто не попадался навстречу. У меня закралось сомнение, правильно ли мы едем? Поднялись на пригорок. Я решил свериться по карте. Остановил лошадей. Позади меня остановились адъютант и коновод. Я развернул карту… И вдруг откуда-то со стороны раздались автоматные очереди и ружейные выстрелы. Засвистели пули. Моя лошадь поднялась на дыбы и рухнула на землю. Выручила меня старая кавалерийская привычка, я успел высвободить ноги из стремян и, спрыгнув с седла, тут же упал в глубокую дорожную колею.

Адъютант и коновод оказались около меня. Они почти одновременно крикнули, чтобы я садился на какую-нибудь из их лошадей. В ответ я приказал:

— Слезай! Ложись!

Они оба упали в колеи. Секундой спустя и их лошади были срезаны автоматным огнем.

Автомобильные колеи были спасительно глубоки. Мы несколько минут лежали, не шевелясь. Пули впивались в землю совсем рядом. На некоторое время мы притворились убитыми. Но долго в бездействии лежать было нельзя. Противник мог поинтересоваться, кого он снял с лошадей. На мне была генеральская папаха с красным верхом и брюки с лампасами, словом, приметы, хорошо известные немцам.

Да и лежать без движения было невмоготу. Ледяная вода просочилась сквозь одежду и сковала холодными обручами тело.

Мы поползли вдоль колеи. Противник заметил движение. Усилил автоматный огонь.

Адъютант крикнул сзади:

— Командующий! Бросай шапку! Они по красному верху целятся!

Обращение было, конечно, не по форме, но до соблюдения ли формы в таком положении?

Шапку я снял, но огонь немцев не прекратился. Мы ползли по-пластунски. Очень скоро в отвороты моих охотничьих яловых сапог набилась жидкая грязь. Адъютант посоветовал мне скинуть и сапоги. Пришлось опять его послушаться. Разулся. Ползти стало легче. Что значит ползти по жидкой грязи? Двигались мы вперед, разгребая грязь, словно бульдозером.

Вскоре мы по слуху определили, что пули около нас уже не ложатся, а пролетают над нами значительно выше. Стало быть, мы спустились с пригорка в мертвое пространство.

Мы ползли еще некоторое время из предосторожности. Наконец, обстрел прекратился. Мы встали и пошли к поселку.

Не доходя до поселка Базавлук мы встретили члена Военного совета армии генерала Я. А. Доронина, который ехал тоже верхом в Каменку и сбился с дороги на той же автомобильной колее. Мы его, конечно, завернули обратно, а я, воспользовавшись лошадью его коновода, поскакал к командному пункту в Шолохово, располагавшемуся по-прежнему в больнице. Пришлось переодеться в валеные сапоги и в запасное обмундирование. Но приключения этого дня еще не кончились. Не успел я переодеться, как услышал нарастающий гул самолетов, затем разрывы авиационных бомб. Они сотрясали здание, из окон вылетали стекла. Вышел на улицу и прислонился к стене.

Прятаться, собственно говоря, было некуда. Кругом было все открыто: ни кустика, ни канавки.

Немецкие самолеты один за другим заходили на бомбовые удары. Целили в больницу. Я вспомнил о своем выходе в эфир, о том, как на условном языке сообщил Владимирову, что нахожусь в больнице. «Эзоповский язык» оказался не таким уже недоступным для разумения противника. Немцы догадались, что больница превращена нами в какой-то важный командный узел. Зенитных орудий, чтобы отразить налет противника, у нас не было. Пришлось терпеливо ждать, когда немецкие летчики освободятся от своего смертоносного груза. Без потерь не обошлось. Война есть война…

С нового командного пункта, на этот раз тщательнее замаскированного, мне удалось связаться с войсками.

Неподалеку от Шолохово я приказал развернуть артиллерийскую батарею и взять под прицельный огонь переправы через речку Базавлук.

Из штаба 29-го гвардейского стрелкового корпуса мне доложили, что части корпуса совместно с частями 31-го стрелкового корпуса 46-й армии, разгромив войска противника в Апостолово и преследуя их, захватили с ходу Большую Костромку, Ново-Семеновку, Верхнюю Михайловну, колхоз «Заря», Могилу Широкую.

Сужалась горловина для выхода немецких войск и в других направлениях.

В больших сражениях бывает кульминационная точка. Такой кульминационной точкой в сражении против никопольской группировки противника оказалась Большая Костромка. Падение опорного узла обороны в Апостолове, конечно, не оставляло уже никаких надежд у немецкого командования сдержать наше наступление. Чтобы как-то задержать войска 8-й гвардейской

армии, наступающие через Большую Костромку на берег Днепра, немецкое командование бросило против нас все свои резервные части, в том числе войска, переправленные с восточного берега Днепра, сдерживавшие там 3-ю гвардейскую армию. Перед частями 29-го гвардейского стрелкового корпуса и правым флангом 4-го гвардейского корпуса появились части новых немецких дивизий; 3-й горнострелковой дивизии, 17, 125 и 258-й пехотных и 9-й танковой дивизий.

Эти части были брошены в контратаку против наших двух корпусов. Наше продвижение приостановилось. Опять же бездорожье. Недоставало боеприпасов, чтобы, отбив контратаки, тут же развернуть и наступление. Противник нес в этих контратаках неисчислимые потери. Но и у нас недоставало силы еще одним ударом достичь берега Днепра и замкнуть дугу окружения. Наша авиаразведка докладывала, что под прикрытием контратак новых частей немецкие солдаты потоком уходят из окружения, бросая технику и тяжелое оружие на дорогах и в плавнях. Это уже не отход, а беспорядочное бегство.

8 февраля нам стало известно, что войска 66-го стрелкового корпуса 6-й армии генерала И. Т. Шлемина и 32-го стрелкового корпуса 3-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко вошли в Никополь.

Я полагаю, что освобождение этого города было великолепной демонстрацией взаимодействия всех родов войск, а также нескольких армий и даже фронтов. Никополь был освобожден войсками 6-й и 3-й гвардейских армий. Но освобождение Никополя было предрешено не в меньшей степени действиями 46-й и 8-й гвардейской армий.

После падения Апостолова и Большой Костромки противник начал стремительный отход из Никополя, покидая марганцевые рудники, за которые держался с фанатическим упорством.

Теперь же перед фронтом 8-й гвардейской армии стояли последние резервные части противника. На нас возлагалась задача сбить их с позиций и разгромить, как были разгромлены части, оборонявшие подступы к Апостолову, Большой Костромке и Ново-Михайловке.

Все решалось на дорогах. Через разлившуюся Каменку почти невозможно было переправлять транспорты с боеприпасами и продовольствием. Военный совет армии специальным решением организовал переброску боеприпасов и продовольствия на самолетах П-2. На северной окраине Каменки был сооружен специальный аэродром и создана погрузочная база, а в поселке Запорожское выставлена разгрузочная команда возле посадочной площадки. Эти 15 километров между Каменкой и Запорожским

были превращены в воздушный мост. Летчики совершали по 6–10 рейсов в сутки с грузом в 100–120 килограмм. В сутки переправлялось до 6 тонн грузов. Хотя это было мизерно мало, но в той обстановке и это было подспорьем. Однако воздушный мост работал только два или три дня. Опять полил дождь, пошел мокрый снег, повисли туманы, погрузочные и посадочные площадки вышли из строя. Боеприпасов не хватало.

Наша тяжелая артиллерия отстала от войск и вязла в грязи.

Полковая и дивизионная артиллерия не имела боеприпасов.

Пользуясь этим, противник 8 и 9 февраля усилил свои контратаки. Он ввел из глубины танки и подошедшие с левого берега Днепра свежие пехотные части. Ему удалось подойти к окраине Большой Костромки. На правом фланге образовался разрыв между 8-й гвардейской и 46-й армиями. Для того чтобы ликвидировать этот разрыв, полк второго эшелона 74-й гвардейской дивизии выдвинулся на первую линию и атаковал противника, заняв Малую Костромку.

На левом крыле армии, восточнее реки Базавлук части 28-го гвардейского корпуса заняли Чкалово, Кисличеватое, Екатериновку и сомкнулись с частями 6-й армии генерала И. Т. Шлемина в Никополе, в то же время добивая остатки немецких войск в Чертомлыке.

Казалось, с освобождением Никополя все могло бы и закончиться. Но, перекинув несколько дивизий с левого, восточного берега Днепра, гитлеровцы сосредоточились для контрудара на Апостолово. Для этой цели он южнее Большой Костромки собрал в кулак 10–12 дивизий.

Нарушение взаимодействия 46-й армии с 8-й гвардейской помогло немецкому командованию в какой-то, хотя бы и в малой части начать осуществление замысла контрудара.

Полное бездорожье, туманы, непрестанные из-за этого разрывы в связи, расползающаяся линия фронта, конфигурация которой диктовалась необходимостью преследовать отступающего противника, — все это, возможно, и привело к тому, что Глаголев растянул свой левый фланг и сильно выдвинулся в направлении на Широкую, подставив свой фланг под удар. Группой танков немцы незамедлительно нанесли удар по флангу 46-й армии, заняли поселок Червоный и усилили нажим с юга на Апостолово.

Для восстановления взаимодействия с армиями пришлось вмешаться командующему фронтом Р. Я. Малиновскому. 10 февраля он отдал приказ по фронту, в котором предупреждал В. В. Глаголева о недопустимой растяжке левого фланга.

На основании этого приказа я принял решение: 28-й

гвардейский стрелковый корпус рокировать на правый фланг в район Апостолово, Червоный, Радио, Мало-Воронцовка, 4-й гвардейский механизированный корпус сосредоточить в районе Апостолово и иметь его для действий в направлении вдоль железной дороги на Высокополье и Ново-Воронцовка. Этим создавался ударный кулак в составе 3–4 стрелковых дивизий и механизированного корпуса.

10 февраля можно считать днем окончания разгрома никопольской группировки противника, против которой 8-я гвардейская армия совместно с другими объединениями вела бои начиная с ноября месяца.

Перегруппировкой войск в район Апостолово с выдвижением их западнее этого железнодорожного узла начиналась новая полоса сражений.

С 10 по 22 февраля армия вела упорные бои на рубеже: Веселая Дача, Зеленая Долина, Большая Костромка, Верхняя Михайловка, обеспечивая выдвижение 6-й армии генерала И. Т. Шлемина из Никополя на запад, за р. Базавлук, и ее развертывание левее 8-й гвардейской (южнее) для последующего наступления.

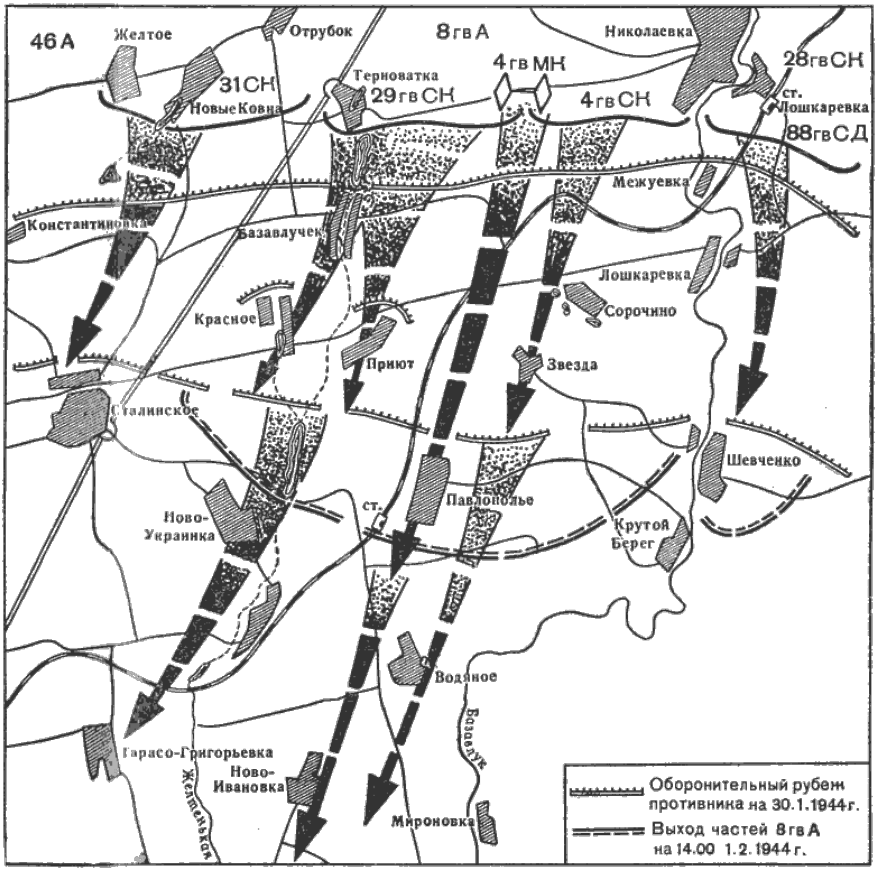
Попытка немецкого командования вывести свои войска к Кривому Рогу, который был освобожден войсками 37-й и 46-й армий, 17-й воздушной армией к славной годовщине создания Красной Армии — к 23 февраля, была сорвана. Около 10 дивизий противника были скованы нашей армией южнее Апостолово.

С осени 1941 года фашистская Германия пользовалась рудными богатствами Никополя и Криворожья. В феврале 1944 года промышленность фашистской Германии садилась на голодный паек.

Наши войска нанесли огромный урон гитлеровским войскам в живой силе и технике. Были захвачены десятки тысяч автомашин, сотни танков, тысячи орудий и минометов. Немецкие трупы устилали поля Днепропетровской области.

Криворожско-Никопольская операция была закончена 29 февраля. Войска 3-го Украинского фронта повернули свой фронт для наступления на запад. 8-я гвардейская армия с окончанием этого поворота укрепила свою связь с соседней 46-й армией. Левый фланг еще оставался открытым, ибо запаздывали войска 6-й армии. Перед фронтом и армией вставали новые задачи.

Прорыв обороны противника у Николаевки 31 января — 1 февраля


46 А
Желтое
Отрубок
8 гв А
Николаевка
31 СК
Терноватка
4 гв МК
28 гв СК
Новые Ковна
29 гв СК
4 гв СК
ст. Лошкаревка
88 гв СД
Межуевка
Константиновка
Базавлучек
Лошкаревка
Красное
Сорочино
Приют
Звезда
Сталинское
Шевченко
ст.
Павлоноолье
Ново-Украинка
Крутой Берег
Водяное
Гарасо-Григорьевка
Ново-Ивановка
Мироновка
Оборонительный рубеж противника на 30.1.1944 г.
Выход частей 8 гв А на 14.00 1.2.1944 г.

Ингулецкий парадокс

1

24 февраля мы получили директиву командующего фронтом, которая фактически нацеливала 8-ю гвардейскую армию и другие армии на новую операцию.

Так, на 37-ю армию с приданными ей средствами усиления возлагалась задача уже 25 февраля форсировать реку Ингулец и к исходу дня овладеть населенными пунктами Терноватка, Ново-Лозоватка, Даниловка.

46-я армия в тот же день должна была нанести удар по направлению на Зеленый Луч, Тихий Приют, Зеленая.

6-я армия нацеливалась на Чубаровку, Ивановку.

8-я гвардейская армия согласно этой директиве фронта должна была нанести удар на Широкое, овладев к исходу первого дня наступления рубежом: Рудник, Николаевка Первая, Шестерня.

Эта директива может вызвать у историков недоумение — она нацеливает войска нескольких армий всего на один день наступления. Можно и ошибочно понять ее как подчистку позиций или выпрямление линии фронта. Но командующий фронтом Малиновский дал в устной форме дополнительные указания командующим армиями на развитие наступления, определив для каждой армии задачи.

Руководствуясь директивой и указаниями командующего фронтом, штаб 8-й гвардейской армии разработал план наступления: силами 4-го и 29-го гвардейских стрелковых корпусов в первую очередь отбросить противника за реку Ингулец, захватить на западном берегу плацдармы, всячески ускорить в то же время подвоз боеприпасов, привести в порядок войска после тяжелых и упорных боев, продолжавшихся больше месяца. Пополнение людским составом войск велось во вторых эшелонах. В первую очередь приводились в порядок три дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса и 74-я дивизия 29-го гвардейского стрелкового корпуса. Поэтому в приказе по армии от 25 февраля эти части не упоминались, а задачи между корпусами распределялись следующим образом.

Перед 4-м гвардейским стрелковым корпусом ставилась задача с приданными средствами усиления ударом на Широкое прорвать оборону противника и захватить переправы для форсирования реки Ингулец.

При этом на 47-ю гвардейскую стрелковую дивизию

возлагалась задача — развернуть фронт на юг в направлении Шестерня и ударом во фланг и тыл противника содействовать выходу 29-го гвардейского стрелкового корпуса на реку Ингулец.

Командиру 29-го гвардейского стрелкового корпуса предписывалось силами двух гвардейских стрелковых дивизий со средствами усиления прорвать оборону противника и овладеть населенными пунктами Охримовка, Ново-Украинка, Запорожье, Веселая Дача. Выполнив эту ближайшую задачу и очистив правый берег реки Ингулец от противника, 29-й гвардейский стрелковый корпус получал возможность форсировать реку Ингулец и овладеть населенными пунктами Андреевка, Ново-Курская, Шестерня. Тем самым 29-й гвардейский стрелковый корпус прочно владел бы надежными переправами и плацдармом на левом берегу реки.

Поскольку 6-я армия генерала И. Т. Шлемина запаздывала с поворотом своего фронта на запад, командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса должен был обратить особое внимание на обеспечение своего левого фланга со стороны Большая Ко стройка и Высокополье.

Командиру 28-го гвардейского стрелкового корпуса с началом наступления предлагалось выдвинуть 79-ю гвардейскую стрелковую дивизию на рубеж Отруб-2, Пологи, чтобы совместно с 35-й гвардейской стрелковой дивизией 4-го гвардейского стрелкового корпуса начать переправу через Ингулец и овладеть пунктами: Рудник, Николаевка-1, где и закрепиться.

4-й гвардейский механизированный корпус сосредоточивался в районе Свистуново и Новый Сад. Он должен был находиться в готовности для ввода в прорыв в общем направлении на Казанки. Командиру корпуса предписывалось на случай обходного движения разведать переправы в районе Ново-Кривой Рог и Новоселовка.

Корпус мог быть введен в бой, по распоряжению командующего фронтом.

Артиллерийские средства армии в основном сосредоточивались в направлении на Широкое, ибо этот населенный пункт был ключевой позицией в обороне противника.

Начало артиллерийской подготовки было назначено на 13.30 25 февраля.

Для поддержки наступления 4-го гвардейского стрелкового корпуса артподготовка назначалась продолжительностью в тридцать минут, 29-го гвардейского стрелкового корпуса — один час.

25 февраля развернулись упорные бои на левом берегу реки Ингулец. Они фактически продолжались до 29 февраля.

Наши войска настойчиво продвигались к берегу реки, очищая левый берег от опорных позиций противника. Минутами казалось, что бой затихал, наступало как бы равновесие.

Связь по радио и телефонам мало что давала. Надо было ехать в войска. Ни один вездеход не шел. Пришлось пересесть в танковый тягач, то есть на танк Т-34 без башни и пушки. Облегченный танк мог продвигаться от одного командного пункта до другого.

Побывав в штабах 4-го и 29-го Гвардейских стрелковых корпусов и в некоторых дивизиях, я выяснил, что войска не используют всех возможностей для наступления. Перед ними располагалась теперь линия обороны противника по берегу реки всего в один эшелон. Некоторые командиры полков и дивизий оторвались от своих частей, боем лично не руководили, отсиживались в землянках и блиндажах, передавая приказы и получая донесения по телефону.

Командирам дивизий и полков приказал выдвинуть на передовую линию командно-наблюдательные пункты и руководить боем лично. Распутица мешала нам, но мешала и гитлеровцам использовать преимущества в маневренности своих войск. Надо было как-то зажечь людей, мобилизовать их на активные действия.

Вспоминаю, как разворачивались события в 82-й гвардейской стрелковой дивизии.

Я приехал на командно-наблюдательный пункт командира дивизии И. А. Макаренко, настоял на том, чтобы он решительно поднял дивизию в атаку.

Стрелки поднялись в атаку. Немецкое командование и солдаты не ждали, что наши войска пойдут в наступление по топкой грязи, в условиях полного бездорожья, без активной поддержки артиллерии. Первого же натиска оказалось достаточно. Противник растерялся, побросал оружие и побежал. В этот день 82-я гвардейская стрелковая дивизия прошла с боями около 16 километров, вышла на берег реки Ингулец от поселка Ново-Курская до поселка Шестерня.

29 февраля я побывал и на командно-наблюдательном пункте командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии полковника С. А. Бобрука. Наблюдательный пункт находился западнее поселка Поды-Дар. На участке этой дивизии дела шли более успешно. Противник был выбит из ряда населенных пунктов и отходил за Ингулец.

К концу дня части 4-го и 29-го гвардейских стрелковых корпусов вышли на реку Ингулец.

Надо было развить успех. Мешала опять же грязь. Но помог

случай. Возвращаясь в конце дня с передовой в штаб армии в Апостолово, я выехал на железнодорожную насыпь на линии Широкое — Апостолово. Рельсы и шпалы были сняты, но насыпь оказалась проезжей для автотранспорта. Приехав в штаб, я сейчас же отдал распоряжение начальнику инженерной службы полковнику В. М. Ткаченко подготовить эту дорогу для переброски войск, техники и боеприпасов, установив на ней строгий режим движения машин с грузом по направлению к фронту. По этой дороге мы подтянули к фронту части 28-го гвардейского стрелкового корпуса, обеспечили войска продовольствием и боеприпасами. Насыпь явилась для нас артерией, по которой мы за три дня сумели подготовить войска к наступлению.

Командование фронтом поставило перед армией задачу: в течение 1–2 марта захватить плацдармы на западном берегу реки Ингулец и выйти на рубеж Зеленая, Андреевка, Зеленый Гай, Горохватка. С этого рубежа войска 8-й гвардейской армии, в соответствии с директивой фронта, должны были начать общее решительное наступление в направлении на Троицко-Сафоново, Новый Буг. В директиве фронта ставилась задача перед армией: подготовить переправы в районе Широкое — Андреевка для ввода в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, составлявших конно-механизированную группу фронта, которой командовал генерал-лейтенант Исса Александрович Плиев.

Разграничительная линия между 8-й гвардейской и 46-й армиями этой директивой устанавливалась: поселок Алексеевский, Красный Под, Ингулец, Троицко-Сафоново в полосе действий 8-й гвардейской армии. С соседом слева, с 6-й армией, которая успела к этому времени повернуть свой фронт на запад, разграничительная линия проводилась по поселкам Базавлук, Ново-Марьяновка, Шестерня, Владимировка, вне полосы действий 8-й гвардейской армии.

Для выполнения этой задачи я решил нанести главный удар правым крылом армии вводом в бой 28-го гвардейского стрелкового корпуса, нацелив 88-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерала Б. Н. Панкова через поселок Ингулец и Зеленое.

Перед 79-й гвардейской дивизией генерала Л. И. Вагина, сменившей части 35-й и 57-й гвардейских дивизий, была поставлена задача — наносить удар в направлении на Широкая Дача. 39-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Штриголя был отдан приказ наступать на Николаевку-1 и Николо-Козельск.

Командиру 29-го гвардейского стрелкового корпуса надлежало прорвать оборону противника на участке Каменная Горка, Горохватка и наступать на Владимировну. На части 4-го гвардейского стрелкового корпуса возлагалось обеспечение развертывания 28-го корпуса, разведка и рекогносцировка, а также артиллерийская поддержка.

Наступление было назначено на 3 марта.

Разведка и рекогносцировка показали, что правый берег реки Ингулец сильно укреплен: окопы полного профиля, артиллерийские и минометные позиции с наблюдательными пунктами, минные поля. Одним словом, противник опять стоял на укрепленных рубежах, защищенный разлившейся рекой Ингулец. Для прорыва такой укрепленной полосы требовалась, конечно, более тщательная подготовка. А главное, много снарядов и мин, чтобы разрушить огневые позиции противника. У нас опять недоставало боеприпасов, ибо подвезти их было очень трудно. Выручала железнодорожная насыпь, но пропускная способность ее не могла полностью обеспечить нужды армии. Война являет нам частенько неожиданности, которыми воспользовавшись вовремя можно решить задачи, кажущиеся порой и неразрешимыми.

На войне иной раз говорили, что такому-то командиру «везет». Частенько именно «везением» объясняли удивительные победы Александра Васильевича Суворова. Это побудило его однажды воскликнуть: «Везение и везение, а когда-то и умение!» Говорили, что такой-то командир знает «петушиное слово», что родился он, дескать, в рубашке. Все это, конечно, ерунда. Везение — это действительно умение, как говорил Суворов. Надо уметь воспользоваться оплошностью противника, не прозевать минуты, когда он раскрылся, и точно нанести удар.

Большую роль в прорыве обороны противника на реке Ингулец на участке 28-го гвардейского стрелкового корпуса сыграла разведывательная рота 88-й гвардейской дивизии под командованием старшего лейтенанта Федора Леонтьевича Каткова. Рота… Старший лейтенант. Комсомольцы-разведчики. В общей массе армейских соединений единица невеликая. Но исход боя решается и мастерством вести бой.

Катков получил задание разведать русло реки Ингулец, подыскать места для форсирования, установить, какие силы врага обороняют поселок Зеленое и Широкую Дачу. Старший лейтенант тщательно проанализировал обстановку. Он решил, что лучше всего ему удастся разведать силы противника, если он со своей ротой переправится на другой берег. Но не с боем же роте пробиваться сквозь оборонительную линию!

Катков вызвал к себе на наблюдательный пункт — на крышу хаты на южной окраине поселка Ингулец — своих боевых товарищей: старшину Корша, старшего сержанта Примака, ефрейтора Лопахина и рядового Самойленко.

Полдня пять пар внимательных глаз просматривали местность и изучали обстановку в поселке Зеленое. Ни одного здания, ни одной улицы, ни одного рва не было оставлено без внимания. В поле наблюдения разведчиков попал и участок железной дороги, идущей через поселок Зеленое на станцию Ингулец. Изучили разведчики и берега реки и излучину, вдающуюся к поселку Ингулец от Зеленого и станционного поселка Ингулец. Внимание разведчиков привлекло поле подсолнечника и кукурузы. Поля стояли неубранными. Стебли подсолнечника и кукурузы тянулись густой полосой вдоль берега.

Разведчики установили, что немецкие парные патрули изредка проходят по железнодорожной насыпи между поселками Зеленое и Станционное. Появление патрулей подсказало разведчикам, что в самой излучине немецких войск нет.

Разведчики составили свой план разведки и сообщили о нем командиру 3-го батальона 266-го полка гвардии майору Черняеву и парторгу 2-го батальона 269-го полка гвардий младшему лейтенанту Галимову, Фланги этих полков 88-й гвардейской стрелковой дивизии смыкались в поселке Ингулец. План был прост, но в простоте и лежал успех.

Под покровом темноты разведывательная рота во главе со старшим лейтенантом Катковым должна была бесшумно переправиться через Ингулец в его излучине, преодолеть пространство от реки до полотна железной дороги по зарослям кукурузы и подсолнечника, снять патрули, пересечь железную дорогу и подползти к поселку Зеленое и к станционным зданиям на станции Ингулец. В случае неудачи батальоны должны были открыть заградительный ружейно-пулеметный огонь по южной окраине Зеленое. Командир дивизии генерал-майор Б. И. Панков утвердил этот план.

Разведать и найти броды в излучине реки разведчикам помогли местные жители. К 8 часам вечера 2 марта разведывательная рота Каткова переправилась через реку. Разведчики очень ловко использовали высокую насыпь, дамбу, проходившую по западному берегу. Под ее прикрытием и прошла переправа.

В разведывательной роте было около шестидесяти бойцов. Они были вооружены автоматами, восемью ручными пулеметами, десятью немецкими фаустпатронами. За ротой связисты тянули телефонный провод.

В десять часов вечера разведчики, перевалив через дамбу, двинулись к полотну железной дороги. Впереди шли самые опытные: старший сержант Примак, старшина Корш и ефрейтор Лопахин. Метрах в двухстах позади, в середине боевого порядка разведроты шел сам Катков. Четыре связиста бесшумно разматывали телефонный провод. Изредка они проверяли, как работает связь, прикрывшись ватниками, чтобы заглушить голоса. Из второго и третьего батальонов следили за продвижением разведчиков. Между дозорными и командиром роты шла перекличка условными сигналами. Дозорные подражали голосам птиц.

От берега реки до железнодорожной насыпи шли около двух часов. Разведчики были крайне осторожны, ибо только скрытность могла принести успех их дерзкому рейду.

К одиннадцати часам вечера разведчики достигли насыпи и затаились. Старший лейтенант Катков связался по телефону с командиром дивизии генералом Панковым, доложил ему обстановку и сообщил, что готов встретить 3-й и 2-й батальоны, назначенные в первый эшелон для наступления.

По их плану 2-й батальон 269-го гвардейского полка должен был выйти на правый фланг разведывательной роты и развернуться фронтом на север для атаки на Зеленое, а 3-й батальон 266-го гвардейского полка выходил на левый фланг разведывательной роты, чтобы атаковать станционный поселок. Навстречу батальонам Катков выслал провожатых.

В засаду разведчиков у поселка Зеленое попали два патрульных из пехотного полка 16-й немецкой моторизованной дивизии. Короткий допрос показал, что участок от Зеленое до Николаевки обороняет 16-я моторизованная дивизия, что гарнизон поселка Зеленое состоит из сводного батальона численностью в 300 человек. Батальон усилен шестью танками. Вокруг поселка вырыты окопы полного профиля фронтом на восток, их занимают взводы от каждой роты. Основные силы батальона находятся на западной окраине поселка.

Пленные показали, что их командование не ожидает наступления русских из-за плохой погоды, что поселок Станционный занимает второй батальон того же пехотного полка. Пункт встречи патрулей — у развилки железнодорожного тупика, отходящего к шахте Визирка.

Около полуночи к Каткову присоединились командир 3-го батальона гвардии майор Черняев, лейтенант Буров и парторг 2-го батальона младший лейтенант Галимов с батальонами.

На месте были уточнены их задачи и разведроты. Батальоны должны были наступать по ранее определившимся направлениям,

разведывательная рота, усиленная стрелковой ротой 3-го батальона, направляла свой удар на курган с отметкой 84,4, чтобы перехватить дороги из поселка Зеленое на Рахмановку и на Войково. Атаку было условлено начинать после выхода разведроты на курган с отметкой 84,4. Сигнал — три зеленые ракеты должен был подать Катков.

На связь с командирами батальонов и с Катковым вышел командир дивизии. Генерал Панков расспросил их об обстановке, утвердил план действий и пояснил, что артиллерия нацелена на поселки Зеленое и Станционный, что она готова открыть огонь по первому же сигналу красной ракетой.

16-й моторизованной дивизией командовал генерал-лейтенант граф фон Шверин. Как впоследствии выяснилось из его следственного дела, он считал, что наше наступление на Ингулец не могло последовать без долгой оперативной паузы после боев за Никополь и Апостолово. Он считал, что «генерал грязь» задержит наступление советских войск на долгое время. В захваченной нами позже переписке между штабами этих соединений прямо говорилось, что прорыв советских войск у поселка Зеленое для них был полной неожиданностью. В их расчеты входило, как можно дольше держаться на оборонительном рубеже по реке Ингулец. Могли ли гитлеровские генералы предположить, что их расчеты будут опрокинуты старшим лейтенантом Катковым, майором Черняевым, младшим лейтенантом Галимовым и другими младшими советскими офицерами?

Около двух часов ночи разведрота и стрелковая рота во главе с Катковым подошли к кургану с отметкой 84,4. Ночь была облачная. Темнота густо прикрывала окрестности. Трудно было бы сориентироваться в полной тьме, если бы Каткову снова не выпала удача. Разведчики нащупали телефонный провод. Проводка тянулась с юга на север. Разведчики немедленно подключили к линии свой аппарат подслушивания. Линия молчала, но по шорохам связисты определили, что она включена.

Разведчики двинулись по направлению провода. Они еще дважды подключали аппарат подслушивания. На третий раз включились в разговор. По линии передавалось, что на огневые позиции дивизиона отправлено 148 снарядов. Катков догадался, что провод ведет к артиллерийскому наблюдательному пункту противника.

Катков решил бесшумно захватить артиллерийский наблюдательный пункт. Он послал вперед головной взвод, с ним двух бойцов — старшину Корша и рядового Зимина, знающих немецкий язык. С наблюдательного пункта могли окликнуть

подходящих.

Катков шел вслед за головным взводом, который продвигался в темноте строго по проводу. Направление провода давало основание Каткову предполагать, что он приведет их на курган с отметкой 84,4, как господствующий над местностью.

Несколько минут спустя старшина Корш звуком, имитирующим ржание лошади, передал сигнал «внимание».

Катков подошел к Коршу. Они прислушались. До них доносились обрывки немецкой речи. Противник был где-то совсем близко. Разведчики ползком продвинулись вперед. В темноте вспыхнули огоньки. Это закуривали немецкие солдаты. Метрах в двухстах-трехстах севернее показались огни автомобильных фар. Машины буксовали в грязи, часто останавливались. Похоже было, что они везли на артиллерийские позиции снаряды, о которых говорилось в подслушанном телефонном разговоре.

Это было еще одним доказательством того, что разведрота находилась где-то совсем близко от кургана с отметкой 84,4.

Катков приказал первому и второму взводам приготовиться к атаке на огоньки сигарет. По его приказу взвились три зеленые ракеты. В свете падающих на землю ракет разведчики увидели метрах в пятидесяти от себя мечущихся немецких солдат и офицеров. Они были ошеломлены, не понимая, что происходит, что за ракеты взвились над ними. Катков приказал пустить белые осветительные ракеты. Разведчики коротким броском преодолели пространство, отделяющее их от противника, в ход пошли гранаты. Несколько человек во главе с офицером были взяты в плен, группа солдат укрылась в блиндаже, врытом в кургане. Один из разведчиков обнаружил дымоход над блиндажом, опустил туда ручную гранату. Раздался глухой взрыв под землей. С противником на кургане в несколько минут было покончено.

В поселке Зеленое в это время разгорелся бой.

С кургана Каткову было видно, как из поселка Зеленое устремились к железнодорожному переезду автомашины с зажженными фарами. Катков решил перерезать им пути отхода. Он приказал командиру приданной стрелковой роты занять на кургане круговую оборону.

Старшина Корш получил задание дежурить у телефона и отвечать немцам, что на кургане все спокойно, что бой идет где-то северо-восточнее. Третьему взводу он приказал перерезать дорогу из Зеленое на Рахмановка и продвигаться навстречу отходящим немецким автомашинам. Первый взвод в это время, поддерживая связь с третьим взводом, должен был: наступать вдоль дороги Зеленое — Войково. Сам Катков бросился с первым

взводом к переезду через железную дорогу. Разведчики подожгли машину с горючим на переезде и взяли в плен шоферов автомашин. Колонна из 15 машин, груженных продовольствием и боеприпасами, была остановлена. К переезду подошли разведчики из третьего взвода. Они гнали перед собой около тридцати пленных, среди которых были немецкие офицеры. Путь отхода противнику из поселка Зеленое был отрезан. На переезд левым флангом вышел 2-й батальон, чем завершил окружение немецкого батальона в поселке.

События в поселке Зеленое развивались таким образом.

2-й батальон, построив боевой порядок углом назад: четвертая рота правее железной дороги, пятая — левее, то есть западнее, шестая рота — в центре уступом назад, подошел к окраине поселка Зеленое. Стрелки залегли, ожидая сигнала от Каткова.

Сигнала от Каткова не было. В это время в засаду попался немецкий патруль (два солдата), направлявшийся из поселка Зеленое к станции. Солдат допросили. Они показали, что их взвод занимает траншею около дома, в окнах которого виден свет, что солдаты взвода спят в доме, все, кроме одного часового, который ходит под освещенными окнами. Младший лейтенант Галимов заметил, как этот часовой, проходя под окнами, прикрывает своим силуэтом свет керосиновой лампы. Галимов, с ним еще два бойца короткими бросками проскочили к дому и оглушили часового. К дому цепочкой подошли бойцы во главе с командиром батальона капитаном Чубаровым.

Командир 6-й роты лейтенант Буров получил задание — захватить врасплох спящих немцев. Галимов с двумя взводами направился к хатам, где расположились на ночлег главные силы немецкого батальона. Командир батальона остался с двумя ротами в засаде, чтобы поддержать Галимова. В Зеленое в это время прибыл и командир 269-го гвардейского полка подполковник Дмитрий Федорович Михайлов.

Минут через пятнадцать после того, как Галимов, сопровождая пленного часового, ушел в глубь поселка, на кургане западнее Зеленое вспыхнули три зеленые ракеты — сигнал Каткова. Началось…

Крайним домом бойцы Бурова овладели в несколько секунд. Галимов продвигался по запутанным переулкам и улочкам поселка.

Впереди вспыхнул огонь. Это немцы, когда открылась стрельба, подожгли хату как ориентир для сбора. В свете пожара мелькали силуэты немецких солдат. Бойцы Галимова открыли прицельный огонь из автоматов и пулеметов.

Командир полка подполковник Михайлов приказал батальону занять насыпь железной дороги, развернувшись фронтом на восток, и тем самым отрезать пути отхода.

На участке 3-го батальона 266-го гвардейского полка обстановка сложилась не столь благоприятно. Бойцам майора Черняева удалось захватить несколько крайних домов станционного поселка, но батальон вынужден был залечь под плотным ружейно-пулеметным огнем.

Старший лейтенант Катков после того, как его разведчиков у железнодорожного переезда сменили подразделения 269-го гвардейского полка, решился на новый дерзкий поиск. От немецких офицеров, попавших в плен, он узнал, что юго-западнее Зеленого, в районе поселка Андреевка, расположена гаубичная батарея немцев. Катков выяснил, что артиллеристы уходят на ночь в поселок Андреевка. На батарее остается лишь несколько человек боевого охранения. Он приказал двум взводам разведчиков сесть на немецкие автомашины, и немецкие шоферы повели машины на батарею. Сам он с третьим взводом сел в кузове головной машины.

Машины при свете фар двинулись на Андреевку.

Старшина Корш, оставленный на кургане 84,4, отвечал почти каждые пять минут на телефонные вызовы, что на его участке «все спокойно». Несколько раз он «прерывал» связь, чтобы выиграть время в этих переговорах с неизвестными ему командными пунктами немцев.

Командир дивизии генерал-майор Б. Н. Панков, получив информацию о ночных действиях батальонов, а также донесения от старшего лейтенанта Каткова, приказал командиру 269-го гвардейского полка с рассветом очистить поселок Зеленое от противника, накормить людей и подготовить полк для наступления на Войково.

Командиру 266-го гвардейского стрелкового полка подполковнику Павленко было приказано переправить весь полк на западный берег реки и с рассветом возобновить наступление на станционный поселок.

Командиру 271-го гвардейского стрелкового полка подполковнику Григорьеву была поставлена задача по переправам 269-го полка перейти на западный берег, с рассветом развить наступление на поселок Червоное, откуда установить связь с ротой разведчиков. Дивизионный инженер получил приказ — к утру 3 марта подготовить переправу через Ингулец для танков и артиллерии. Артиллерийские наблюдательные пункты еще затемно переносились на правый берег реки.

…Из Зеленого, из станционного поселка, от немецких

артиллеристов поступили тревожные донесения в штаб 16-й мотодивизии о том, что на правом берегу реки Ингулец идут бои, что советские войска перешли в генеральное наступление. Но в штабе дивизии они были расценены как панические. Какое такое наступление? Не было артподготовки, по донесениям разведки советские части на левом берегу не делали никаких перегруппировок. Начальник штаба дивизии нанес на карту отметки, где вспыхнули ночные бои, не обозначив, конечно, курган, захваченный разведчиками Каткова, ибо Корш отвечал немецким телефонистам, что на кургане все спокойно.

Поскольку немецкий батальон в поселке Зеленое был полностью окружен и никто из солдат не решался вырываться из окружения по топкой грязи, да еще ночью, то и из Зеленого могли поступить тревожные сообщения только в первые минуты. Зафиксирована была передача, что немецкие позиции в Зеленом атакованы советскими разведчиками. Связь после этого оборвалась.

Чем могло окончиться нападение разведчиков? Захватом «языка», и только. По-видимому, оснований для серьезной тревоги командир дивизии фон Шверин не усмотрел. Может быть, он устал, может быть, и его измотали бои в районе Апостолово. Во всяком случае он успокоил свой штаб. А штабные офицеры и средний офицерский состав уверили себя, что советские войска не способны начать наступление, а на поиск разведчиков стоило ли обращать внимание…

Короткая тревога во вражеском стане затихла.

Что же в это время делал Катков, продвигавшийся с колонной немецких грузовиков к поселку Андреевка?

Путь в Андреевку шел от Зеленого через курган с отметкой 84,4 и высоту с отметкой 101,8. Расстояние от кургана с отметкой 84,4 до Андреевки 5–7 километров. Дорога для грузовых машин проложена по целине. Грунт скреплен шлаком, местами по колее положены бревна. Машины буксовали, но шлак помогал. Пробились. Не доезжая до поселка с полкилометра, остановились. На востоке заалела зорька. Посветлело.

Катков приказал двум взводам под общим командованием лейтенанта Шевчука ждать возле машин сигнала к атаке. Договорились, что когда взвод во главе с Катковым завяжет перестрелку, Шевчук со своими разведчиками атакует поселок.

Катков со взводом разведчиков пошел в обход поселка в поисках артиллерийских батарей. Обошли поселок. Западнее поселка заметили в серой предрассветной мгле стволы орудий, нацеленных на восток. Разведчики скрытно подошли к артиллерийским позициям. Броском поднялись в атаку. Боевые

расчеты батареи были застигнуты врасплох. Немцы вскакивали, хватались второпях за оружие, но, подкошенные выстрелами разведчиков, валились на землю. В блиндажи и ровики полетели гранаты…

Несколькими минутами спустя раздались выстрелы и со стороны поселка. Это Шевчук атаковал на машинах гарнизон поселка и артиллеристов, расположившихся там на ночлег.

Катков оставил часть разведчиков на батарее, а сам двинулся к поселку. Из Андреевки к батарее бежали немецкие артиллеристы. Катков встретил их огнем на дороге, а тех, кто прорвался к батарее, разведчики встретили огнем из засады. Гарнизон Андреевки и личный состав двух батарей были окружены, частично уничтожены, частично взяты в плен. Катков организовал круговую оборону вокруг батарей и послал донесение через поселок Зеленое в штаб дивизии.

Командир 3-го батальона 266-го гвардейского стрелкового полка, услышав стрельбу в Андреевке, понял, что это разведчики Каткова прорвались в глубину обороны противника. Правым флангом своего батальона он перерезал дорогу со станции Ингулец на запад и дружной атакой овладел к рассвету станционным поселком.

Оборона противника на правом берегу реки на участке Зеленая — станция Ингулец фактически была прорвана.

К рассвету 3 марта все войска 8-й гвардейской армии по приказу командующего фронтом Р. Я. Малиновского занимали исходное положение для наступления. Приказ о наступлении получила и подвижная группа генерала И: А. Плиева, объединявшая 4-й гвардейский мехкорпус, 4-й гвардейский кавкорпус и 5-ю гвардейскую мотострелковую бригаду.

Этим приказом, собственно говоря, подытоживались прежние устные рекомендации командующего фронтом. Во время боев с 24 февраля по 29 февраля штаб фронта получил обильное количество данных о противнике, на основании которых был разработан план этого наступления.

В эти дни армии успели, хотя и не в полной потребности, подвезти боеприпасы, разведать силы противника, подготовиться к артиллерийской подготовке позиций противника, проинструктировать солдат и офицеров.

В 8-й гвардейской армии в результате действий разведроты Ф. Л. Каткова в ночь на 3 марта создалась более благоприятная обстановка для широкого наступления на противника. Мы имели уже плацдармы на правом берегу для наступления.

Должен сказать несколько слов о судьбе героя. Месяц спустя Федор Леонтьевич Катков, мужественный сталинградец, погиб

смертью храбрых во время выполнения боевого задания. Из политдонесения 88-й гвардейской стрелковой дивизии от 6 апреля 1944 года:

«…В бою 5 апреля с. г. смелость и дерзость проявили разведчики под командованием ст. л-та Каткова. Захватив пленного, разведчики узнали, что в селе Адамовка расположилась на ночлег рота немецких солдат и что за селом расположена немецкая батарея. Ночью разведчики бесшумно проникли к населенному пункту. Предварительно разбившись на мелкие группы, разведчики ворвались в избы, где ночевали немцы. Захватив 80 солдат и отправив их в расположение подразделения, группа разведчиков во главе с Катковым отправилась за село, чтобы захватить артиллерию врага.

В короткой схватке разведчики осуществили и эту задачу. Орудия были захвачены, их расчеты, оказавшие сопротивление, были истреблены. В этом бою смертью героя погиб командир разведроты гв. ст. л-т Катков — член ВКП(б)…»

2

Итак, в наступление…

В ночь на 3 марта, пока разведчики вели бои на правом берегу реки Ингулец, войска армии успели провести перегруппировку, переправив часть войск на западный берег. 28-му гвардейскому стрелковому корпусу теперь отводилась главная роль.

88-я гвардейская стрелковая дивизия, как уже было сказано выше, занимала западную окраину поселков Ингулец и Зеленое, а разведчики закрепились в Андреевке. На западном берегу действовали уже два полка дивизии.

В 11 часов утра 3 марта войска 8-й гвардейской армии перешли в общее наступление, форсировали в нескольких местах Ингулец и, продвинувшись за день боя на 5–6 километров, захватили несколько разрозненных плацдармов, соединили их воедино с глубоким выступом в глубину обороны противника. Плацдарм теперь простирался от Зеленого на Андреевку (Забережную), Широкую Дачу, станцию Николо-Козельск. Вцепившись в правый берег широко разлившейся реки, части армии переправили через реку артиллерию, танки, боеприпасы.

Немецкое верховное командование недоумевало, что же произошло. Никто не решался прямо ответить на этот вопрос. Сам Гитлер, а за ним командующий армией уже 4 марта потребовали объяснений у своих генералов фон Эдельсгейма и фон Шверина.

Несколько позже с трофейными документами к нам попал любопытный документ. Он хранится в моем личном архиве.

«ТЕЛЕФОНОГРАММА

30 арм. корпус

4.3.44 г. 24.00

по кабелю. **Секретно.**

Командиру 24 ТД фон Эдельсгейм Командиру 16 МД фон Шверин

Командование корпуса получило нижеследующий приказ господина Верховного Главнокомандующего:

„Из быстрого и глубокого прорыва неприятелем фронта 16 МД и неясного положения там до сих пор я заключаю, что некоторые командиры подразделений дивизии утратили боеспособность. Я требую тщательного расследования и наказания виновников-командиров и их заместителей со всей строгостью военным трибуналом, согласно создавшемуся положению. О принятых мерах меня немедленно информировать.

Верховный Главнокомандующий“.

„Командиру 24 ТД фон Эдельсгейм и командиру 16 МД представить мне такой материал до 6.3.44 г.

В материалах указать:

1. Почему при Зеленое противнику удалось вклиниться и быстро совершить прорыв.

2. Чем вызвано беспорядочное отступление из „пункта 2“.

3. Почему в ночь с 3 на 4 марта правый фланг 16 МД беспорядочно отступил вопреки приказу корпуса и тем самым поставил под серьезную угрозу левый фланг 3-й горнострелковой дивизии.

Всех виновных командиров и их заместителей снять с должностей и отдать под суд военного трибунала соответственно требованию Верховного Главнокомандующего.

Командированный генерал Мюллер.

Исх. № 1044/44 г.“»

Командование 8-й гвардейской армии исходило из реальной обстановки на правом берегу реки Ингулец. Переправив 3 марта основные силы армии на левый берег, установив на позициях артиллерийские батареи, подтянув для атаки танки, мы считали возможным уже 4 марта сильным ударом развить наступление и подготовить прорыв для ввода в бой подвижной группы Плиева.

И вдруг вечером 3 марта я получаю приказ командующего фронтом, несколько удививший меня.

Командующий фронтом приказал отменить до утра 6 марта выполнение своего приказа, нацелившего войска фронта на широкое наступление.

Слов нет, лучше отложить наступление, чем бросать войска в бой без боеприпасов, с ходу, с марша, не сосредоточив их на исходных позициях. Но на войне иной раз слагается обстановка, которая требует быстрых и решительных действий, когда всякая отсрочка может оказаться более выгодной противнику.

С позиции командующего армией, конечно, не все видно в масштабе действий всего фронта. Но сколько я ни вчитывался в приказ командующего фронтом, понять и принять его внутренне никак не мог.

Я рассуждал так.

За день боя мы понесли незначительные потери при форсировании такой серьезной водной преграды, как разлившийся Ингулец, — всего сорок человек убитыми и ранеными. Мы захватили только пленными около 500 человек. Мы нащупали слабые места в обороне противника.

Противник, несомненно, уже понял нависшую над ним угрозу, разгадал и направление нашего главного удара, определил место наиболее глубокого вклинения в свои позиции и постарается в кратчайший срок сманеврировать резервами, заткнуть прорыв новыми частями. Мы встретим мощную оборону. Для того чтобы по бездорожью подбросить к месту прорыва обороны в районе Зеленое резервы, ему потребуется не менее двух суток. Мы сами даем ему время для подтягивания резервов, если отложим наступление на два-три дня.

Армия вела бой 3 марта фактически лишь четырьмя дивизиями. Все остальные дивизии принимали на ходу пополнения, занимались переправой войск и техники, пополнялись боеприпасами. Они были готовы к развитию наступления.

Была нацелена на прорыв на участке 8-й гвардейской армии и конно-механизированная группа И. А. Плиева. Стало быть, мы имели возможность, расширив прорыв, образовавшийся ночью, обеспечить быстрый и решительный ввод группы в чистый прорыв.

Что же могло побудить командующего фронтом приостановить так удачно начавшееся наступление? Я решил доложить о своих сомнениях и спросил разрешение продолжать наступательные действия. Ночью я связался с Малиновским. Узнав подробности о прорыве обороны противника и взвесив

наши возможности, он дал согласие на продолжение наступления с утра 4 марта.

Утром 4 марта артиллерия армии обрушила огонь на позиции противника. Командующий артиллерией генерал Н. М. Пожарский опять удачно спланировал огонь. Артиллерия била по выявленным батареям врага, разбивала опорные пункты обороны, разрушила блиндажи и огневые точки. Сразу же поднялись в атаку стрелки. Под прикрытием артиллерийского огня и нашей авиации работали переправы.

6 марта войска 8-й гвардейской армии осуществили прорыв обороны противника на глубину 12 и по фронту до 18 километров. Войска вышли на рубеж: Зеленое — Ново-Малиновка — Казанковка — Анновка — Украинка — Зеленый Гай — Веселый Став.

Таким образом был подготовлен ввод в чистый прорыв конно-механизированной группы Плиева.

Командующий фронтом приказал 6 марта войти Плиеву в прорыв. В 20 часов 30 минут группа генерала Плиева начала проходить через боевые порядки 8-й гвардейской армии. Начинался разгром противника…..

7 марта Военный совет фронта издал приказ, в котором 8-й гвардейской армии предписывалось к исходу 8 марта овладеть рубежами: Троицко-Сафоново, Скобелево, Владимировна и содействовать продвижению соседей ударами одной стрелковой дивизии на Первомайский, Веселый Гай и силами двух стрелковых дивизий на Заря, Каменка, Луговка. Армейские резервы предлагалось вывести в район Червона — Михайловка.

Группе генерала Плиева надлежало решительно развивать успех и к исходу 8 марта овладеть Новым Бугом, Першетравенским, Симоновкой, Ново-Юрьевкой, Ново-Дмитровкой. Передовым отрядам конно-механизированной группы ставилась задача — захватить переправу через Ингулец у Оленевки, иметь разведку в направлений на станцию Казанку, Баштанку, Малеевку.

46-я армия нацеливалась на Михайловку, Новую Владимировку, хутор Графский.

Командармам 5-й ударной и 6-й предлагалось к исходу 8 марта, продвинувшись резко вперед, овладеть рубежами: Большая Александровка, Борозенский, Суханово — 5-й ударной армии и Перемога, Александровка, Каменный — 6-й армии..

Исходя из этого приказа по фронту, Военный совет армии разработал план операции, и на рассвете 8 марта я подписал приказ о наступлении в направлении на Новый Буг, Троицко-Сафоново, Скобелево, Владимировка.

…Выйдя своим правофланговым 28-м гвардейским стрелковым корпусом в район Новый Буг, Ново-Полтавка, Показное, армия своим правым флангом повернула на юг, развивая наступление вдоль железной дороги Новый Буг — Николаев, с целью окружения противника, действовавшего к востоку от этой железной дороги.

К исходу 10 марта 79-й гвардейская стрелковая дивизия вышла в район Баштанка, Зеленый Клин, Ново-Егоровка; 88-я гвардейская стрелковая дивизия — в район Горожено, Шевченко, Зеленый Гай; 39-я гвардейская стрелковая дивизия завязала упорный бой на рубеже: Новоселовка, Ново-Полтавка. 35-я гвардейская стрелковая дивизия вела бои за Черниговку и Христофоровку, повернувшись фронтом на юг.

57-я и 47-я гвардейские стрелковые дивизии сосредоточивались в районе Симоновка, Красностав, Попазно.

29-й гвардейский стрелковый корпус вел упорные бои с противником фронтом на запад по р. Висунь.

В 16 часов 10 марта противник с южной окраины Христофоровки и из Новоселовки контратаковал части 35-й и 39-й гвардейских стрелковых дивизий силами нескольких полков пехоты с 10 самоходными орудиями типа «фердинаид». Эта контратака показала, что противник, попав в окружение, ищет слабые места, чтобы прорваться и выйти из окружения. В районы Малеевки, Ново-Сергеевки, Явкино и Березнеговатое противник стягивал большие силы. Туда двигались колонна за колонной с юга и юго-востока.

За время боев с 5 по 10 марта нами были захвачены трофеи: орудий — 46, минометов — 34, пулеметов станковых и ручных — 220, бронетранспортеров, танков и САУ — 32, автомашин — 114, мин и снарядов — более 150 тысяч. Кроме того, в районе Ново-Полтавки нами был захвачен артиллерийский склад, в котором находились тысячи вагонов всевозможных боеприпасов.

Похоже было, что удар готовится на Ново-Полтавку, что противник намерен вернуть обратно свой артиллерийский склад и пополниться боеприпасами.

В результате стремительного и глубокого вклинения 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы Плиева вдоль железной дороги Новый Буг — Николаев для противника к исходу 10 марта создалась обстановка почти полного окружения. Собираясь прорваться в западном направлении, гитлеровцы к 11 марта в районе Малеевка, Ново-Сергеевка, Христофоровка создали группу прорыва из 17, 125 и 302-й пехотных дивизий, танков и начали наносить удары в западном и северо-западном направлениях на Ново-Полтавка и на Привольное.

Для усиления правого крыла 8-й гвардейской армии, командующий фронтом придал нам 23-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Е. Г. Пушкина. Корпус сосредоточивался в Зеленом Гае, Баштанке, Шевченко.

Корпус еще только подходил к месту назначения… Мы с ним поддерживали связь по радио. Шли осторожные переговоры короткими сигналами, чтобы немцы по радиоперехватам не догадались о передвижениях корпуса. И вдруг по радио открытым текстом сообщение… Убит Пушкин… Генерал-лейтенант, командир корпуса. Убит осколком бомбы, сброшенной вражеским истребителем. Командир танкового двадцать третьего… Мы часто встречались на одних и тех же боевых дорогах, в штабном блиндаже или командных пунктах…

Нет, неправду говорят, что на войне привыкаешь к смерти!

Но что делать с корпусом? Он имел задачу лишь на сосредоточение — боевая задача перед ним не ставилась. Ставить ее по радио было невозможно.

Военный сосед армии решил перебросить на самолете ПО-2 из района Троицко-Сафоново на Баштанку командующего бронетанковыми и механизированными войсками 8-й гвардейской армии генерала Матвея Григорьевича Вайнруба. Ему была поставлена задача — вступить в командование танковым корпусом, находясь во втором эшелоне армии. Держать тесную связь с частями конномеханизированной группы Плиева и с дивизиями 28-го гвардейского стрелкового корпуса, не допуская прорыва противника на запад через железную дорогу Новый Буг — Николаев. Всякие попытки противника прорваться на запад должны отражаться контрударами. Через час Вайнруб улетел, а через три часа я получил от него кодограмму о благополучном приземлении и прибытии в штаб 23-го танкового корпуса.

К утру 11 марта конно-механизированная группа генерала Плиева захватила и удерживала район Явкино, Бармашово, Грейгово, отбивая яростные контратаки противника; части 8-й гвардейской армии к этому времени вели бой на рубеже: Красно-Федоровка, Баштанка, Ново-Братское, Андреевка, Ново-Полтавка, Новоселовка, Ново-Христофоровка, Владимировка.

С каждым часом, с каждой новой контратакой противника становилось яснее и яснее, что гитлеровское командование стремится вывести войска из окружения в направлении на Ново-Полтавку, Баштанку и Бармашево, что главные силы противника сосредотачиваются в двух районах: северная группа в составе 5–6 дивизий в районе Владимировка, Малеевка, Ново-Севастополь, Ново-Сергеевка, Ново-Павловка; южная группа — в районе

Березнеговатое, Явкино, Пришиб в составе 3–4 дивизий.

Особую тревогу вызывала опасность захвата противником Ново-Полтавки с артиллерийским складом, размещенном на железнодорожной ветке, идущей от станции Ново-Полтавка на Владимировку. Пополнившись на этом складе боеприпасами, противник мог приобрести огневое превосходство, ибо у нас боеприпасы были уже на исходе.

Нужно было немедленно предпринять действенные меры, произвести перегруппировку войск, встретить противника контрударами на направлении его прорыва из окружения.

Штаб армии и Военный совет на основании анализа сложившейся обстановки приняли решение:

1) На участке реки Висунь против северной группировки противника оставить части 27-й и 82-й гвардейских стрелковых дивизий, зная, что противник наступать или прорываться на восток не будет, а 74-ю гвардейскую стрелковую дивизию перебросить форсированным маршем через Михайловку, Скобелево в Ново-Полтавку, Ефремовку.

2) Командиру 4-го гвардейского корпуса, строго оберегая свой левый фланг, перейти в наступление в общем направлении на Малеевку, Ново-Владимировку, Ново-Севастополь и овладеть ими.

3) Командиру 28-го гвардейского стрелкового корпуса продолжать наступление в общем направлении вдоль железной дороги на юг и к исходу 11 марта выйти на рубеж: Новая Криница, Ново-Александровка, Явкино.

4) Передовой командный пункт армии немедленно перенести в Ново-Полтавку, чтобы оттуда руководить разгромом окруженного противника.

5) Командующему артиллерией генералу Пожарскому выделить один артиллерийский дивизион, в котором меньше всего снарядов, придать ему немецкие трофейные исправленные орудия, поставить его на огневые позиции около трофейного немецкого артиллерийского склада боеприпасов в районе Ново-Полтавка и, не жалея немецких снарядов, громить его группировку в районе Ново-Сергеевка, Малеевка.

Эти действия были одобрены командующим фронтом генералом Малиновским, который в связи с успешным наступлением и выходом 46-й армии генерала Глаголева на реку Ингул, нацелил в район Ново-Полтавка свой резерв — 152-ю стрелковую дивизию и 11-ю отдельную штурмовую истребительную саперную бригаду. Прибытие резерва в район боевых действий армий можно было ожидать через 1–2 суток.

С оперативной группой я незамедлительно выехал из

Троицко-Сафонова в Ново-Полтавку. На командном пункте вместе со мной были член Военного совета армия генерал Семенов, командующий артиллерией, сталинградец, генерал-майор Пожарский, заместитель начальника штаба армии полковник Белявский, полковник Ткаченко и офицеры штаба Велькин, Касюк, Копаненко, Павлов и другие. Проезжая по дороге от Вольное — Запорожье до Ново-Полтавка, мы дважды сталкивались с просочившимися небольшими группами противника, дважды отстреливались от этих групп и прокладывали дорогу на Ново-Полтавку по вспаханным полям.

Прибыл утром 12 марта в Ново-Полтавку и, установив связь с 28-м и 4-м гвардейскими корпусами, а также с 23-м танковым корпусом, изучив на месте обстановку, я понял, что паше прибытие в Ново-Полтавку было как никогда своевременным и нужным. Противник успел сосредоточить достаточно сил и средств и развертывался для прорыва создающегося кольца окружения.

Шел март месяц. Начало марта на юге Украины — это самая распутица. Зима была гнилой. Дожди, мокрый снег, редкие морозы. В марте земля окончательно отволгла, распустилась. Грязь была нестерпимой. В иных случаях она так запутывала дороги, что прямое движение войск от одного населенного пункта к другому было просто невозможно. Грязь мешала вести наступление сплошным фронтом. Между различными населенными пунктами образовывались разрывы и пустоты. Расчлененная немецкая группировка гитлеровских войск в районе Снигиревки искала пути отступления не только крупными соединениями, но и мелкими группками, отрядами. Растекались во все стороны бродячие солдаты. К весне 1944 года в немецкой армии не осталось желающих повторения Сталинграда.

Немецкие солдаты в отчаянии бросались в безнадежные контратаки. Иной раз, увязая по колено в грязи, они шли в рост на наши позиции. Встреченные кинжальным пулеметным огнем, они устилали трупами раскисшие пашни. Разбивалась о нашу оборону первая волна, поднималась вторая, третья… Это были атаки обреченных, измученных людей, которые пытались пробиться на запад, в надежде уцелеть, выжить…

Смертельно раненный зверь в своем последнем прыжке иной раз может ранить и охотника. Поэтому, прежде чем завершить операцию по окружению крупной группировки немецких войск, мы должны были проявить крайнюю осторожность, должны были быть готовыми к тому, что противнику удастся просочиться сквозь наши разбросанные боевые порядки, сквозь бреши в движении наших передовых частей.

Так и случилось в Ново-Полтавке.

Наша разведка без труда установила, что в районе Лоцкина, Малеевки, Ново-Сергеевки (западной), Ново-Павловки скопились значительные соединения немецких войск. Ни сараи, ни жилые дома не могли замаскировать немецкую технику и пехотинцев.

Крупными массами пехоты, при поддержке танков, минуя опорные пункты наших войск, противник пытался просочиться сквозь наши войска, взяв направление на Ново-Полтавку, дорываясь до склада с боеприпасами. С Ново-Полтавки открывался для противника путь к реке Ингул на Ново-Горожено и Привольное. Поспешность немецкого командования с контратаками, их отчаянность были в этой обстановке объяснимы.

К исходу дня 12 марта контратаки немцев участились. Создалась реальная угроза их проникновения к подступам Ново-Полтавки. Срочно сформированные две батареи из 105-мм немецких орудий и выставленные на огневые позиции около вагонов с немецкими боеприпасами не жалели снарядов.

Артиллеристы вели огонь прямой наводкой по наступающей немецкой пехоте. Трудно сейчас сказать, сколько их шло на верную смерть. Огонь был уничтожающим. Пришлось создать дублирующие орудийные расчеты, чтобы артиллеристы могли сменяться через каждые два-три часа безостановочного огня. Пленные называли номера дивизий: 17, 125, 302-ю пехотные, 3-ю горнострелковую и 97-ю легко-пехотную.

К исходу 12 марта немецким войскам все же удалось несколько продвинуться вперед. В ходе боев так сложилось, что оборонять район Ново-Полтавки пришлось разрозненным частям 39-й и 79-й гвардейских дивизий. Противник нащупал самое слабое место в боевых порядках нашей армии.

Почему же так сложилось, что участок под Ново-Полтавкой оказался несколько ослабленным?

Во время наступления наши дивизии веером раскинули свои полки, ломая сопротивление немцев в опорных пунктах их обороны. В иных случаях нас вынуждала к этому непролазная грязь. Это привело к некоторой разбросанности наших войск, создало разрывы в линии фронта.

Например, главные силы 79-й гвардейской стрелковой дивизии вели бои на рубеже Тарасовка — Ново-Ивановка, в то же время 220-й гвардейский полк отбивал контратаки противника из Новоселовки. 112 и 117-й гвардейские полки 39-й гвардейской стрелковой дивизии вели бои на участке Ново-Полтавка, хутор Веселый, а 120-й полк сражался под Ново-Павловкой. Действия всех этих полков было очень трудно скоординировать, а

производить какую-то перегруппировку во время боя было невозможно.

Артиллеристы, пустившие в дело немецкие орудия, несколько ослабили натиск противника. В это время подошла 11-я отдельная штурмовая инженерно-саперная бригада. Я приказал ей занять и уплотнить оборону по рубежу хутор Веселый — станция и поселок Ново-Полтавка. На участке хутор Веселый — Новоселовка пришлось развернуть силы 57-й гвардейской стрелковой дивизии. Это дало нам возможность уплотнить боевые порядки и закрыть разрывы, через которые просачивались немецкие части на запад.

Перегруппировка войск началась, но проходила она при непрерывных контратаках немецких частей. В этом районе назревал кризис, явно стоял вопрос, кто кого переселит и сломит.

Противник ценой немыслимых потерь занял Новоселовку, прорвался к Ново-Горожено. Его атаки поддерживала авиация. Группами по 12–18 самолетов немецкие самолеты заходили на наши позиции. Бой приблизился к южной черте артиллерийского склада в Ново-Полтавке. Я решил одной танковой бригадой 23-го танкового корпуса контратаковать прорывающиеся части противника.

Мой наблюдательный пункт размещался на паровой мельнице в Ново-Полтавке. Прикрывал его всего лишь взвод саперов. Это все, что оставалось в ту минуту под рукой командующего армией. Я ждал донесения от генерала Вайнруба о готовности к бою одной танковой бригады 23-го танкового корпуса. Наконец получил донесение, что танковая бригада изготовилась. В 17.00 я дал сигнал танковой атаки. Атака была нацелена на Ново-Горожено и Зоотехникум. С наблюдательного пункта было видно, как наши танки с ходу врезались в боевые порядки немецкой пехоты, расстреливая на ходу солдат, круша артиллерию.

Я вспомнил август — сентябрь сорок второго года, когда немцы рвались к Сталинграду, когда их танки двигались клиньями против наших стрелков. Тогда наши солдаты не бежали, они зарывались в землю, ложились на дно окопчиков, пропускали над собой стальные чудовища и все же отсекали от них пехоту. В танки, под гусеницы танков летели противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью. Рождалась солдатская слава истребителей танков. Морской пехотинец Паникако в Сталинграде сжег себя вместе с вражеским танком… Немецкие солдаты и офицеры в 1944 году в панике побежали. Бежать по грязи было трудно. Они падали, опять поднимались, метались на месте, сходя с ума от охватившего их ужаса. Тысячи

немецких солдат, бросая оружие и сбрасывая с себя одежду, бежали от Зоотехникума и из-под Ново-Полтавки обратно в район Ново-Сергеевки, Малеевки.

Должен отметить, что наши танкисты злоупотребляли орудийным огнем, тогда как огонь из пулеметов в той обстановке был бы более эффективным.

Положение в районе артиллерийского склада значительно улучшилось. Но мы отдавали себе отчет в том, что немецкое командование через горы трупов своих солдат все же может попытаться осуществить прорыв в этом направлении, ибо кольцо окружения неумолимо сужалось.

В ночь на 13 марта был получен короткий приказ командующего фронтом, который предписывал 8-й гвардейской армии с 23-м танковым корпусом и приданной из моего резерва 152-й стрелковой дивизией разгромить группу противника, пытающуюся прорваться на запад из района Ново-Сергеевка, Малеевка и к исходу 13 марта выйти на рубеж: Пески — Добрая — Криница — Явкино — Ново-Севастополь.

Конно-механизированной группе генерала Плиева предлагалось овладеть Снигиревка и в течение 13 марта удерживать за собой район Киселевка, Бурхановка, Снигиревка, Октябрьский, Бармашево.

46-й армии, закрепив за собой плацдарм на западном берегу реки Громколей, в течение 13 марта подтянуть тылы и артиллерию, готовясь к наступлению с утра на Ново-Октябрьский.

Приказ соответствовал сложившейся обстановке. Штаб фронта правильно проанализировал события, обобщил данные, поступившие из войск, и наметил по существу завершение окружения и уничтожение группировки противника, зажатой в районе Березнеговатое, Снигиревка.

13 марта 8-я гвардейская армия начала наступление. Медленно опускался молот на наковальню. Перестроение войск, проведенное к концу дня и в ночь на 13 марта в районе Ново-Полтавка, позволило мне усилить правый фланг армии, замыкающий дугу окружения. Введенная в бой 74-я гвардейская стрелковая дивизия давила на противника в районе Ново-Братский и Явкино, 152-я стрелковая дивизия спускалась к югу из района Ново-Полтавка в Баштапку.

В 18 часов к Ново-Полтавке подошла 353-я стрелковая дивизия, приданная нашей армии из 46-й армии В. В. Глаголева. Она развернулась фронтом на юг на рубеже Полтавка — Кирово. Наши войска выбили противника из Новоселовки, Владимировки, Лоцкина, вели бои за Ново-Очаков, Малеевку и Ново-Сергеевку. Все попытки противника прорваться на запад, найти слабое место

в наших боевых порядках ни к чему не привели.

Войска армии готовились к решительному наступлению с рассветом 14 марта. В качестве молота были нацелены 39, 47, 35-я гвардейские, 353-я стрелковая дивизии и 23-й танковый корпус со средствами усиления. Отрезали отход противнику и как наковальня были 88, 79, 74-я гвардейские и 152-я стрелковые дивизии. 82-я гвардейская дивизия наступала с востока на широком фронте. Выведенная в резерв армии 27-я гвардейская стрелковая дивизия перебрасывалась с левого фланга армии на правый, в район Ново-Полтавки.

Противник, убедившись в невозможности прорыва через наши боевые порядки днем, решил пойти на ночной прорыв. Во второй половине дня 13-го и ночью гитлеровское командование создало две группы: первая — в районе Ново-Горожено, Тарасовка, Ново-Сергеевка — 7 дивизий: 3-я горнострелковая и 97-я легко-пехотная, 17, 79, 125, 258 и 302-я пехотные и 24-я танковая дивизии; вторая — Киевский, Ново-Севастополь, Татьяновка, Краснополье, Явкино — 4 дивизии: 294, 304, 306 и 370-я пехотные дивизии. Во втором часу ночи 14 марта плотными цепями и колоннами гитлеровцы двинулись на прорыв, ведя ружейно-автоматный огонь на ходу. Наша артиллерия вести огонь не могла, но пехота и танкисты расстреливали в упор немцев. Они шли, не обращая внимания на наш огонь. Своих потерь они ночью не видели и гибли сотнями и тысячами.

Надо было кончать с этой бойней. В 2 часа ночи я приказал 35, 47, 57-й гвардейским стрелковым дивизиям и 353-й стрелковой дивизии перейти в наступление с севера на юг.

Трудно было ночью определить, как развертывается бой на уничтожение окруженной группировки немецких войск. Можно было о чем-то догадываться по интенсивности ружейно-пулеметного огня. Только днем мы установили по трупам немецких солдат, наваленных буквально штабелями, что гитлеровские войска пытались выйти на Ингул и спастись на западном берегу этой речушки.

14 марта 1944 года. Занялся рассвет.

Немецкие колонны и отдельные группы все еще пытались прорваться на запад.

По полям и дорогам по колено в грязи брели толпами измученные солдаты, вчера еще жестокие и неумолимые захватчики.

Ночью наши танки стояли неподвижно.

Утром из неподвижных огневых точек они превратились в грозную силу.

С рассветом весь фронт пришел в движение. К 10 часам утра

разгром противника в районе Ново-Сергеевка, Ново-Горожено, Тарасовка, Зеленый Гай был завершен. Двумя часами позже всякое сопротивление противника было подавлено в районе разъезда Горожено, Ново-Павловка, Ново-Севастополь, Ново-Братский.

В результате боев 13 и 14 марта были разгромлены 29-й немецкий армейский корпус в составе 79, 302, 97, 17, 125, 258-й пехотных дивизий и остатки 24-й танковой. Нанесен был значительный урон 294, 304, 306 и 370-й пехотным дивизиям.

За два дня боев было убито около 25 тысяч немецких солдат и офицеров, взято в плен около 10 тысяч…

Огромны были и трофеи тяжелого оружия, легкого, автомашин, танков, самоходных орудий, бронетранспортеров.

Сколько трупов и оружия было оставлено и брошено в оврагах, балках и в поле — сказать трудно.

На запад, за Южный Буг, прорвались немногие.

Освобожденные жители рассказывали, что некоторые немецкие солдаты и офицеры сходили с ума.

Наши войска разгромили и отбросили противника с Днепра, полностью изолировали с суши крупную фашистскую группировку в Крыму и открыли путь на Днестр и на Одессу.

Для быстрого преследования и разгрома отходящих войск противника осталось одно препятствие. Это — грязь и бездорожье, а также лиманы рек, впадающих в Черное море…

Еще в ходе последних боев по разгрому и уничтожению Березнеговато-Снигиревской группировки немцев, когда вполне определился успех операции, Ставка Верховного Главнокомандования 11 марта направила директиву командующему фронтом Р. Я. Малиновскому и представителю Ставки Верховного Главнокомандования Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому.

В директиве предписывалось: 3-му Украинскому фронту преследовать отходящего противника, не допустить его отхода за р. Южный Буг и захватить переправы через р. Южный Буг на участке: Константиновка, Вознесенск, Новая Одесса, дабы не дать возможности противнику организовать на р. Южный Буг оборону.

Города Николаев и Херсон освободить с ходу.

Занять Тирасполь, Одессу и продолжать наступление с целью выхода на р. Прут и северный берег р. Дунай, т. е. на нашу государственную границу.

Я прошу читателя вдуматься в смысл этих слов. Речь шла о выходе на нашу государственную границу. До нее еще было не близко и путь пролегал нелегкий, впереди нам предстояли бои и

сражения, но уже в документе, сухим военным языком граница была названа как рубеж для достижения в ходе одной предстоящей операции.

Отвоевание родной земли уже было зримо и ощутимо. Об этой минуте мечтали солдаты, отходя в сорок первом.

Обещали скоро вернуться. Скоро не получилось. Получилось и долго и трудно…

Эти строчки Верховного Главнокомандующего вызывали в тот час огромное волнение. И дело совсем не в том, что эту директиву подписал Сталин, мы и без директивы Ставки отдавали себе отчет, какие предстоит решать задачи после боев на реке Ингулец. Но эти задачи были сформулированы, и они обретали реальность…

3

Ныне, возвращаясь к прошлому, а для человеческой жизни в общем-то к далекому прошлому (со дня окончания войны прошло уже более двадцати пяти лет), невольно сплетаешь его в иных аспектах с настоящим.

Сегодня опять маршируют по улицам городов в Западной Германии солдаты, опять звучат отрывистые слова команды. Генералы не только пишут мемуары, они вновь вооружаются.

Остается только подивиться, сколь коротка человеческая память.

Выше уже упоминалось имя генерал-лейтенанта графа Герхарда фон Шверина. Приводился разгневанный запрос Гитлера о его действиях. Это он, командир 16-й моторизованной дивизии, позорно и трусливо бросил своих солдат на производя судьбы, а сам бежал… В своем отчете он объясняет побег тем, что «попал в состояние шока».

Совсем же недавно граф Шверин, битый генерал-лейтенант, был одной из главных фигур в возрождении германской военщины, одним из первых организаторов бундесвера. Выступал он в роли наставника и «ценного теоретика» для организации вооруженных сил НАТО.

В начале февраля 1944 года немецким командованием была создана группа в составе 16-й моторизованной и 123-й пехотной дивизий. Командование этой группой было вверено генерал-лейтенанту графу Герхарду фон Шверину — типичному представителю прусской военной касты, как любят ныне выражаться на Западе, профессиональному военному.

Семья Шверинов действительно давно и тесно связана с

милитаризацией Германии. Так, в списке немецкого историка Гёрлитца, где перечисляются дворянские фамилии, поставившие в 1927 году в немецкую армию наибольшее число своих отпрысков, на первом месте стоят Шверины.

Послужной список этого рода вояк до удивления однообразен.

Место рождения — Остэльбия, провинции к востоку от Эльбы: Померания, Силезия, Западная и Восточная Пруссия. Земельные владения, оставшиеся почти без изменений со времен феодального строя.

С десятилетнего возраста — подготовительное училище. Затем кадетское училище в Гросс-Лихтерфельде. После кадетского училища по традиции служба в полку, в котором служил отец. Служба недолгая и необременительная. Из полка — в военную академию. Из военной академии — в генштаб, с командировками в войска. Психология ландскнехта, наемника и убийцы. Внешне подчеркнутое неучастие в политической жизни страны. Но это только внешне. Именно отсюда вышли душители германской революции, разразившейся после первой мировой войны, отсюда пришел удар и по Веймарской республике, отсюда вышли люди, которые привели к власти Гитлера.

Словом, граф Шверин вполне законченный образец немецкого генерала, немецкого военного профессионала. На что же, спрашивается, годился его профессионализм, за который с жадностью ухватились американские и английские военные круги после второй мировой войны?

Группа фон Шверина, поддержанная резервными 9-й и 24-й танковыми дивизиями и 3-м артиллерийским дивизионом, противостояла 8-й гвардейской армии в обороне на участке Николаевка, Лошкаревка на правом берегу Днепра. Попав под удар 8-й гвардейской и 46-й армий в начале февраля, эта группа была отброшена с большими потерями на рубеж Каменка — Шолохово, затем на рубеж реки Ингулец, в район Широкое, где ей и наступил конец. Начало этого конца, как говорилось выше, положили младшие офицеры и младшие командиры Красной Армии, переиграв профессионала в генеральском звании. Парадоксально, но факт.

Теперь посмотрим, как это отображено в ряде документов, которые нами были захвачены после панического бегства Шверина и его штаба с реки Ингулец.

Перед нами письмо командующего 6-й немецкой армией генерала Холлидта от 13 февраля 1944 года.

Командиру 16-й мотодивизии

Господину генерал-лейтенанту графу фон Шверин

Против Вас возбуждены обвинения, что Вы:

а) наперекор известному Вам точно сформулированному приказу корпуса не боролись до последних сил за доверенный Вам участок Каменка, а преждевременно покинули его, оставив слабый арьергард, и приказали дивизии сосредоточиться в Широкое. Этим Вы вывели свою часть в критический момент с поля боя и открыли противнику выход на оперативный простор;

б) не сочли возможным сообщить об этом корпусу, несмотря на то, что имели все возможности сделать это незамедлительно;

в) в критический момент, несмотря на повторный приказ, не использовали все возможности связаться с корпусом и не информировали корпус о положении на Вашем участке.

В целях предварительного уяснения, я поручил армейскому судье — старшему судейскому советнику доктору Коварцик выслушать Вас по существу дела.

Это поручение не рассматривается, как военно-судебное дознание. Вас выслушают от моего имени.

В силу этого прошу Вас после передачи дивизии полковнику фон Мантойфель явиться на главную квартиру армии, захватив с собой материал по существу дела.

Подписано Холлидт

Что же случилось? Почему вдруг заслуженного боевого генерала, человека, отличившегося еще в первую мировую войну, ставят под подозрение в профессиональной несостоятельности и предпринимают разбирательство судебного характера? Может быть, здесь чувствуется рука неумного диктатора, который пытается свалить на своих генералов неудачи на восточном фронте? Оставшиеся в живых гитлеровские генералы теперь только так и не иначе трактуют подобные казусы Во всем, дескать, виноват Гитлер…

Я просто хочу подчеркнуть, что бит был не только Гитлер, а и генералы хваленой прусской военной школы.

Так что же случилось с генерал-лейтенантом Шверином? Может быть, его группа отступила под ударами численно превосходящего противника?

Обратимся к следующему документу, положившему начало расследованию, предпринятому командующим 6-й полевой

армией генерал-полковником Холлидтом. 11 февраля 1944 года командир 30-го корпуса генерал-лейтенант Фреттер-Пико посылает докладную командующему 6-й армией.

К делу о расследовании военным судом действий командира 16 мд генерал-лейтенанта графа фон Шверина 4.2.44 г.

1. На 3.02 группа Шверина имела приказ занять оборону на правом участке фронта — Каменка. Этот приказ был получен командиром дивизии, что подтверждается его телефонным запросом и телефонным разговором начальника оперативного отдела дивизии с начальником штаба корпуса.

Начальник оперативного отдела 16 мд доложил по телефону начальнику штаба корпуса, что части дивизии оставили Михайловку и Благодатное, отступив перед численно меньшими силами противника, и что оперотдел принимает срочные меры, чтобы продвинуть части на старый рубеж. При этом начальник штаба корпуса дал указание — непременно закрыть обнажившийся участок севернее Благодатное — Сорочино.

4. 02 группа Шверина доложила коротко по телефону, что противник занял высоту севернее Михайловка и наступает на Михайловку, а в 5.45 4.02 — что Михайловка предположительно оставлена частями дивизии.

До первой половины дня донесений не было. Начальник штаба корпуса поехал на КП дивизии, расположенный в поселке Память Ильича, для выяснения обстановки, но никого там не нашел. В поселке горели подожженные машины и стояли взорванные орудия. У станции южнее Память Ильича вели огонь артиллеристы, от которых он узнал, что это арьергард группы Шверина и что дивизия по приказу командира передислоцируется в Широкое. Начальнику штаба корпуса сообщили, что арьергардом командует майор Ценгер. Силы арьергарда: 30 человек пехоты, две легкие полевые гаубицы (с недостаточным количеством снарядов), две тяжелые полевые гаубицы и четыре штурмовых орудия.

Командир дивизиона доложил, что тяжелые гаубицы расстреливают последние снаряды по Михайловке и предполагаемым: путям подхода противника, что, расстреляв снаряды, он имеет задачу уйти в Широкое.

Начальник штаба корпуса установил, что начальник арьергарда находится со штурмовым орудием в предполье, что ему приказано держаться с арьергардом до подхода противника, после чего также уйти в Широкое. Артиллеристы показали, что командир дивизии был недавно здесь и очевидно уехал в Александровку.

После этого начальник штаба корпуса выехал в Александровку и с КП запросил командира 16 мд, действительно ли он приказал дивизии сосредоточиться в Широкое. Командир дивизии генерал-лейтенант граф фон Шверин подтвердил, что им отдан такой приказ.

Начальник штаба корпуса поинтересовался, согласован ли этот приказ с командованием армии, действовал ли командир дивизии по своей инициативе или выполнял установки штаба армии. Генерал-лейтенант граф фон Шверин ответил, что действовал исключительно по своему усмотрению. Начальник штаба корпуса поставил вопрос, есть ли возможность остановить дивизию, ввести ее в бой и приостановить наступление противника. Генерал-лейтенант граф фон Шверин ответил, что дивизию в пути остановить уже поздно, что она дислоцировалась в Широком, что туда же следует штаб полка, которым командует Грольман, что он намерен назавтра туда же перевести оперативный отдел дивизии.

На вопрос командира дивизии, должен ли арьергард держаться до приказа на отступление, начальник штаба корпуса ответил, что при всех обстоятельствах штурмовые орудия и прочие бронесилы должны остаться на занимаемых позициях, поддерживая связь со штабом корпуса. При этом начальник штаба корпуса указал на последствия, которые могут иметь самостоятельные действия группы Шверина для положения корпуса в целом.

По данным начальника штаба корпуса, корпус только в 5.45 4 февраля получил известие о положении группы Шверина и об отходе группы вопреки приказу корпуса. Корпус до этого мог судить об обстановке из предположения, что группа Шверина все еще находится на своем прежнем рубеже, что Михайловка взята обратно или, по меньшей мере, противник там остановлен.

Своими действиями генерал-лейтенант граф фон Шверин в критический момент вывел свои части с поля

боя и предоставил возможность противнику выйти на оперативный простор.

2. Генерал-лейтенант граф фон Шверин 4.02 имел разговор со штабом армии, однако о своих далеко идущих решениях не донес.

Он также не донес об этом корпусу, несмотря на наличие следующих возможностей:

а) переговорный пункт на ок. д. станции Память Ильича;

б) использование офицера связи или связных Путем посылки на КП корпуса на вездеходе;

в) при сомнении, что вездеход может не пройти, он мог использовать конных посыльных на отдаление 6–7 км КП корпуса.

3. В период предшествующих больших боев информация и ориентирование со стороны группы Шверина была в высшей степени недостаточной. Например, в течение нескольких часов ни его, ни начальника оперотдела не было на КН. Корпус пытался своими силами через офицеров связи и повторно через начальника оперотдела дивизии устранить эти недостатки и, наконец, в первой половине 3 февраля в самой острой форме возбудил этот вопрос.

Вначале причину этих недостатков усматривали в несоответствии своей должности начальника оперотдела, но, сопоставляя все факты, мы должны были сделать вывод, что просчеты в ориентировке корпуса не случайны, что этим маскируется попытка вести самостоятельно действия, дабы поставить корпус перед совершившимся фактом.

Подписано Фреттер-Пико

Попутно я хотел бы привести еще один очень интересный документ, который, возможно, и не попал бы в наши руки, затерявшись в армейских архивах, подлежащих уничтожению. Этот документ появился в общей папке дела генерал-лейтенанта графа фон Шверина лишь потому, что немецкому генералу пришлось оправдываться перед следствием за свои действия в должности командира дивизии. Для оправдания своих поражений он и извлек его из армейских архивов.

Чем же интересен для нас этот документ?

Сегодня битые немецкие генералы всячески оправдывают себя перед историей, тщатся возродить миф о высоком профессиональном мастерстве немецкого генерального штаба, о

его непобедимости.

Странное жонглирование историей, почти неправдоподобное.

Никто не спорит, что со времен прусского генерала Шарнхорста (1755–1813) в Германии возродилась военная каста феодального типа, ищущая источники для традиций в средневековье, у тевтонских рыцарей, зародилась на основе реформ этого генерала военная академия. Но создание военной дворянской касты — это еще не создание военной школы, это еще не военное искусство.

Битые гитлеровские генералы сегодня пишут мемуары, в своих сочинениях они лгут всему миру о своем умении воевать, ищут оправданий своим поражениям, скрывают истину, во что обошлись они немецкому народу. Манштейн и другие всячески тщатся доказать, что воевали они малой кровью. А вот что рассказывает нам документ, оставленный по случайности генерал-лейтенантом графом фон Швериным.

16 мотодивизия
— командир —
КП дивизии 21.1.44

Командиру 30 А К господину генералу артиллерии Фреттер-Пико

В дополнение к телеграмме от 19.01.44 г. доношу нижеследующее:

Трехкратное упоминание в сводках Верховного командования, в период больших беспрерывных оборонительных боев прошедшего лета у р. Миус, Донца и Запорожья дивизия трижды оплатила большими кровавыми жертвами. В этих боях она потеряла 19 411 человек, т. е. исходя из тогдашнего боечисленного состава (пехоты), она трижды уничтожена начисто.

Несмотря на это, дивизия смогла, использовав собственные резервы и получив пополнение, сохранить свою боеспособность.

Однако после боев за Запорожье восстановить боечисленный состав и боеспособность дивизии, особенно пехоты, не нашлось возможности. Регенеративные резервы истощили себя.

В этот период, т. е. с 10.10.43 г., дивизия начала бои в районе юго-зап. Днепропетровска без предварительного отдыха. Она потеряла с 20. 10. 43 г. по 14. 1. 44 г. еще 5120 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и больными.

Дивизия участвовала в боях: с 20. 10 по 2.11 в

районе севернее Гуляй Поле. С 11.11 по 30.11 — в районе южнее Назаровка. С 10. 1 по 14. 1 — вела бои за Ново-Николаевку (Николаевку).

Дивизия в целом с начала боев прошлого, года, потеряла по меньшей мере 6 раз весь свой личный состав.

И вот дивизия обескровлена. Ценность ее пехоты, как это ни больно признавать, однако это правда, пала ниже общепринятой меры существующих в настоящее время пехотных подразделений…

Подписано граф фон Шверин

Приведенный документ был написан и доложен командиру 30-го армейского корпуса 21 января 1944 года, когда еще на нее не обрушился уничтожающий удар наших войск в районе Николаевки (Ново-Николаевки) в конце января и в начале февраля 1944 года. Если вышеизложенный документ говорит о шестиразовом уничтожении 16-й мотодивизии, то после нашего наступления в конце января и в начале февраля от этой 16-й мотодивизии не должно ничего остаться. Но она опять же была пополнена пушечным мясом для новых боев.

В этом документе и намека нет на победные реляции, на которые так щедр генерал-фельдмаршал Манштейн в своих воспоминаниях.

Мне думается, что сегодняшним сочинителям мифа о непобедимости гитлеровских генералов крайне полезно ознакомиться с этими документами.

Граф фон Шверин
генерал-лейтенант
Россия, 17. 2. 44 г.
Прорыв фронта юго-западнее Ново-Николаевки
Отчет командира 16 мд и 123 пд в группу Шверина

1. Руководство

1. 14. 1.44 г. стало известно, что по личному приказу Сталина должно быть предпринято решительное наступление русских на участке юго-западнее Ново-Николаевка для ликвидации Никопольского плацдарма. Нам были известны направление главного удара и все наступательные средства за исключением количества танков, которые должны были принять участие в этой операции. Однако наша группа своевременно указывала, что такое наступление не может быть предпринято без поддержки больших танковых сил и что следует

считаться с возможностью применения противником танков. Следует отметить, что подготовленные, для отражения наступления резервы 9 тд и 24 тд, а также 3 дивизиона поддерживающей артиллерии были оттянуты непосредственно перед началом наступления. Это увеличило фронт 16 мд на 2 км на восток. Оставшись без резервов, группа при первом же неприятельском натиске оказалась перед катастрофой. Я твердо уверен, что, если бы эти резервы были оставлены, противнику никогда бы не удалось совершить прорыв такого размера, он мог бы лишь незначительно вклиниться в нашу оборону.

2. После потери ж. д. полотна севернее Сорочино в первый же день наступления русских, создавшей тактически невыгодное положение на всем участке фронта и угрозу оттеснения всей пехоты 16 мд на восток, возвращение хорошо устроенных позиций р-на по обеим сторонам поселка Звезда было бы единственно правильным решением. Неприятельский огонь был бы прекращен, и фронт оказался бы в безопасности. Но осуществить это мероприятие группа была не в состоянии, т. к. оно было связано с отходом из Лошкаревки и переброской в Вазавлук подвижных соединений. Мы этого сделать не могли, не нарушив строгого приказа Верховного Главнокомандующего: «Ни одной пяди земли не отдавать без боя».

Если бы группа внесла предложение Верховной Ставке, оно все равно не было бы принято и, кроме того, группа получила бы за это замечание.

3. К вечеру второго дня наступления пехота 16 мд, как это можно было предвидеть, была выбита из Лошкаревки. В пункте главного сосредоточения неприятельского наступления образовался слабо защищенный участок, особенно опасный еще потому, что правый фланг 123 пд и 416 пп западнее ж. д. был сильно ослаблен. На правом фланге обозначился значительный промежуток. Группа просила вернуть 9 тд и сосредоточить ее на участке Приют по обеим сторонам ж. д., чтобы предотвратить неминуемый прорыв вдоль этой дороги, но наша просьба осталась без последствий. 9 тд была сосредоточена на менее опасном участке между 123 и 16 мд в Ново-Подольске.

Следствием этого промаха явился прорыв пехотой и танками неприятеля на следующий день от жел. дор. Павлополье на Петровский. Этот прорыв повлек за собой

новое оттеснение пехоты 16 мд и окончательную потерю р. Базавлук в восточном направлении. Перед неприятелем открылась дорога в Каменку и Шолохово. 9 тд была отведена с невыгодных позиций у Ново-Подольска, но к решающему сражению на Павлополье прибыла слишком поздно. Она не принесла таким образом пользы ни в Ново-Подольске, ни в Павлополье.

4. Ввиду угрожающего прорыва по обеим сторонам ж. д., группа неоднократно и настойчиво просила об отведении левого фланга 306 пд, чтобы не оголить фронт и не оставить неприятелю дорогу от Каменки на Шолохово. Предложение наше было отклонено, как невыгодное. В результате неприятель расширил прорыв между 306 пд и 16 мд и вырвался на участок Каменка — Шолохово.

5. У командира 16 мд, как командующего группой, а также у командиров дивизий создалось впечатление, что начальник штаба 30 А К полковник Клаузе недооценивает силы неприятеля и не доверяет оценкам положения группы. Командир дивизии поэтому был вынужден 3.2 заявить по телефону г-ну командированному генералу 30 АК, что начальник штаба не пользуется доверием войск, неправильно оценивает положение, успокаивая себя иллюзиями о слабости врага и прочности положения собственных войск.

II. Войска (части)

123 пд, несмотря на то, что численно ослаблена, может считаться боеспособной. Отсутствие в ней ПТО компенсируется силами бронетранспортеров. Большую заботу вызывает в группе состояние пехоты 16 мд. После летних и осенних боев, после зимних сражений дивизия обескровлена, силы ее истощены. По этому поводу командир дивизии сделал специальное заявление в корпус и армию. К его заявлению отнеслись сочувственно, но пополнения не дали.

123 пд, включая 416 пп, который был разбит в первый день наступления, держалась хорошо в первые два дня неприятельского наступления. Глубокий прорыв на Ново-Подольск во второй день наступления последовал на правом фланге 16 мд. Прорыв севернее Приют произошел на участке 416 пп, который потерял боеспособность, командир полка был убит в бою.

16 мд была оттеснена после прорыва у ж. д. изгиба. Иного нельзя было ожидать из-за неблагоприятной

местности. Кроме того, у нее не было резервов, корпус не помогал. Дивизия вынуждена была, сосредоточиться в промежутке между ж. д. и Сорочино. Создалось опасное положение по обеим сторонам ж. д., включая и место главного удара, направленного, по внутренним флангам обеих дивизий. Здесь последовал, как и предполагала группа, решительный прорыв неприятелем наших позиций южнее ст. Павлополье.

На четвертый день наступления 123 пд, вследствие перенапряжения и больших потерь, была поддержана дивизионом штурмовых орудий, что находятся на участке южнее Павлополье. Дивизия беспорядочно отступила от Шолохово, и только ее мелкие арьергардные отряды были оставлены на участке Каменка.

У 16 мд после 3-го дня наступления масса пехоты была отрезана и отброшена через Базавлук на восток. Это последовало после прорыва большого количества танков. Только небольшие подразделения 60 мп спаслись. После этого бой мог вестись только с применением бронесил. В последующие дни эти средства были также потеряны. Прорыв противника на Шолохово — Каменка — Апостолово не был бы так тяжел для действующих дивизий, если бы не оттепель.

III. Катастрофа от распутицы

Из всех имеющихся сведений следует, что неприятель еще 23.1. 44 г. был подготовлен к наступлению. Наступление не предпринималось по неизвестным причинам. Возможно, что русское командование ожидало оттепели, чтобы использовать распутицы, как оно уже поступило однажды в Пятихатке осенью 1943 г. Бросается в глаза, что начало большого русского наступления 30.1.44 г. совпадает с началом сильного потепления (фон Шверин считает и старается убедить, что распутица только им, немцам, мешала воевать. — *В. Ч.*).

Каждое мотосоединение рассчитано на твердые дороги. Когда дороги портятся, мотосоединения теряют всякую способность к передвижению, т. к. все колесные машины застревают в грязи. Когда таяние продолжается, то почва становится все мягче и мягче, вследствие чего даже гусеничные машины — танки, артиллерия и тяжелое пехотное оружие тоже застревают в грязи. В таких случаях распутица ведет к неизбежной катастрофе.

Застревают 18-тонные грузовики и тягачи, погружаясь в глубокие колеи дорог. Множество машин стоит в глубокой грязи без движения, при появлении неприятеля их приходится сжигать. Лишним становится шофер, бесполезным становится груз, лишними становятся лица, сопровождавшие машины. Сотни этих людей бредут медленными, измученными шагами по грязи до колен, без руководства, в направлении, самими избранном. Их положение катастрофическое. Там, где они появляются, распространяется испуг, паника. Все управление частями со стороны командиров останавливается, наступает замешательство, ибо с потерей связи — радио и телефона весь сборный управленческий аппарат выводится из строя. Получается, что воину сначала отбивают ноги, чтобы он не мог бежать, затем руки, чтобы он не мог стрелять, и, наконец, ему также затыкают рот, чтобы он не мог говорить и приказывать. Это состояние естественной катастрофы властвует над каждым, кто попадал в него, в одинаковой степени — над офицерами и солдатами.

16 мд была горда тем, что она в самые тяжелые свои дни не отдала неприятелю свое оружие и машины, даже сейчас, несмотря на жертвы, 16 мд сохранит свой дух, невзирая ни на что.

17.2.44 г.

Итак, битый генерал, типичная «прусская военная косточка», оправдываясь, выбалтывает правду. Они шли с маршами и насвистывая песенки по польской земле, сдавив предварительно танковыми клещами польскую конницу, которая не могла оказать никакого сопротивления танкам, они шли по полям и землям Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции, имея большое превосходство в силах над противником, они, сосредоточив огромные силы, мобилизовав всю Европу для внезапного и вероломного удара по нашей стране, имели некоторый успех… Они даже дошли до окраин Москвы. Начинали они военные действия, как это широко известно, при двукратном превосходстве в войсках над нами, в многократном превосходстве в авиации, в танках и артиллерии на направлениях главных ударов. Ограбив почти всю Европу, Гитлер дал возможность своим генералам козырнуть умением бить тех, кто на какой-то момент слабее. Но вот у Москвы прусские генералы получают удар и откатываются назад. В битве под Москвой мы не обладали ни численным перевесом в людях, ни в танках, ни в самолетах. И

они все же были биты. Лишь немного подравнявшись, мы перехватываем у них инициативу.

Они шли по нашей земле только в те периоды, когда им удавалось создать многократное превосходство в людях и в технике. Мы изгоняли захватчиков, не имея подавляющего превосходства.

Спрашивается, чему же могут научить гитлеровские генералы? А их очень охотно берут в учителя нынешние милитаристы ведущих капиталистических стран. Или, может быть, это только для камуфляжа так изображается, что фон Шверины нужны как профессионалы военного искусства. Правда, возможно, более неприглядна.

Вспомним послевоенные высказывания некоторых американских политиков, когда они еще считали возможным говорить более или менее откровенно.

Некто Льюс Браун, видный американский бизнесмен, компаньон банкира и дипломата Аверелла Гарримана побывал после войны в американской оккупационной зоне в Германии. Вот к каким он пришел выводам после своего визита: «… Германии надо дать открытую дверь надежды. Ей надо дать ногой в зад, чтобы заставить войти в эту дверь, пообещать лучшую жизнь и отдать ей краткие и категорические приказания».

Сенатор Элмер Томас: «Германия — большая военная сила. Немцы — хорошие солдаты. Если США снова начнут войну, нам нужны будут солдаты. В этой войне немцы должны быть на нашей стороне». Это писалось 23 декабря 1948 года в газете «Нью-Йорк таймс».

3 июля 1950 года в газете «Франкфуртер Альгемейне» Лидел-Харт писал: «Нам нужно как можно больше немцев».

Губернатор штата Нью-Йорк Дьюи: «Я не хотел бы выступать за вооружение… Германии. Но я за то, чтобы использовать ее людские резервы. США не должны слать повсюду своих парней, если где-либо в мире возникнет конфликт».

В сборнике «Документы времени» № 5 за 1950 год на странице 197 мы начнем такое заявление генерала Клея: «Немцы должны быть вооружены, под союзным контролем».

«Нью-Йорк таймс»: «Совершенно необходимо найти новые источники людских резервов, а они могут находиться только в Германии. Америка имеет право за каждый заплаченный доллар потребовать боевую силу стоимостью в 1 доллар».

Газета единственно что не указывает: а как будут расценивать боевую силу, по килограммам или с головы? Чему паритетен доллар — целиком немецкому солдату или только его руки или ноги?

Сенатор Тафт высказался более откровенно, разъяснив раз и навсегда все недоумения. «Гораздо дешевле вести войну, — писал он все в той же „Нью-Йорк таймс“ в 1951 году, — солдатами чужих наций, даже если мы должны будем их вооружать, дешевле, чем если бы посылали американских парней. Прежде всего мы сбережем жизнь американцам».

«Пусть умирают не наши парни» — таков закупочный девиз американских толстосумов, нанимающих ныне немецких ландскнехтов и оптом и в розницу.

Но между желанием нанять ландскнехта и возможностью всегда стоит одна проблема.

Так вполне объяснимой становится и дальнейшая судьба нашего незадачливого генерал-лейтенанта графа фон Шверина.

После того как участок фронта, оборонявшийся его дивизией, был прошит насквозь разведротой старшего лейтенанта Ф. Л. Каткова, фон Шверина отстранили от командования дивизией и группой. Он предстал перед судом, кое-как оправдался и был откомандирован на Западный фронт, где было поспокойнее.

На запад он поспел ко времени. 6 июня, как известно, на континент высадились англо-американские войска, в стане гитлеровских генералов, охваченных паникой перед приближением к немецким границам Красной Армии, зрели одна за другой комбинаций, как бы переменить Гитлера на другого хозяина. Наш Шверин попадает в одну из групп заговорщиков с генеральскими погонами, мечущимися в поисках сепаратного мирного договора с нашими английскими и американскими союзниками.

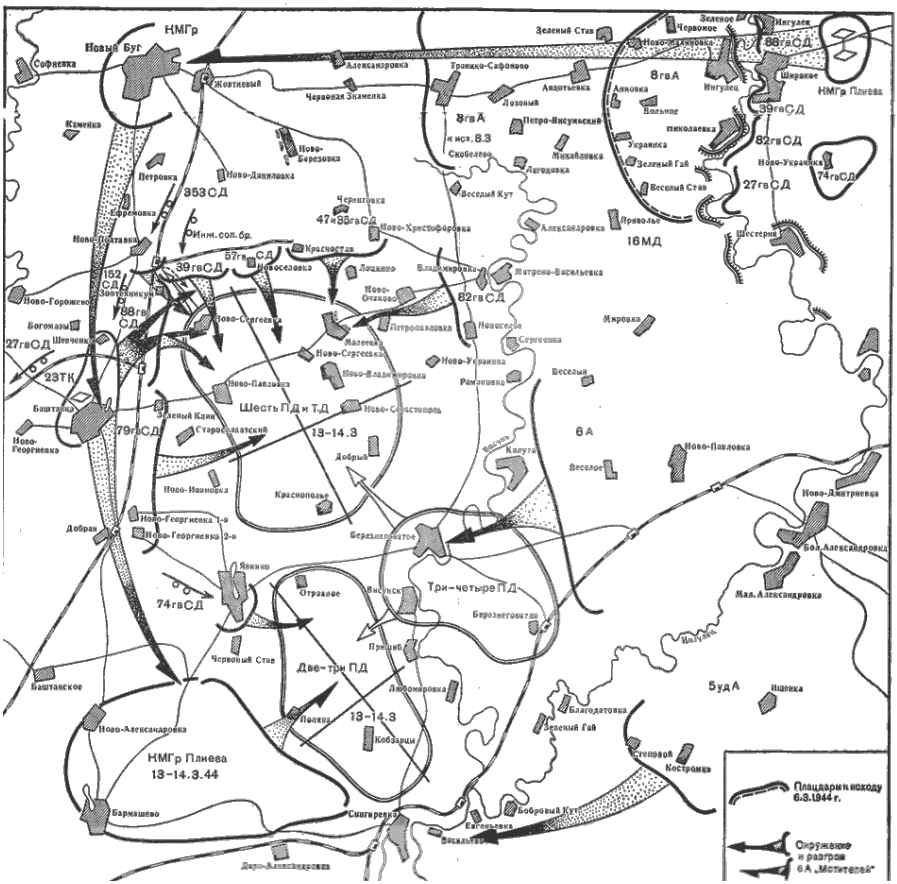
Один из ведущих немецких генералов, преданный и верный слуга Гитлера, бывший начальник оперативного управления немецкого генерального штаба генерал Хойзингер, так охарактеризовал генеральские заговоры: «Самое худшее — это продвижение России вперед. В этих опасениях лежат подлинные основы заговора 20 июля…»

Фон Шверин бежит к генерал-фельдмаршалу Роммелю и изъявляет готовность войти в группу, которая могла бы вести переговоры с командованием англо-американских экспедиционных сил. Генерал-фельдмаршал Роммель после провала покушения на Гитлера застрелился; фон Шверин и здесь, выйдя сухим из воды, остался ждать своего часа. И дождался. Его «великие» таланты военачальника были замечены. Летом 1950 года при ведомстве федерального канцлера был создан пост советника по военным вопросам, на который и был приглашен отставной генерал-лейтенант граф Герхард фон Шверин. Этот

пост тогда соответствовал фактически посту, военного министра. Шверин незамедлительно высказался за создание армии, основанной на всеобщей воинской повинности. Не терпелось генералу получить в свое распоряжение пушечное мясо. Для тех лет это заявление оказалось преждевременным. Фон Шверину пришлось уйти в отставку…

А я вспоминаю рассвет 14 марта 1944 года в районе Баштанки и Снигиревки. У меня перед глазами горы трупов немецких юношей, бредущие по колено в грязи колонны и толпы немецких солдат, брошенных и преданных Шверином и другими шверинами. Пьяные и полупьяные, отчаявшиеся люди, но люди с оружием в руках. Я вижу, как они падают под огнем наших пулеметов. Убивать их была необходимость, мы защищали Родину. Они же гибли за интересы германских монополистов, за бредовые людоедские мечтания фон шверинов…

Окружение и разгром основных сил 6-й армии «Мстителей»



Освобождение Одессы

1

К вечеру 14 марта через передовой командный пункт 8-й гвардейской армии, расположенный в Ново-Полтавке, прошло более восьми тысяч пленных немецких солдат и офицеров. Подходили и подходили новые колонны. Иногда один автоматчик конвоировал колонну до двухсот человек. На этом участке фронта враг был морально сломлен.

Командование фронтом поставило перед армией задачу — круто повернуть фронт с юга на запад и на северо-запад и в обход лиманов продвинуться к реке Южный Буг, с ходу ее форсировать, не дав возможности противнику организовать по водному рубежу оборону. В соответствии с этой директивой войска армии уже 16 марта должны были выйти на берег Южного Буга в районе Новая Одесса.

16 марта войска армии еще продолжали уничтожение разрозненных частей противника в рощах, балках, на полях.

Только пленных в этот день было захвачено более полутора тысяч человек. Много было трофеев в дополнение к захваченным во время ночного и дневного сражения 14 марта. Одних машин было захвачено в этот день 150… Срок выхода на Южный Буг был отнесен на два дня.

17 марта войска армии круто повернули фронт и двинулись к Новой Одессе, к Южному Бугу, настигая остатки разбитых немецких дивизий.

Наши, войска продвигались вперед, сколько позволяли дороги, сбивая немецкие арьергарды. За день 17 марта было взято в плен еще около двух с половиной тысяч немецких солдат и офицеров.

18 марта армия своим правым флангом, 28-м гвардейским стрелковым корпусом, вышла на Южный Буг и заняла рубеж на участке: Новая Одесса, Касперовка, Ново-Петровское, Себино.

Противник собрал все свои силы на базе 4-го армейского корпуса и остатков 29-го и организовал вокруг Николаева предмостное укрепление как прикрытие для эвакуации войск из города.

19 и 20 марта нашим войскам удалось форсировать Южный Буг. На лодках, плотах, даже на бревнах переправилась пехота с легким оружием. Артиллерию и танки так переправить было невозможно. Понтонных средств тогда не нашлось. Армия ничем

не могла поддержать переправившиеся части пехоты на левый берег реки. Боеприпасов в артиллерийских соединениях почти не было. Командир артиллерийской дивизии генерал-майор артиллерии Ратов на просьбу командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса поддержать огнем переправившуюся пехоту смог дать только по три выстрела на орудие.

Командующий фронтом требовал от 8-й гвардейской армии решительных действий, ставил задачу форсировать реку всеми силами армии. Генералу И. А. Плиеву было приказано подготовить конно-механизированную группу к переправе в ночь с 22 на 23 марта в районе Троицкое, Новая Одесса.

Но выполнить приказ помешала погода. С моря подул ветер. Бугский лиман и в обычную погоду является преградой значительной. А тут с моря пошла в лиман вода. Она столь стремительно поднималась, что создалась угроза затопления некоторых захваченных нами плацдармов на правом берегу. Пришлось отдать приказ, чтобы наши части, с боем овладевшие плацдармами, покинули их и вернулись на левый берег.

21 марта мне на командный пункт позвонил Исса Александрович Плиев и пригласил к себе на обед, намекнув, что «прибывает» большое начальство.

Я догадался, кого имел в виду Исса Александрович. Задержка с переправой через Южный Буг не могла не беспокоить Ставку. К нам приехал Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский в сопровождении генерала армии Родиона Яковлевича Малиновского.

Они пригласили к Плиеву также командира 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса генерал-лейтенанта Т. И. Танасчишина и командующего 17-й воздушной армией генерал-полковника В. А. Судец.

Александр Михайлович Василевский и Родион Яковлевич Малиновский поздравили меня с высокой наградой — присвоением звания Героя Советского Союза. Я со своей стороны поздравил Родиона Яковлевича с награждением его вторым орденом Суворова 1-й степени.

Исса Александрович позаботился об обеде, на что он был большим мастером.

Ждал серьезного разговора, но начали все с шуток. Василевский и Малиновский принялись вспоминать мои похождения неподалеку от Каменки, когда подо мной была убита лошадь.

Василевский сделал вид, что он ничего не знает, и поинтересовался, где моя лошадь. А Малиновский, как будто бы чем-то обеспокоенный, спросил:

— Не прислать ли тебе, командарм, новую сбрую и папаху?

Я объяснил, что в этот же день вечером коновод разыскал и сбрую, и седло, и папаху, и даже мои сапоги.

— Это уже у тебя как у Тараса Бульбы получается! — заметил Малиновский. — Тот за своей трубкой в самое пекло полез… Можно было и осчастливить противника столь значительными трофеями…

Мне ничего не оставалось, как отбиваться.

— А что же делать? — спросил я у Василевского, — нельзя же руководить войсками из блиндажа. Что было бы, если бы такие командиры, как Исса Александрович, как Танасчишин, не бывали бы в войсках и на передовой?

Василевский остановил меня:

— Не сердись, Василий Иванович! Это все в шутку. Нельзя же все о серьезном да о серьезном! Кому неясно, что плох тот командующий, который в войну не слыхал ни грохота бомб, ни воя снарядов, ни свиста пуль.

Вскоре разговор переключился на то, что волновало общевойсковых командиров и командиров подвижных соединений, вызывало у них споры. Начал разговор Танасчишин. Он рассказал, как его корпус для себя прорывал оборону противника в районе Николаевки (Ново-Николаевки) и сам себя ввел в прорыв.

Василевский и Малиновский переглянулись. Василевский даже улыбнулся. Они оба присутствовали при вводе корпуса Танасчишина в прорыв у меня на командном пункте под Николаевкой и дали приказ на ввод корпуса только после того, как части 8-й гвардейской армии проложили дорогу корпусу, создав чистый прорыв. Оба ждали, что я отвечу Танасчишину.

Вопрос был серьезный, и я сформулировал бы его так: при каких условиях должны вводиться в бой подвижные механизированные соединения?

Удар механизированных соединений, прорывающихся в глубокий тыл противника, только тогда достигал целя, когда механизированным соединениям не приходилось растрачивать силы на прорыв оборонительных рубежей. Потери в технике при прорыве оборонительных позиций могли ослабить механизированные соединения, а в иных случаях (и это бывало) весь удар иссякал на оборонительных рубежах.

Поэтому механизированные соединения должны были вводиться в бой после того, как стрелковые и общевойсковые соединения прорвут оборону противника. Кажется, все ясно. Но это только так кажется.

Общевойсковые командиры полагали, что чистым прорывом

должно считать прорыв обороны противника на всю ее тактическую глубину, то есть захват всех траншей и позиций полосы обороны, занятых людьми и техникой противника.

Командиры подвижных соединений часто перед вводом в бой механизированных соединений начинали споры — открыт ли для них чистый прорыв. А в бою была дорога каждая минута.

Сошлюсь на пример с вводом в бой 1-го гвардейского механизированного корпуса И. Н. Руссиянова во время боев в районе Голой Долины, боев тяжелых, жестоких.

Стрелковые части 8-й гвардейской армии с упорством и мужеством атаковали противника, но никак не могли прорвать его оборону из-за недостатка в боеприпасах и танков непосредственной поддержки пехоты. Чистого прорыва не было. Стрелковые части осуществили только глубокую тактическую вмятину во вражеской обороне. Малиновский приказал Руссиянову вводить корпус в бой. Руссиянов корпуса в бой не ввел, объяснив впоследствии, что корпус не изготовился для наступления.

Механизированные соединения создавались не для того, чтобы прорывать оборону, а для того, чтобы решать большие оперативные задачи после прорыва в тылу у противника. Но где в процессе самого боя найти весы, на которых можно было бы определить, есть ли чистый прорыв или только образовалась тактическая вмятина?

Чистого прорыва не было в Голой Долине, но противник был крепко побит и отходил с боями, нужно было еще одно усилие, и его оборона разлетелась бы вдребезги, и корпус пошел бы по тылам.

Командиры механизированных соединений считали, и это мнение широко распространялось среди танкистов, что общевойсковые соединения должны прорвать не только подготовленную в инженерном отношении оборону. Если в оперативной глубине обороны противника на пути механизированного соединения за оборонительной полосой появлялись автоматчики или обнаруживалась артиллерийская позиция противника, они считали, что вошли не в чистый прорыв, что они допрорывали или даже сами прорывали оборону противника.

В идеале действительно необходим чистый прорыв. Ну, а если пройдены одна, вторая траншеи, преодолены одна за другой все полосы обороны, но противник подтягивает или уже подтянул резервы, — разве подвижные танковые соединения не должны ринуться в прорыв и вступить во встречные бои с резервами противника?!

Думаю, что теоретическое положение о вводе в бой механизированного соединения на практике, в момент ведения боя должно быть не категорическим и решаться с учетом обстановки. В этом и состоит взаимодействие различных родов войск.

Считаю, что чистым прорыв будет, если стрелковыми частями прорвана полоса обороны, состоящая из инженерных сооружений, насыщенных оборонительной техникой и людьми. Все, что может встретиться за этой системой — все, что будет брошено против механизированных соединений из оперативной глубины, все это прямого отношения к линии обороны не имеет и должно подавляться частями, введенными в прорыв, совместно или при поддержке общевойсковых соединений.

…После обеда Василевский пригласил нас на совещание о дальнейших задачах 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы И. А. Плиева. Ближайшей задачей маршал Василевский ставил перед войсками фронта форсирование Южного Буга и освобождение Одессы. Конечной целью операции намечался выход наших войск на реку Днестр.

8-я гвардейская армия должна была прорвать оборону противника по правому берегу Южного Буга и создать условия для ввода в бой подвижной группы Плиева.

С этой задачей мы разъехались по своим командным пунктам.

По приезде на свой КП в Новую Одессу, я созвал расширенный Военный совет армии, на который были приглашены командиры корпусов, дивизий и их начальники штабов. Обсуждали задачи армии и приняли решение: растянуть одну дивизию для прикрытия по всему фронту армии, а все остальные силы сосредоточить в районе Троицкое — Касперовка и форсировать реку на участке Троицкое — Андреевка.

Что нам давало такое форсирование и наступление?

Во-первых, наша артиллерия имела возможность собрать средства поддержки пехоты в боях за плацдарм на правом берегу. Во-вторых, из-за недостатка в переправочных средствах для тяжелой техники, под прикрытием сосредоточенного огня артиллерии и авиации мы могли навести мост.

Для одного моста еще можно было каким-то образом собрать строительные материалы, хотя с ними в этом безлесном районе было очень трудно.

В-третьих, на этом участке, несмотря на подъем воды в лимане, нам удалось все же сохранить за собой небольшой плацдарм в районе Андреевки на правом, западном берегу против Троицкого.

Взвесив всю сложность действий в этих обстоятельствах, сложность передвижения на узком участке фронта, мы в штабе армии тщательно разработали план мероприятий по обеспечению боевых действий. Я подписал приказ с утра 26 марта армии силами 29-го и 4-го гвардейских корпусов форсировать Южный Буг, прорвать оборону противника с Андреевского плацдарма и перейти в решительное наступление в общем направлении Карлсруэ — Ландау.

Противник, мобилизуя все последние силы и средства, старался задержать наше наступление в весеннюю распутицу на крупных водных рубежах. Но чувствовался моральный и физический упадок сил немецких войск, они не выдерживали атак нашей пехоты, начали откатываться на запад. Танков у противника на этом участке не было.

К 29 марта войска армии вышли на рубеж: Киево-Александровка, Песчаный Брод, Шнроколаповка.

31 марта к 16 часам войска армии вышли на следующий водный рубеж — Тилигульский лиман.

Стрелковые части продвигались достаточно быстро, не давая возможности оправиться противнику после Снигиревского разгрома. Но все еще приходилось натыкаться и на организованную оборону в укрепленных опорных пунктах.

Нужна была артиллерия, нужны были танки, но они еще не начали переправляться.

В районе Троицкое днем и ночью сооружался мост с пропускной способностью в 16 тонн. Шутка сказать, перемахнуть мост через все русло Южного Буга в момент его весеннего разлива. И вот осталось каких-нибудь пять метров пролета. Все строительные материалы, которые могли годиться на строительство моста, были уже пущены в ход. На краю поселка Троицкое саперы обратили внимание на добротный дом. Решили его разобрать и бревна пустить на перекрытия. Но их ожидал неприятный сюрприз. Сняли штукатурку, а под ней оказались не бревна, а глина. Каркас состоял из легких и непрочных деревянных деталей. На строительство моста они не годились.

А у переправ уже скопились тысячи повозок, огромное количество боевой техники, грузы с продовольствием и боеприпасами. Наши саперы измучились. Они промокли, продрогли, но достроить мост было нечем.

Меня встретил армейский инженер полковник сталинградец В. М. Ткаченко, наводивший переправы через многие водные рубежи в труднейших условиях, под огнем вражеской артиллерии, под бомбежкой. Не находилось никакого решения. Хорошо еще, что шел дождь и вражеская авиация бездействовала.

Я стоял, поглядывая по сторонам, силясь тоже что-нибудь придумать. И вдруг заметил невдалеке ветряную мельницу. Пригляделся. Окрест Троицкого таких мельниц виднелось пять штук. Может быть…

Ткаченко с полуслова понял меня. Отряд саперов двинулся к мельнице. Первым оттуда вернулся Ткаченко и доложил, что мельницы годятся для моста. Я приказал немедленно выдать саперам по 200 грамм водки и сала на закуску. Людям надо было согреться.

Спросил саперов:

— Как, товарищи гвардейцы, через два часа мост будет готов?

— Материал есть, горючее с нами, закуска на столе! Как же не быть мосту, товарищ командарм!

Я вернулся на мост со штабом через два часа. По мосту переходили наши войска. Перед въездом на мост мою машину остановил сапер с гренадерскими усами. На его груди блестели два ордена — орден Славы и орден Отечественной войны и медаль «За оборону Сталинграда».

В руках гвардеец держал алюминиевую кружку.

— Товарищ генерал Чуйков! — сказал он. — Мост построен! Разрешите и вас поздравить с окончаньицем! Таков обычай!

Пришлось выйти из машины. Мы чокнулись с гвардейцами алюминиевыми кружками.

— За саперов, прокладывающих путь от Сталинграда до Берлина!

2

Штаб армии перебрался на правый берег Южного Буга. На станции Зеленый Гай меня встретил командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Василий Афанасьевич Глазунов.

Вкратце доложил обстановку. Противник пытался сопротивляться, но наши части сбивали повсюду его оборону. Захватили в плен около трехсот немецких солдат и офицеров. Среди пленных оказались и румыны. Показания пленных помогли установить, что против нас действуют разбитые части 9, 17, 358, 294, 302, 306, 325-й немецких пехотных дивизий и части 15-й и 24-й пехотных дивизий румын.

Пленные также показали, что немецкое командование всячески старается зацепиться за какой-либо водный рубеж, чтобы приостановить наше наступление, но сил для организации обороны недостает. До сих пор войска не приведены в порядок

после разгрома на реке Ингулец.

Свидетельством того, что противник отступал в панике, были по-прежнему бесчисленные трофеи. На станциях, на железнодорожных путях стояло множество составов, забитых военной техникой, продовольствием, вином, сигаретами.

В поселке Зеленый Брод я нагнал командира 82-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И. А. Макаренко. Дивизия успешно продвигалась вперед.

Конно-механизированная группа И. А. Плиева тоже переправилась через Южный Буг, вошла в прорыв и наступала через Березовку на станцию Раздельная.

К 1 апреля войска армии вышли к Тилигульскому лиману. Часть сил обошла лиман с севера и с ходу его форсировала. Здесь нам повезло. Дул северный ветер, уровень воды в лимане понизился.

Сбитый с позиций на Тилигульском лимане, противник весь день медленно отходил на юго-запад. Попытки приостановить продвижение наших частей арьергардами ни к чему не приводили. Арьергарды не только сбивались, но и начисто уничтожались.

Войска армии к вечеру 1 апреля вышли на рубеж: хутор Колесниченко, Сербка, Франко, Петровка.

Командующий фронтом торопил. Войска продвигались с полной выкладкой сил, преодолевая один водный рубеж за другим.

Приказом фронта от 1 апреля 8-й гвардейской армии предписывалось к исходу дня 2 апреля выйти на рубеж Добрянка — Алестарово. Группе Плиева было приказано, овладев станцией Раздельная, выслать разведку на Тирасполь, Ясски и вдоль железной дороги к Одессе.

Местами нам приходилось все же останавливаться. Переправив через очередной водный рубеж передовые отряды, мы должны были подтягивать и основные силы, и артиллерию, и боеприпасы, ибо арьергарды противника, расположенные на выгодных позициях, могли встретить вырвавшиеся вперед соединения артиллерийским огнем.

6 апреля войска 8-й гвардейской армии, преодолев все реки и лиманы, бесчисленные мелкие заливы и заливчики, подошли к последнему перед Одессой Хаджибейскому лиману на участке Белка, Старая Вандалиновка.

Немецкое командование имело все основания рассчитывать, что именно здесь удастся задержать переправу наших войск, несколько выиграть время и организовать оборону Одессы. Самая узкая часть лимана равнялась 800 метрам, глубина доходила до

двух метров.

Противник мог организовать оборону на правом берегу. Войскам 8-й гвардейской армии удалось опередить противника и с ходу форсировать лиман.

Ворота на Одессу были открыты.

Конно-механизированная группа И. А. Плиева заходила в это время круто справа, нависая над Одессой с северо-запада.

Правое крыло 3-го Украинского фронта отрезало всю группировку противника, сосредоточившуюся в районе Одессы.

Вся Одесская операция, несомненно, вошла в историю как одна из самых блестящих по отлично налаженному в ней взаимодействию крупных войсковых объединений 3-го Украинского фронта. Несколько армий действовали в одном ритме, в одном темпе, каждая на своем участке решая свою задачу.

5-я ударная и 6-я армии двигались вдоль побережья Черного моря. Само по себе их движение — без охватывающего противника флангового марша нескольких других наших армий — было бы невозможно. В полосе действий этих армий лежали почти непреодолимые преграды. Но противник, опасаясь окружения, отступал. 5-я ударная и 6-я армии давили на него, не давая ему возможности где-либо закрепиться.

57, 37 и 46-я армии отбрасывали противника на запад, свертывая его оборону, прикрывая охватывающий маневр на Одессу, с запада и юго-запада, 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева.

В ночь на 28 марта войска правого крыла 3-го Украинского фронта, используя захваченные плацдармы на западном берегу Южного Буга, перешли в наступление. 57, 37 и 46-я армии прорвали фронт противника, расширили прорыв до 45 километров по фронту и от 4 до 25 километров в глубину. Фланговые соединения немецкой армии покатились на запад. В это же время войска 2-го Украинского фронта подходили к Яссам… 6-я немецкая армия начала отход по всему фронту.

Итак, 9 апреля войска фронта изготовились к штурму Одессы. Позади были и трудные бои, и преодоление водных преград, позади был подвиг солдат и офицеров нескольких армий. Бойцов вдохновляло, что они должны принять участие в освобождении последнего крупного города Украины. И они шли на новый подвиг.

Призыв «Впереди Одесса!» — творил чудеса. Шли в грязи по пояс, по грудь в ледяной воде. Немецкое командование не ожидало, что наши войска сумеют в короткий срок преодолеть столь трудные природные препятствия.

Судьбу города решил обходной марш 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы И. А. Плиева. Обороняли город румынские войска, 72-й армейский корпус в составе четырех дивизий и свыше двадцати отдельных батальонов эсэсовских войск. Они занимали сильные оборонительные укрепления на северных и северо-западных окраинах города. Лобовой удар по этим укреплениям ничего не сулил, кроме тяжелых потерь и длительной борьбы, разрушения улиц и жилых кварталов одного из самых красивых приморских городов.

8 апреля политотдел 8-й гвардейской армии обратился к воинам со специальным воззванием. «Товарищи гвардейцы, — говорилось в нем, — мы шли к Одессе, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, распутицу, трудности… Вернем, товарищи гвардейцы, Советской Родине Одессу. Выполним до конца свой воинский долг, как его выполняли доблестные воины, оборонявшие Одессу в 1941 году, освободим Одессу от фашистских мерзавцев!»

В эти дни на отдельных участках противник бросался в яростные контратаки. Дорога от Овидиополя до Одессы сделалась ареной борьбы наших артиллеристов с танками противника. Так, только в районе Татарки гвардейцы 220-го полка, которым командовал подполковник М. С. Шейкин, отразили шесть танковых контратак противника. В противотанковой батарее полка каждый снаряд был на счету. Орудия открывали огонь только с ближних дистанций.

С удивительной выдержкой уничтожал танки командир орудийного расчета сержант Петр Фитаев. На него двигалось 18 танков. Экономя снаряды, Фитаев подпустил танки на прямой выстрел — 300 метров. Первым снарядом он подбил головной танк и тем закрыл дорогу для остальных. Еще три выстрела — и еще три бронированных машины воспламенились. Каждый снаряд — только в цель. Ошеломленные танкисты противника бросили свои машины и попытались спастись бегством. Полк ворвался к Татарку. Было взято в плен более тысячи немецких солдат и офицеров.

Утром 9 апреля войска, наступающие на Одессу с юга, севера и запада, увидели окраины города, заводские корпуса, крыши дворцов и жилых кварталов. Вернувшиеся оттуда разведчики сообщили, что почти все самые красивые здания, в том числе оперный театр и портовые сооружения, заминированы. Об этом же рассказали пробравшиеся к нам жители Одессы, Готовясь к отступлению, гитлеровские изверги хотели превратить Одессу в груду развалин. Еще день-два, и сатанинская сила тротила сделает свое страшное дело. Как же быть? Город надо сохранить

во что бы то ни стало.

На партийных собраниях во всех подразделениях было принято решение, которое никогда не забудут одесситы: артиллеристам не открывать огня по городу, летчикам — не бросать бомбы на городские кварталы! Итак, наступление непосредственно на город, на его улицы началось ночью без артиллерийской и авиационной подготовки. Это была нелегкая задача, но мы тем самым спасали город от разрушения. Стрелковые подразделения и танки штурмовали оборонительные позиции противника на различных направлениях внезапными для противника ударами и в ночь на 10 апреля оказались на улицах Одессы. К утру 10 апреля части 4-го и 28-го гвардейских корпусов, совместно с танкистами группы Плиева, уже подходили к Дерибасовской улице и выходили на берег Черного моря у Малого, Среднего и Большого фонтанов. 29-й гвардейский корпус наносил удар через Овидиополь на Затоку.

Отважно действовал в боях за Одессу прославленный сталинградский снайпер Василий Григорьевич Зайцев. Он командовал зенитной ротой 79-й гвардейской дивизии. Расчеты зенитных пулеметов из роты Зайцева защищали авангардные подразделения от гитлеровской авиации. Много раз вступали в бой с пехотой и броневиками противника. На подступах к юго-западной окраине города — в районе джутовой фабрики — Зайцев повел свою зенитную роту в атаку как стрелковое подразделение и, взаимодействуя со стрелковой ротой лейтенанта Владимира Бурбы, захватил военный аэродром. Удар был настолько стремителен, что эскадрильи истребителей не успели взлететь. Восемнадцать исправных истребителей «мессершмитт» стали трофеями зенитчиков.

В свою очередь советские патриоты, действующие под руководством подпольных партийных организаций, приняли все меры, чтобы предотвратить разрушение дворцов и театров, кварталов города. Партизанские группы отряда С. И. Дроздова завязали открытый бой с гитлеровцами, чтобы отвлечь их на себя от наступающих частей Красной Армии. Только 9 апреля отряд Дроздова уничтожил 120 вражеских солдат и офицеров и 75 взял в плен. Одесситы тысячами встречали части Красной Армии и вместе с ними очищали улицы от врага, гасили пожары, снимали мины и фугасы. Не удалось спасти только портовые сооружения, которые противник успел взорвать.

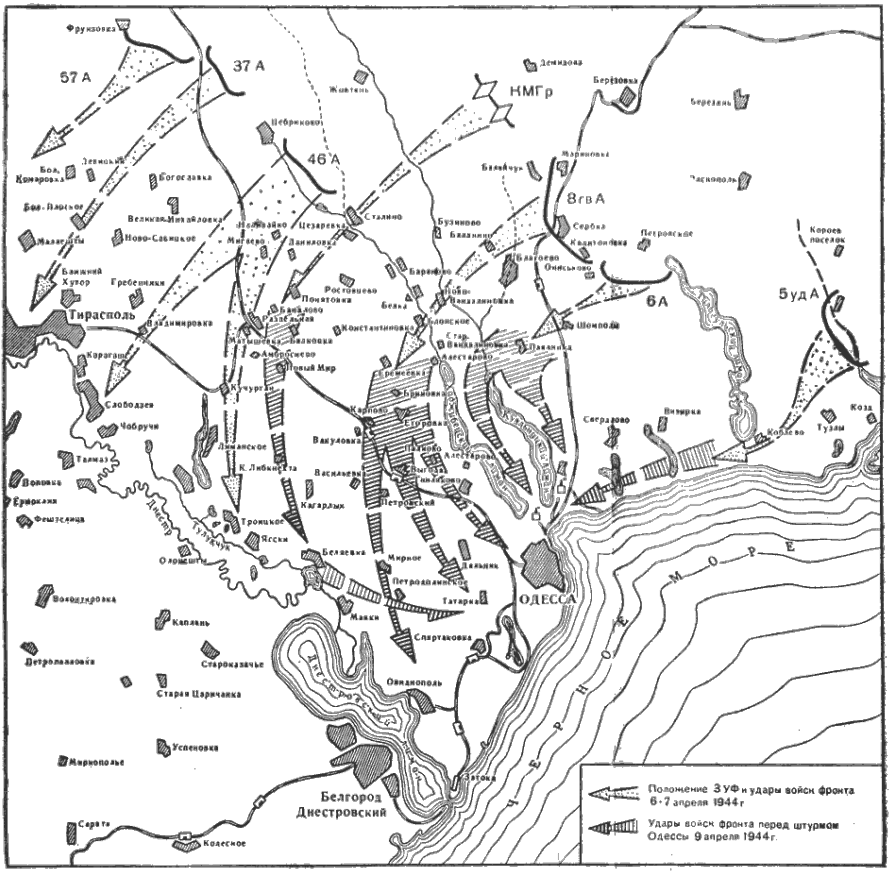
Так было предотвращено разрушение Одессы. Враг был разбит и отброшен за Днестр. В этом едином порыве воинов и жителей города был выражен величественный подвиг нашего народа в Отечественной войне. 10 апреля 1944 года столица

нашей Родины — Москва отметила это событие двадцатью четырьмя залпами салюта из трехсот орудий.

23 апреля в освобожденной Одессе состоялся митинг трудящихся города совместно с воинами-освободителями. Город праздновал победу, праздновал освобождение. На митинге воины и рабочие стояли рядом. Воинам предстоял еще путь вперед, на запад, а рабочим — восстанавливать заводы и портовые предприятия. Но это был единый строй людей, готовых на подвиг трудовой и ратный.

Успешное завершение одесской операции предопределило дальнейший ход боевых действий по освобождению Крыма. Потеряв Одессу, гитлеровские войска фактически оказались в мешке. Оперативная и стратегическая обстановка, созданная усилиями Красной Армии на юге, лишила противника всех опорных пунктов на советском побережье Черного моря. Прошло еще немного времени, и войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, начав наступление, уничтожили главные силы фашистов в Крыму, вышвырнули жалкие остатки противника с Крымского полуострова и овладели главной военно-морской базой на Черном море — Севастополем.

Штурм Одессы


57 А
37 А
46 А
НМГр
8 гв А
6 А
5 уд А
Фрунзовка
Жовтень
Шебриково
Демидовка
Березовка
Маринополь
Раскополь
Тирасполь
Бендеры
Слободзея
Чобручи
Тадмаз
Ерошкани
Фрунзовка
Дубоссары
Кагарлык
Троицкое
Ясски
Белгород Днестровский
Овидиополь
Одесса
Сергеевка
Витяжка
Коблево
Туры
Коза
Шкодово
Сербка
Петровское
Кировое поселок
Сталино
Бурлино
Балаклия
Барвенково
Благодатовка
Ольховка
Ивановка
Ново-Спасское
Гребешки
Ближний Хутор
Почетное
Ближнее
Константиновка
Новый Мир
Карагаш
Кучурган
Владимировка
Малаешты
Великая Михайловка
Богдановка
Бол. Комаровка
Бол. Ларьяновка
Цезаревка
Мигаево
Данилово
Росошенево
Беляевка
Мирное
Петрославовка
Татарбунары
Маяки
Спартаковка
Каплань
Старокозачье
Старая Царичанка
Петрославовка
Успеновка
Мирнополье
Сарата
Колесное
Затока
Днестровский лиман
Черное море
Положение 3 УФ и удары войск фронта 6-7 апреля 1944 г
Удары войск фронта перед штурмом Одессы 9 апреля 1944 г.

Днестровский плацдарм

1

Летне-осенняя кампания 1944 года планировалась Ставкой с переносом главного удара на центральный участок советско-германского фронта.

Днестр становился участком второстепенным. Но психология человека так устроена, что ему всегда кажется, что где он находится, там и есть главное сосредоточение действий.

Одесса отвлекла внимание 3-го Украинского фронта от Днестра, от удара через Днестр на Прут.

Как и следовало ожидать, это дало возможность противнику укрепиться на правом берегу Днестра, пополнить и переформировать разбитые части, подтянуть некоторые резервы из глубины.

Вместе с тем Днестровский лиман и сам Днестр в его нижнем течении являли собой мощную водную преграду, которую при организованной обороне с ходу преодолеть было невозможно. Противник на Днестре оборонял не только реку, но и Румынию и Балканы.

Надо было тщательно готовиться к форсированию реки.

Но всего сразу и заранее не предусмотришь. Это теперь мы знаем, что гитлеровцы изготовились к обороне правого берега, тогда же мы предполагали, что противник деморализован и мы теми средствами, которыми располагаем, сможем форсировать Днестр и создать на правом берегу широкие и устойчивые плацдармы для дальнейшего наступления.

11 и 12 апреля командующий фронтом потребовал от 8-й гвардейской армии и от группы И. А. Плиева закончить ликвидацию фашистов на Днестровском лимане, на его левом берегу и к исходу 14 апреля захватить плацдарм на правом берегу Днестровского лимана по рубежу: Каменный Мост, Турлаки, Бритовка, Щаба Тырг, Рыбачая Курень.

К 11–12 апреля противник уже успел укрепиться на правом берегу и правый фланг фронта силами 16, 37 и 57-й армий с ходу форсировать Днестр не смог.

Перед 8-й гвардейской армией и группой Плиева простирался лиман шириной от 5 до 10 километров. Для того чтобы преодолеть такое водное пространство под огнем обороняющегося противника, нужны были крупные саперные части с самыми разнообразными переправочными средствами,

поддержка авиации и тяжелой артиллерии. Авиация бездействовала — раскисли аэродромы, у артиллерии опять же недоставало боеприпасов.

Мы рассмотрели вариант наступления от Каролина-Бугаз через Цареградское Гирло на Затоку (порт) по дамбе, которая простиралась по берегу, разделяя море с Днестровским лиманом на протяжении свыше 10 километров, шириной в несколько десятков метров. Увидели, что эту дамбу могла защищать рота пулеметчиков с одной артиллерийской батареей, обеспеченной бесперебойной подачей снарядов. Тут форсировать Днестровский лиман было невозможно.

14 апреля войска 8-й гвардейской армии форсировали Днестр в районе Беляевка — Маяки и, вступив в бои за расширение плацдарма на правом берегу Днестра, подошли к восточной окраине поселка Паланка, где встретили на подготовленном рубеже обороны 15-ю пехотную румынскую дивизию.

Бои завязались тяжелые. Наши части были остановлены, ибо опять же сказывался недостаток в артиллерийских снарядах. Здесь надо было организовывать прорыв фронта, а для этого нужны были средства усиления, одними стрелковыми подразделениями прорвать его было невозможно.

Несколько раз приказом командующего фронтом переносились сроки наступления на правом берегу Днестра, чтобы войска успели обеспечить себя боеприпасами, но бездорожье тормозило все виды транспорта. Для прорыва обороны противника, намеченного на 25 апреля, мы могли израсходовать лишь 0,4 боекомплекта. А требовалось раз в пять больше.

Вмешалась в наши планы и стихия.

С 16 апреля дул ветер с юга. Вода в Днестровском лимане начала подниматься. Ветер дул не переставая. В Цареградском Гирле повышение уровня воды сорвало переправу 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

Затем начала прибывать вода на захваченном нами плацдарме западнее Беляевки и Маяков. 18 апреля Днестр вышел местами из берегов.

20 апреля вода затопила окопы изготовившихся к наступлению частей 35-й гвардейской дивизии.

Каждый день в штаб армии поступали сообщения из других частей, что вода не перестает прибывать.

В ночь на 25 апреля, перед началом запланированного наступления, ветер усилился. Вода затапливала артиллерийские позиции, над нею оказались боеприпасы.

25 апреля мы попытались все же выполнить приказ

командующего фронтом и перейти в наступление. Куда там. Артиллерия наша почти молчала, спасаясь от воды, пехота не могла совершать перебежки по колено в воде.

Вода прибывала и прибывала. Уже скрывались и островки. Бойцы скапливались на мелких местах, лезли на деревья, облепив их словно грачи.

Мой наблюдательный пункт располагался на высотке юго-восточнее Паланки. Вода достигла и этой высотки. Сначала начало хлюпать под ногами, а затем все потекло.

Я связался по телефону с командующим фронтом и доложил обстановку. Малиновский вначале не поверил, что подъем воды так серьезен. По телефону, конечно, трудно было удостовериться в том, что происходит на берегу реки. Я категорически заявил, что если подъем воды не приостановится, то самое большее через сутки мы окажемся без артиллерии, а солдаты в грачиных гнездах на деревьях.

Приказал прекратить наступление и покинуть плацдарм. На наше счастье в Маяки прибыл фронтовой понтонный батальон. С его помощью мы вывезли людей с плацдарма. 27 апреля почти весь плацдарм без боя был оставлен.

Отойдя на левый берег, мы начали приводить в порядок войска. Надо было заняться и боевой подготовкой вновь прибывшего пополнения.

Отдыхать не пришлось. 28 апреля был уже получен новый приказ командующего фронтом перебазировать войска армии в район Котовский. Переброску войск приказано было осуществлять ночью, скрытно от противника. Этой переброской усиливалось правое крыло 3-го Украинского на стыке с 2-м Украинским фронтом.

Военный совет армии, работники политотдела армии в этот вечер проводили торжественное заседание, посвященное международному пролетарскому празднику.

А в ночь на 1 мая войска двинулись из района Маяки в район Григориополя и Пугачены.

Праздник мы встречали значительными успехами на фронте. Позади была Одесса, впереди — Днестр, предстояли бои по освобождению Молдавии.

И вдруг опять обрушилась стихия. Поднялась буря. В поселке, где располагался штаб армии, с домов летели крыши, ветер с корнем выворачивал деревья.

В школьные классы ворвались потоки холодного леденящего воздуха со снегом. Температура воздуха стремительно упала ниже нуля.

Ночь… В поле маршировали наши войска. Армия была уже

переодета в летнюю форму одежды…

39-ю гвардейскую дивизию буря застигла на переходе между поселками Ясски, Кандель, Новосавицкая… Вокруг во тьме ни кустика, ни овражка. Негде спрятаться ни от пронизывающего ветра, ни от снега, нечем развести костров. Кто мог ожидать, что 1 мая на юге, невдалеке от курортного города, куда ездят купаться и загорать в конце апреля, разразится снежный буран и ударит мороз.

Так уже повелось у нас в этом походе. Зимой замучили оттепели, а с оттепелями — грязь и бездорожье, весной ударили морозы.

2

К 3 мая войска 8-й гвардейской армии, совершив стодвадцатикилометровый переход, вышли к берегу Днестра и тут же получили задачу — к утру 7 мая сменить части 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадоза на плацдарме на правом берегу Днестра в районе Пугачены — Шерпены и накапливать на нем силы для наступления.

Плацдарм, который занимали части 5-й гвардейской армии, тянулся по фронту на 12 км, имея глубину от 5 до 8 км. Он полностью простреливался артиллерией. Господствующие над местностью высоты находились в руках противника. Правее плацдарма, вдоль реки Днестр, тянулись лесные массивы и рощицы. В них противник мог скрытно совершать накопление войск, там размещались и батареи тяжелых орудий.

Само собой напрашивалось решение расширить плацдарм до рубежа Балабанешты, Чимишены и Спея, прочно опереть фланги на Днестр и обеспечить переправы от артиллерийского огня противника. Но, выйдя на плацдарм, мы эту задачу выполнить не могли — три дивизии из девяти отсутствовали. Не были подвезены боеприпасы, не доставало средств усиления. Войска 5-й гвардейской армии и 8-й гвардейской на плацдарме не имели ни противотанковых, ни противопехотных мин.

4 мая штаб армии получил короткий приказ командующего фронтом. В нем говорилось: «Командующему 8-й гвардейской армией иметь в виду нанесение главного удара своим левым флангом в общем направлении на Чимишены, Костожаны в охват Кишинева с юга. Время наступления укажу лично».

6 мая командующий фронтом Р. Я. Малиновский собрал всех командующих армиями в поселке Малаешты на совещание, на котором ориентировал нас в оперативной обстановке: немецкие

войска на Правобережной Украине разбиты, их остатки отошли за Днестр, и этим созданы предпосылки для наступления на Кишинев, для освобождения Бессарабии, для удара на Бухарест и Плоешти. Перед нами была поставлена задача — накапливать силы. Мы разъехались, чтобы продумать совместно со штабами всех соединений, что нужно для подготовки широкого наступления.

Но уже 8 мая утром был получен приказ командующего фронтом, предопределивший последующие события на Днестре до августа месяца. Приказ предписывал войскам фронта перейти к жесткой обороне, глубокоэшелонированной, с подготовкой не менее трех рубежей на общую глубину 30–40 километров.

Этот приказ знаменовал собой серьезное изменение всех наших оперативных замыслов на юге.

Еще 6 мая последовала директива Ставки. Она объясняет причину отмены установок на наступление, которые только перед этим были даны нам командующим фронтом.

Ставка предписывала 3-му Украинскому фронту сооружать оборонительный рубеж по всей линии, занимаемой фронтом, дотянув его до Черного моря.

В этой директиве, правда, вопрос о возможности наступления совсем не снимался. Предписывалось готовиться к наступлению ориентировочно на 25 мая.

Забегая вперед, скажу, что директивой Ставки от 26 мая наступление опять было перенесено, на этот раз уже без указания сроков.

Поскольку предыдущий приказ и ориентировка, данная командующим 6 мая, требовали подготовки к наступлению, то в связи с этим главные средства усиления — 9-я артиллерийская дивизия прорыва и другие артиллерийские полки, хотя и с малым количеством боеприпасов, были переправлены на плацдарм, где должны были подготовить позиции для наступления. Конечно, такая группировка сил не соответствовала последующей задаче — переходу к обороне.

Плацдарм имел только одну понтонно-мостовую переправу через реку Днестр в районе поселка Бутор. На плацдарм шли части 8-й гвардейской армии, ночами на 8 и 9 мая с плацдарма уходили части 5-й гвардейской армии. Единственная переправа обслуживала две армии по очереди, и 8-я гвардейская армия не могла произвести перегруппировку до 9 мая в связи с новым приказом командующего фронтом на глубокоэшелонированную оборону. Было бы крайне желательно главные силы артиллерии отвести с плацдарма на восточный берег Днестра, с которого было значительно лучше поддерживать огнем обороняющиеся

части на плацдарме. Надо было сделать так же, как в Сталинграде, — там мы держали артиллерию на восточном берегу Волги, а оборонялись на западном. Но здесь этого не удалось — не обеспечивала единственная переправа.

Если бы время и наличие переправ через Днестр позволили отвести на восточный берег артиллерию РВГК, армейскую и корпусную и поставить ее в районах: одну группу — Красная Горка, другую — в лесах восточнее Спей, мы могли бы простреливать весь передний край плацдарма фланговым огнем, обеспечили бы подвоз снарядов без перевозки их через единственную переправу и не создавали бы большую скученность войск на самом плацдарме.

Этот плацдарм (будем впредь называть его Пугачены) был для противника как бельмо на глазу. От него до столицы Молдавии — Кишинева напрямую было около 30 километров. А взятие Кишинева открывало ворота для наступления на Бухарест, Плоешти, на Балканы. Гитлеровское командование это хорошо понимало и приняло все меры, чтобы ликвидировать эту угрозу и перейти к активным действиям с ближайшей задачей — отбросить советские войска с западного берега Днестра на восточный.

Мы должны были ожидать активных действий немцев. Этим и объясняется озабоченность Ставки Верховного Главнокомандования строительством оборонительных рубежей по левому берегу Днестра.

К 8 мая противник сосредоточил против плацдарма Пугачены, который обороняли 4 стрелковые дивизии 8-й гвардейской армии, четыре пехотные и три танковые дивизии с общей численностью около 250 танков.

Наши дивизии, занимающие плацдармы, к этому времени еще не успели получить пополнение ни живой силой, ни техникой. На плацдарме имелось всего 10 танков, половина из которых были трофейными.

Противник, несомненно, внимательно следил за всеми нашими передвижениями на плацдарме. В его распоряжении были господствующие высоты в этом районе, появлялись и самолеты-разведчики.

10 мая в 2 часа 50 минут началась артиллерийская подготовка по нашему переднему краю и глубине обороны частей 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов.

После сорокаминутного интенсивного артиллерийского огня, поддержанные авиацией, двинулись в атаку пехота и танки противника.

Это наступление противника было для нас внезапным.

Однако первые атаки были отражены.

С наступлением рассвета противник, возобновив артиллерийскую и авиационную подготовку и введя в бой 40–50 танков и самоходных орудий при поддержке с воздуха 40 бомбардировщиков, потеснил правофланговые части 28-го гвардейского корпуса до центра населенного пункта Пугачены. Нам было ясно, что противник стремится через Пугачены вдоль берега Днестра выйти к нашей переправе и тем самым отрезать от нее части обоих корпусов.

Командир 28-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Степан Ильич Морозов, находясь на южной окраине Пугачей, подтянул свои резервы. Поставив зенитные орудия на прямую наводку против танков противника, приостановил наступление танков и пехоты противника вдоль реки на нашу понтонную переправу.

В этом бою за Пугачены был ранен в обе ноги знаменитый сталинградский снайпер Василий Зайцев, который был уже капитаном и командовал зенитной батареей.

В центре этого корпуса на участке 39-й гвардейской дивизии около 60 танков противника при поддержке пехоты прорвались и вышли на дорогу Пугачевы — Шерпены. Создалась угроза рассечения армии пополам, с выходом противника к переправе прямо с запада на восток. Кроме этого, от корпусов и дивизий начали поступать сигналы о недостатке боеприпасов.

На нашей понтонной переправе горело несколько разбитых цистерн с горючим, рвались снаряды и на наших складах. За день боя было 877 самолето-вылетов противника.

Части 4-го гвардейского корпуса весь день 10 мая отбивали атаки противника, нанося ему большие потери.

Нам было ясно, чего добивается противник. Еще ночью 10 мая было принято решение: всю артиллерию 29-го гвардейского корпуса, находящуюся на восточном берегу Днестра в районе Григориополь, нацелить на участок перед фронтом 28-го гвардейского корпуса Пугачены, Делакеу и южнее. Для ускорения этого маневра огнем в штаб 29-го гвардейского корпуса к генерал-лейтенанту Фоканову был послан заместитель командарма генерал-лейтенант Михаил Павлович Духанов. Артиллерия этого корпуса открыла огонь во фланг и тыл противника. Ее воздействие скоро сказалось. Гитлеровцы были вынуждены отказаться от развития удара вдоль Днестра с севера на юг — на наши переправы. По прорвавшимся танкам и пехоте на дороге Пугачены — Шерпены был огневой удар бригадой реактивных минометов и огнем прямой наводкой орудиями калибра 203 миллиметра. Результат этого удара: несколько

десятков танков были разбиты и горели, а пехота была или уничтожена или отступила.

Для обороны в стыке 28-го и 4-го гвардейских корпусов к вечеру подтягивалась 57-я гвардейская дивизия с задачей — переправиться в ночь на западный берег Днестра и занять оборону уступом назад в стыке между двумя этими корпусами.

За день боя, 10 мая, было убито более 4 тысяч немецких солдат и офицеров, разбито и сожжено свыше 60 танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 15 самолетов противника.

Командование фронта размещалось в это время возле станции Раздельная. Малиновский был разбужен артиллерийской канонадой около трех часов ночи. Он приказал фронтовой авиации включиться всеми силами в бой против наступающего на плацдарме противника. Утром на мой наблюдательный пункт на кургане между поселками Бутор и Ташлык прибыл командующий воздушной армией генерал-полковник Владимир Александрович Судец. Вслед за ним прибыл сюда же командующий артиллерией фронта генерал Митрофан Иванович Неделин. С первым я согласовывал авиационные удары по танковым и пехотным колоннам противника, другого просил подвозить больше боеприпасов.

Противник в ночь с 10 на 11 мая активности пехотой и танками не проявлял, но все время вел сильный ружейно-пулеметный огонь по переднему краю нашей обороны и производил огневые налеты по переправам через Днестр и по подходам к ним через поселки Ташлык и Бутор. В 6 часов утра части наших войск перешли в частные контратаки, но были встречены сильным огнем всех видов оружия и вынуждены были приостановить наступление, вернуться на исходное положение и отбивать непрерывные атаки превосходящих сил противника.

В 6 часов 30 минут крупные силы пехоты при поддержке свыше 150 танков, самоходок и бомбардировочной авиации перешли в наступление из рощ, что северо-западнее Спей на Шерпены, где оборонялись две дивизии 4-го гвардейского корпуса. Завязался исключительно упорный бой. Наша пехота не была поддержана танками, не имела противотанковых мин, недоставало боеприпасов. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, танкам противника к 11 часам 11 мая удалось ворваться в поселок Шерпены. Создалась угроза частям 35-й и 47-й гвардейских дивизий быть отрезанными от главных сил армии и от переправы в районе поселка Бутор. Фронт обороны этих дивизий развернулся от Шерпен вдоль дороги на запад от Спей включительно.

Во второй половине дня противник стремился всеми силами развивать наступление на север от Шерпен с целью выйти к основной армейской переправе. Введенные в бой части 57-й гвардейской дивизии приостановили наступление противника. Показания пленных и документы убитых на участке 4-го и 28-го гвардейских корпусов подтверждали, что наступление ведется силами 17, 294 и 320-й пехотных, 3, 13 и 14-й танковых дивизий. За день боя 11 мая было зарегистрировано до 1200 самолето-вылетов.

Авиация противника в эти дни применила кассетные авиабомбы. В кассеты входили мелкие бомбы приблизительно килограмма по полтора. Эти кассеты, сбрасываемые истребителями «фокке-вульф», разрывались в воздухе, и мелкие бомбы летели на землю, поражая живую силу на большой площади. Но достаточно было иметь над головой легкое укрытие 10–15 см толщиной, и эти бомбы вреда уже не приносили. Наши бойцы быстро раскусили это «новое оружие» гитлеровцев, назвав их «лягушками», и быстро применились к защите от них. В ответ на это наша авиация применила подобные же, но улучшенные кассеты, которые очень хорошо действовали по живой силе и по танкам.

За день боя 11 мая противник понес большие потери — не менее 5000 убитых и раненых, было подбито и сожжено до 50 танков.

11 мая в район Бутора прибыл Р. Я. Малиновский. Осмотрев в бинокль поле боя и увидев около сотни разбитых и сожженных танков противника, он понял, что противник на этом участке фронта предпринял серьезное наступление и, чтобы восстановить положение, нужны время, силы и главное — боеприпасы. Посылать в контратаку пехоту против танков противника было преступлением.

Бой 11 мая был для нас тяжелым. Только к наступлению темноты мы могли переправить на западный берег на плацдарм боеприпасы, которые спешно доставлялись с баз фронта. Армейские базы были пусты.

На 12 мая противник начал активные действия с трех часов утра. Атаки повторялись одна за другой. Танки вспыхивали и горели от нашего огня на многих участках фронта. 12 мая 29 гвардейский корпус, будучи смененным частями 5-й гвардейской армии, повернулся своими огневыми средствами против наступающего противника, усилив армию на участке направления главного его удара. За две ночи мы сумели под огнем переправить с плацдарма главные силы артиллерии (которые были направлены туда фронтом для подготовки наступления на

Кишинев), развернуть их на восточном берегу Днестра. Это усилило наше огневое воздействие по наступающим частям фашистов.

За трое суток боев противник, несмотря на превосходящие силы, не смог сбросить наши войска с плацдарма. Потерял при этом более сотни танков, более 10 тысяч людей и много другой техники. Но сумел потеснить наши части и сузить плацдарм на 2–4 километра.

15 мая командующий фронтом приказал: «8-й гвардейской армии прекратить бои за расширение плацдарма и перейти к упорной обороне занимаемого рубежа…»

16 мая в 16 часов наш 226-й гвардейский стрелковый полк после огневого налета атаковал противника в населенном пункте Шерпены и, преодолев многократные контратаки, овладел им.

С 16 по 22 мая противник неоднократно пытался атаковать наши части, вводя в бой свои резервы. Но все его атаки отбивались с большими для него потерями.

Его последняя атака была проведена рано утром 23 мая частями 17-й пехотной и 3-й танковой дивизий. Атака началась в 4 часа 30 минут и продолжалась до 8 часов. Четыре раза фашисты поднимались в атаку и каждый раз укладывались на землю ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Танки подбивались и сжигались нашей артиллерией и противотанковыми гранатами. Было видно, что противник напрягает свои последние силы, что он обескровлен и вынужден прекратить наступление, которое длилось около двух недель.

Своим упорным сопротивлением в обороне плацдарма наши войска окончательно измотали гитлеровцев, а к исходу мая очистили поселки Шерпены и Пугачены.

Противник к концу мая имел среднюю укомплектованность своих рот 15–20 человек. Наши роты к этому времени имели в своем составе около 50 бойцов. За время этих боев мы сумели подвезти боеприпасы, мины и хорошо укрепились на плацдарме.

* * *

Вспоминая эти бои за плацдарм, которые вела 8-я гвардейская армия, я хочу сказать несколько слов о значении оборонительных боев.

В истории военного искусства трудно найти примеры, чтобы слабый наступал. С давних времен рекомендовалось, сэкономив силы на второстепенных участках, создать превосходство над противником там, где собираешься наступать. Наступающий

всегда должен быть сильнее, чем обороняющийся.

Превосходство наступающего в годы Великой Отечественной войны выражалось не только в количестве, батальонов, но главным образом в танках, в артиллерии и боеприпасах, в авиации. Успех достигался и тем, что наступающий, имея тройное или пятикратное превосходство в силах, мог выставить против обороняющейся роты — батальон или полк; против батареи — дивизион или полк.

На участках, где предполагался прорыв обороны противника, нам приходилось создавать многократное превосходство. И это естественно! При тех технических средствах, которыми располагали воюющие стороны в годы второй мировой войны, без такого превосходства прорвать оборону на решающих участках было бы очень трудно, тем более развить наступление на большую глубину. Точно так же действовало при организации наступления и немецкое командование.

В связи с этим мне хотелось бы поставить здесь один теоретический вопрос. Равновелико ли для солдата и для командного состава значение боев оборонительных и наступательных?

Обратимся к истории. Где, когда свершился исторический поворот в ходе Отечественной войны 1812 года?

Давно уже умолкли по этому поводу споры. Все согласились, на том, что судьба нашествия Наполеона на Россию была решена в Бородинском сражении. Стопятидесятитысячное войско Наполеона столкнулось со стотысячной русской армией.

Армия Наполеона превосходила русскую армию численностью, своей выучкой, боевым опытом, приобретенным на европейских полях сражений, своим вооружением, наконец. Она накатывалась на Москву, она рвалась к ней, как к долгожданной цели. Русская армия вела полный день оборонительное сражение, в результате которого, небольшой срок спустя, армия Наполеона почти без единого выстрела побежала прочь из России.

Теперь я хотел бы поставить вопрос так: когда солдату было труднее? На Бородинском поле, когда на него накатывались одна за другой колонны неприятеля, когда его осыпали французские ядра, или когда он торопился перехватить бегущего и разбитого противника? Двух мнений здесь быть не может.

62-я армия стала насмерть в Сталинграде, приняв на себя удар во много раз превосходящих сил противника. Уже рассматривались и военные и политические аспекты значения обороны Сталинграда, значение высокого подвига, стойкости и мужества его защитников.

А ведь контрнаступление было рождено в Сталинградской

обороне, обороной обусловлено, из обороны оно переросло в наступление…

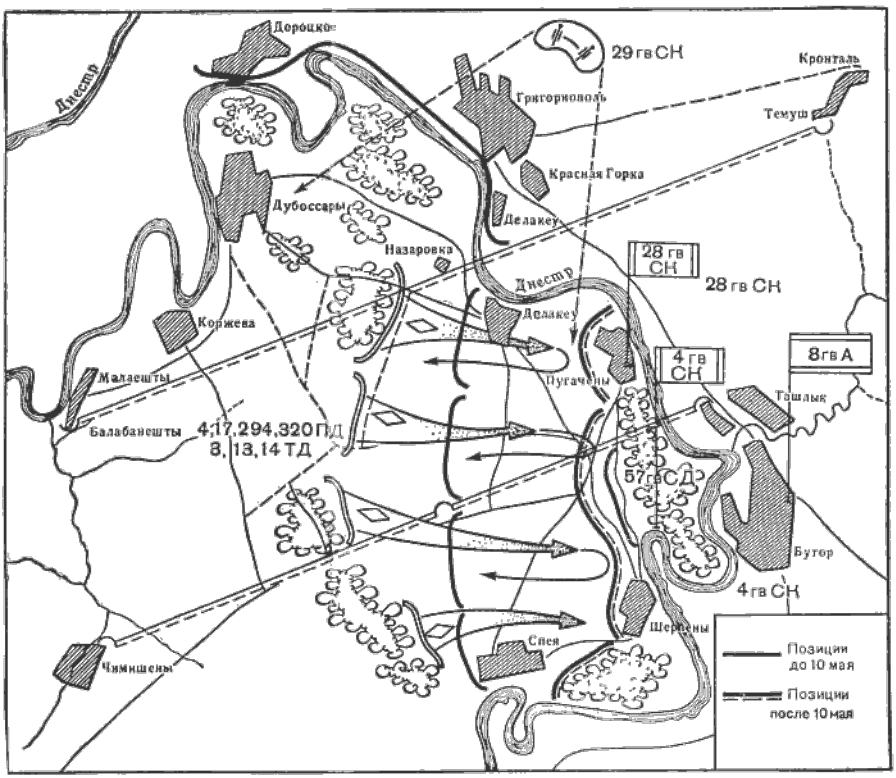
В начале января 1943 года кто-то спросил меня, что делать с окруженной многотысячной группировкой фельдмаршала Паулюса. Я тогда ответил:

— Обнести ее колючей проволокой и написать: «Лагерь вооруженных пленных».

Когда же труднее было воинам 62-й армии, когда от них требовалось больше мужества, стойкости, духовных и физических усилий? Во время обороны или во время боевых действий по уничтожению окруженной армии Паулюса? Двух мнений здесь тоже быть не может.

Но мы знаем, что за действительно героические оборонительные бои наград выдавалось меньше, чем за наступательные бои. А мужество в оборонительных боях достойно мужества в боях наступательных!

Бои за плацдарм на Днестре (май 10–25)



Послесловие

Пройдет немного времени, и 8-я гвардейская армия снимется с юга страны, чтобы влиться в войска, нацеленные для удара по Берлину.

Мы прощаемся с украинской землей. От берегов Северного Донца и до Днестра прошли мы по ней с боями.

Мы освобождали города, поселки, деревни, хутора, и везде приход советского воина вызывал слезы радости, нас встречали как освободителей. В нашу армию вливались жители освобожденных сел, деревень и городов.

Это был рубеж, переходный этап в жизни армии, каждого солдата и командира. Огромную роль сыграли политработники армии в ее внутренней перестройке.

Перед политработниками армии стояли свои, совершенно особые задачи. После передислокации армии в район Северного Донца в ней произошла значительная смена состава. Часть дивизий, принимавших участие в обороне Сталинграда, была переведена в другие объединения, к нам пришли новые люди. Политработники принимали новых товарищей, спаивали воедино новый коллектив.

Политработник в те годы был человеком вездесущим, перед ним вставали самые неожиданные вопросы, из самых различных областей человеческой жизни. Он был и историком, умел рассказать о великих исторических традициях русского народа, Советского государства, он умел разъяснить политику Коммунистической партии, он умел показать интернационализм, рассказать о дружбе народов, он умел позаботиться и о снабжении солдата самым необходимым в военном обиходе, написать письмо, откликнуться на просьбу солдатской семьи.

Армия готовилась к наступлению, армия наступала, и вместе с тем армия училась; учились все, сверху донизу, от генерала до солдата. Политработник должен был организовать эту всестороннюю учебу.

Политработой были пронизаны все звенья, все ступени армейской жизни. Много раз Военный совет армии собирался специально, чтобы обсудить те или иные итоги политработы, наметить новые задачи.

Вспоминается в связи с этим заседание Военного совета армии после завершения Никопольско-Криворожской операции в Апостолово. Действия нашей армии получили высокую опенку Ставки Верховного Главнокомандования. Вставали новые задачи.

Все это налагало повышенную ответственность на армию.

Задачи были действительно новыми. Все время нарастал темп наступления. Трудный перевал, трудная зима — все это оставалось позади. Впереди был Ингулец, впереди был удар на Николаев — Одессу.

Военный совет армии ставил перед политработниками задачи — разъяснить принципы нового наступления и особенно поработать с работниками тыловых служб армии, ибо при смене темпа наступления на их долю выпадали немалые трудности.

Прорыв вражеской обороны на реке Ингулец, знаменитый ночной поиск Каткова и его товарищей — это был, конечно., один из результатов большой политиковоспитательной работы…

Шестьдесят вторая армия вышла из горнила оборонительных боев в Сталинграде — на Северном Донце начиналась ее новая жизнь, армия, переименованная в 8-ю гвардейскую, становилась ударной силой в общем нашем наступлении по отвоеванию советской земли. Опыт боев оборонительных должен был обогатиться умением наступать.

Первые же наступательные бои на Северном Донце, сражения в лето сорок третьего года во многом дополнили и расширили наши представления о наступательных операциях того времени.

Решающим, конечно, становился артиллерийский удар, сочетающийся с броском наступающей пехоты с танками под прикрытием авиации. А это означало прежде всего самую тесную связь тыла и фронта. Усилия солдата в наступлении только тогда могли достичь результата, когда он был вооружен, как того требовали обстоятельства. Одним из решающих просчетов Гитлера, когда он начинал войну, было его убеждение, что после нескольких ударов по крупным промышленным центрам, наша промышленность будет парализована и не сумеет оснастить армию для ведения сложных военных операций.

Не будем рассматривать сражение под Москвой. Здесь Гитлер и его генералитет могли полагать, что мы бросаем в бой свои последние резервы. Но в ноябре под Сталинградом Гитлер столкнулся с факторами, им непредусмотренными. Наша советская промышленность оправилась от ударов, полученных в сорок первом году, рабочий класс преодолел трудности, связанные с перемещением промышленности в восточные районы страны. Под Сталинград пришли танковые корпуса, а в Курской битве приняли участие уже танковые армии, сформированные из танков отечественного производства.

Свыше ста стволов на один километр фронта… Каких стволов? Уже в первый год войны обнаружилась непригодность орудий малого калибра для борьбы с немецкими танками.

Наметилась тенденция увеличения калибров противотанковой артиллерии.

Все это влекло за собой преодоление огромных технических трудностей, тянуло за собой решение множества неожиданных задач. Рабочий класс справился! Мы получили первоклассную технику, самое современное оружие… Не сразу в достаточном количестве. Часто снабжению фронта мешали транспортные затруднения. Но каждому ясно, что контрнаступление под Сталинградом, переросшее в общее наступление, могло быть осуществлено только при наличии достаточных технических средств.

Лето сорок третьего года с еще большей очевидностью показало, что победить может только тот, кто лучше вооружился.

Курская битва была не только испытанием людской стойкости, она была битвой моторов, артиллерии, схваткой двух политических и технических систем. Только потому, что наша промышленность оснастила фронт новейшими и наиболее эффективными средствами вооружения, а солдаты оказались подготовленными к обращению с новой техникой, мы отразили удар врага, подкрепленный оружейным арсеналом всей Европы, и погнали его прочь…

Именно полное взаимодействие фронта и тыла обеспечило нам победу.

Но это же всегда оставалось всего лишь одной стороной дела. Техника без человека, овладевшего техникой, остается мертвой.

Я прошу заметить одно! В войне моторов мы одержали победу над армией технически высокоразвитой страны. А это значит, что рабочий класс не только выковал оружие, но и вложил его в руки тех, кто был обучен им владеть. Танковые армии — это десятки и сотни тысяч технически грамотных людей.

А что такое общевойсковая армия? Это и артиллерийские, и танковые, и саперные, и химические, и инженерные войска…

Трудные были бои. Я, сколько мог, подробно о них рассказал, но мне хотелось бы, чтобы читатели, следуя за 8-й гвардейской армией, поняли, что каждый новый рубеж в наступлении — это был для ее солдат и офицеров и новый рубеж на пути овладения самыми разнообразными и в общем-то широкими знаниями. Мы воевали, но одновременно и учились воевать… И мудрено ли, что не нашлось таких оборонительных сооружений, воздвигнутых гитлеровцами, которые не были бы сокрушены в ходе боев за освобождение нашей Родины.

Мы начали свой путь с форсирования в общем-то неширокой реки. Но тут же натолкнулись на укрепленный район, и бои на Северном Донце, в особенности в Голой Долине, приобрели

затяжной и кровопролитный характер. Мы там стучались в ворота Донбасса. Ворота Донбасса… Из-под Харькова и из-под Белгорода гитлеровское командование спешно перебрасывает на Северный Донец танковые соединения, следуют удар за ударом Воронежского, Степного и Центрального фронтов.

Весь гитлеровский фронт содрогался и начинал пятиться. Нам дороги были и день и час. Я не думаю, что удивлю специалистов приводимым здесь документом. Я привожу его для широкого читателя, ибо этот документ объясняет, почему наше Верховное Главнокомандование торопило Юго-Западный фронт с освобождением Донбасса.

«Рейсфюрср СС
Полевой командный пункт 7.9.43
Секретный документ государственной важности!
7 экземпляров
7-й экземпляр
Высшему руководителю СС и полиции Украины, Киев
Дорогой Прютцманн!
Генерал от инфантерии Штапф имеет специальные приказы относительно Донецкой области, незамедлительно установите с ним контакт. Я поручаю Вам содействовать ему всеми силами. Следует достичь того, чтобы при оставлении части территории на Украине там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного железнодорожного рельса, чтобы не оставался стоять ни один дом, не было бы шахты, не разрушенной на многие годы, не было бы ни одного не отравленного колодца. Противник должен обнаружить действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Обсудите немедленно эти дела со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах.
Хайль Гитлер!

Ваш Г. Гиммлер»[17].

Бои на Северном Донце многому нас научили. К Запорожскому плацдарму армия подступала, имея уже богатый опыт наступательных боев, прорыва оборонительных линий, форсирования мощных укреплений. Именно этот опыт и помог овладеть Запорожским плацдармом, превращенным противником в крепость. Именно возросшее мастерство солдат и офицеров позволило осуществить ночной штурм города и укреплений

силами целого фронта. На том этапе это было для нас венцом достижений.

8-я гвардейская переправилась через Днепр. Рушился гитлеровский «Восточный вал». Начались бои на Правобережной Украине, бои за криворожскую железную руду и никопольский марганец. Они пали на трудное время года — на позднюю осень, зиму и раннюю весну.

И в те времена, и сейчас фальсификаторы истории много говорят о неблагоприятных климатических условиях, в которых оказались гитлеровские завоеватели на нашей земле, говорят о бездорожье, об огромных неизмеримых просторах.

Мы не приглашали завоевателей, они явились непрошеными! Разве они не знали, что русская зима суровее, чем в Европе, и рокадные дороги по нашим просторам тогда еще не были проложены?

Все это было известно…

Но разве трудности от бездорожья, от просторов, от суровых морозов, от дождей касались только одной стороны? Зимой сорок первого года мы погнали врага от ворот Москвы в холод и стужу, в полном бездорожье. В таких условиях наступающему всегда труднее, чем обороняющемуся. Мы были наступающими, гитлеровцы — обороняющимися.

Наступление в осень и зиму сорок третьего — сорок четвертого годов на Правобережной Украине, как я уже рассказывал, велось в немыслимых условиях. Обороняющемуся — гитлеровцам — было несравненно легче! Им, завоевателям, благоприятствовали капризы природы, а мы от них страдали.

Минуя и этот трудный перевал, 8-я гвардейская армия устремилась к Николаеву и Одессе…

Впереди уже в нескольких переходах, а потом и в одном переходе — государственная граница!

notes

Примечания

1

А. М. Самсонов. Сталинградская битва. М., 1968, стр. 420.

2

Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, стр. 225.

Роковые решения. М., 1958, стр. 150.

4

М. Мэтлоф и Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М., 1955, стр. 276.

5

Там же.

6

В. Адам. Трудные решения. Мемуары полковника 6-й германской армии. М., 1967, стр. 106–107.

7

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 406.

8

Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939–1945 гг., стр. 167.

9

Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 33, лл. 90–91.

10

Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, лл. 149–151.

11

Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 2, д. 14, л. 385.

12

Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 2, д. 8, л. 136.

13

Архив МО СССР, ф. 229, оп. 643, д. 91, лл. 79–82.

14

Архив МО СССР, ф. 229, оп. 643, д 100, лл. 352–354.

15

Архив МО СССР, ф. 48-а, оп. 2, д. 20, лл. 543–545.

16

История Великой Отечественной войны, т. 3, стр. 345–346.

«СС в действии». М., «Прогресс», 1969, стр. 549.